

ВРЕМЯ СБРОСИТЬ МАСКИ

КАРНАВАЛ ДЖИ

ЕВГЕНИЯ
САРОНОВА

Темные игры Лиара

Евгения Сафонова

Карнавал лжи

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сафонова Е. С.

Карнавал лжи / Е. С. Сафонова — «Эксмо», 2022 — (Темные игры Лиара)

ISBN 978-5-04-164123-8

Продолжение романа «Кукольная королева», и вторая книга тетралогии «Темные игры Лиара». Полгода. Всего полгода спокойной жизни – столько Таше уготовила судьба. Тёмные игры Лиара продолжаются, и пришло время сделать следующий ход. Первый этап игры, перевернувшей Ташину жизнь, завершён. Настала пора для нового. Он приносит девушке княжеский титул, приглашение ко двору... и покушение на короля. Покушение, в котором несправедливо обвиняют её друзей. Таше придётся снова отправиться в путешествие, чтобы спасти близких, – только её собственная беда куда ближе, чем кажется. И теперь на кону не только свобода и счастье девушки, но и судьба всего королевства. Продолжение цикла по достоинству оценили книжные блогеры и рецензенты журнала «Мир фантастики». Издание дополнено картой на форзацах. От автора «Лунного ветра» и «Когда завтра настанет вновь». Книга получила поддержку книжного сообщества и авторское продвижение.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164123-8

© Сафонова Е. С., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Список основных персонажей, действовавших и упоминавшихся в предыдущей книге цикла «Кукольная королева»	8
Книга первая. Когда приходит тьма	10
Глава первая. Морли-малэн[1]	13
Глава вторая. Да здравствует король	28
Глава третья. Снова в путь	58
Глава четвёртая. Что скрывает лес	75
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Евгения Сафонова

Карнавал лжи

© Сафонова Е.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Добро пожаловать на Карнавал Лжи, дамы и господа!

Вас ждут лучшие аттракционы от Автора.

Вот здесь у нас эмоциональные качели – только осторожно, держитесь крепче и не забудьте платочки!

Вот галерея развешенных ружей – конечно же, в нужное время выстрелит каждое.

А вот лабиринт разбитых зеркал – попробуйте угадать, кто тут герой, а кто злодей, ступая по осколкам.

Проходите, но не забывайте маски, ведь здесь их носят все.

Добро пожаловать в Игру, из которой не выбраться.

Елена @kassy_el

Если вы думаете, что первая часть была лихо закрученной и богатой на душераздирающие твисты, значит, вы ещё не читали вторую...

Возможность заглянуть в душу одному из самых неоднозначных книжных злодеев, лёгкая и воздушная, как лунная дорожка, романтическая линия, бессмертные существа, ведущие себя не как подростки, – это и многое другое делает книгу одной из лучших в жанре.

Готовьтесь танцевать на битых осколках зеркал среди теней и отражений, кружась в карнавале масок...

Ольга Бурдова, @olga.bookaddicted

«Кукольная королева» и «Карнавал лжи» – чудесные книги, сюжет которых заставит читателя не раз кусать губы, переживая за персонажей. Здесь злодей может полюбиться гораздо сильнее героев, да и к концу второй книги уже не раз можно задаться вопросом: а кто же здесь настоящий злодей?

Но больше всего любви вызывает мир – обширный, неоднозначный, полный тайн и самого правильного волшебства, которое не отпускает, даже когда переворачиваешь последнюю страницу.

Джезебел Морган, автор дилогии «Иди через тёмный лес» и «Вслед за змеями»

Впечатляющее продолжение «Кукольной королевы», где игра судьбы с каждой страницей становится более непредсказуемой.

Здесь не только ошеломительные открытия и поразительные повороты сюжета, но и обилие новых любопытных тайн, которые предстоит разгадать читателю.

В этом головокружительном калейдоскопе загадок Таше предстоит понять, кто ей друг, кто враг, и сделать непростой выбор.

Вероника, Youtube-канал «Books of Scarly»

Бесконечность, заполненная болью и нежностью, что каждый раз опустошает всё больше.

Игра, в которой правила устанавливает кукловод, заведомо уверенный в своей победе.

История, что переполняет противоречиями голову, заставляя погружаться в неё всё глубже, влюбляя в себя.

Дарья @monstrum_somnia

«Карнавал лжи» – история, возвращающая к полюбившимся героям. Наша королева больше не желает быть ведомой марионеткой, куклой в руках опасного кукловода. Она уже не ребёнок и готова начать СВОЮ игру. Вот только ставки в ней всё так же высоки! Справится ли она с помощью своих верных рыцарей, названного отца и друзей? Напряжённый накал развивающихся событий чувствуется с первых страниц! Готовы ли вы пройти этот путь вместе с героями? Тогда будьте осторожны! Игра может затянуть в свой плен и вас...

Ольга @olka.book

Насколько же мастерски Евгения Сафонова погружает в сюжет своим завораживающим слогом. Ты будто укутываешься в уютный плед и ограждаешься от всего мира, остаёшься один на один с героями книги и участвуешь с ними во всех событиях. Вас ждёт потрясающее приключение и очень много лжи, которая, как кусочки пазлов, соберётся в конце в единую картину и оставит ещё больше вопросов к продолжению.

Полина @polly.reads

«Карнавал лжи» – это танец с разумом читателя, ведь сказка закончилась и началась жёсткая игра, наполненная интригами и секретами. С каждой страницей вы будете понимать, что правда кроется намного глубже и спрятана ещё сильнее, чем могло показаться раньше.

Таше пришлось резко повзрослеть и взять на себя ответственность за всю свою жизнь, прошлое и будущее.

«Карнавал лжи» как будто подготавливает читателя к драматичному финалу, где нас с ног до головы своей неизвестностью окутает мрак.

Ксения @mal__books

Эта история раскрывает всё больше тайн прошлого, которые шокируют до невозможности. Понять, кто друг, а кто враг, становится всё сложнее. Кажется, что ответы на поверхности, но стоит только дотянуться до них, как они ускользают из рук. «Карнавал лжи» показывает свой мир с самых неожиданных сторон, проникает в душу и остаётся в мыслях.

Татьяна @taty.books

«Карнавал лжи» – это обворожительный бал-маскарад, где за каждой маской скрывается новая тайна. Эта тёмная сказка не оставит вас равнодушными, увлечёт в свой мир зеркал и магии, королей и рыцарей, добра и зла. Ярko, головокружительно, как и положено на настоящем карнавале!

Я жалею лишь об одном – что эту книгу написала не я.

*Юлия Бабчинская, автор фэнтези, переводчик, основатель Братства
Читающих Писателей @fellow_writers*

Как же автор умело создаёт картину. Ощуcaешь себя в руках кукловода, который не перестаёт дергать за ниточки. Во время чтения второй книги я словно замороженная следила за развитием истории. Тот случай, когда восхищаешься не только сюжетом, но и описанием деталей. Ты не просто читаешь книгу, а оказываешься в ней, видишь, слышишь и чувствуешь мир вокруг себя. Это истинная магия.

Анжела @read.ru

Я точно знаю, что потом перечитаю роман ещё раз – чтобы насладиться разбросанными по тексту намёками и зацепками и снова прожить всю историю вместе с Ташей, Лиаром, Ароном и братьями Сэмперами. Эта глубокая и масштабная история прочно заняла место в моём

сердце. Очень жду продолжения и надеюсь на счастливый конец – ведь «разве может порядочная сказка обойтись без счастливого конца»?

*Зоя Ласкина, автор фэнтези, член Братства Читающих Писателей
@fellow_writers*

Список основных персонажей, действовавших и упоминавшихся в предыдущей книге цикла «Кукольная королева»

Тариша Бьорк-Фаргори-Морли, она же Таша – принцесса-оборотень из сверженной королевской династии Бьорков.

Лив Фаргори – её младшая единоутробная сестра.

Мариэль Бьорк – мать Таши и Лив, наследница сверженной королевской династии, чудом пережившая народное восстание. Убита наёмниками на глазах у младшей дочери, пока старшая была на прогулке.

Тариш Морли – представитель древнего княжеского рода, первый муж Мариэль, отец Таши. Убит во время восстания ещё до Ташиного рождения.

Альмон Фаргори – второй муж Мариэль, приёмный отец Таши, наследник прославленной династии сидроделов. Погиб, когда Таше было девять.

Гаст Онван – Ташин друг детства. Сын старосты деревни Прадмунт, где Таша родилась и выросла.

Отец Дармиори – дядя Гаста, пастырь деревни Прадмунт.

Джеми Сэмпер – юный колдун, член общества заговорщиков «Тёмный венец», которое жаждет падения узурпатора и реставрации династии Бьорков.

Алексас Сэмпер – старший брат Джеми, делящий с ним одно тело на двоих.

Арондель Кармайкл, он же Зрячий, он же Судья – один из шести могущественных бессмертных хранителей Аллигрانا, прозванных амадэями. Ныне пастырь деревни Фар-Лойл.

Лиар, он же Воин, он же Палач – ещё один амадэй. Таинственный кукловод, убивший Мариэль и похитивший Лив.

Альдрем – слуга Лиара.

Герланд – альв, один из основателей «Тёмного венца».

Бэрриэл, она же Бэрри – дочь Герланда. Погибла, когда в штаб-квартиру сообщества нагрянул узурпатор со своими людьми.

Магистр Торнори – второй основатель «Тёмного венца». Был учителем Джеми, погиб в тот же день, что и Бэрри.

Найдженэйл, он же Найдж – колдун, ещё один из основателей «Тёмного венца», ассистент магистра Торнори. Помогал учить Джеми, состоял в романтических отношениях с Бэрри до её гибели.

Шейлиреар Дарфулл Первый – узурпатор, свергший династию Бьорков и ныне правящий людским королевством.

Леогран Норман – юный герцог, правитель Броселианского округа. Заключил фиктивную помолвку с Ташей, чтобы законным образом получить свой титул: в роду Норманов тот передаётся лишь после того, как наследник обзаведётся женой или невестой, пригодной к деторождению.

Лавиэльль Норман – сестра-близнец Леограна.

Орек Норман – дядя Леограна и Лавиэльль. Стал опекуном близнецов после смерти их родителей.

Кэйрмиль Норман – вторая жена Орека, оказавшаяся эйрдалем. Убила первую жену Орека, а также родителей Леограна и Лавиэльль. Сбежала, когда Таша, Арон и братья Сэмперы вывели её на чистую воду.

Вермилион, он же Мастер Иллюзионист – один из шести учителей в Адамантской Школе волшебников, прозванных Мастерами.

Тальрин Ингран – оборотень, давняя знакомая Арона, жительница города Пвилл. Приютила Ташу и Джеми в своём доме, когда Таша умирала от отравления.

Лир, Мэл и Кира Инграны – соответственно сын, невестка и внучка Тальрин.

Нирулин – цверг, служанка в пригорном трактире. В благодарность за то, что Арон исцелил её умирающую дочь, на время поселила Лив под своей крышей.

Кристалль Чудотворная – святая спасительница Аллиграна от орд нечисти, основательница кристалинской церкви. Именно её стараниями у людей появились маги и амадэи.

Ликбер Великий – величайший волшебник в истории Аллиграна. Сверг амадэев, положил начало правлению династии Бьорков, короновав своего племянника, ценой своей жизни спас страну от вторжения тварей из Бездны.

Посвящается всем, кто помог мне не опустить руки за те годы, на которые растянулись мои странствия по Аллиграну, и добраться сюда.

Книга первая. Когда приходит тьма

Легче всего обмануть человека, когда он пытается обмануть вас.
Франсуа Ларошфуко

* * *

Зима давно коснулась леса вымораживающим дыханием, укрыв землю белым плащом, облив тёмные стволы ледяной глазурью. Ветви елей гнулись под весом обременившего их снега. Иногда пробравшийся в чащу ветер заставлял их дрожать, и тогда на бегущую через лес девушку падали холодные белые хлопья, разбивавшиеся о её плечи и сыпавшиеся со спины белой пудрой.

Любой сторонний наблюдатель сразу заметил бы некую странность происходящего. Честно говоря, хорошенькая девушка, опрометью бегущая через тёмный лес, уже являла собой странное зрелище. К тому же, несмотря на лютую стужу, на ней было только шерстяное платье, определённо не походившее на зимнюю одежду. Если присмотреться, можно было заметить, что ноги её, по колено проваливающиеся в снег, обуты в лёгкие кожаные туфли.

Девушка тяжело дышала; лихорадочный румянец раскрашивал её лицо, растрёпанные волосы лезли в раскрытый рот, жадно пьющий ледяной воздух. Она спотыкалась и падала, поднималась, снова спотыкалась и снова падала, – но бежала так отчаянно, словно от этого зависела её жизнь.

Накрыв лес гулким куполом отзвуков, над деревьями раскатился призыв охотничьего рога. Девушка застыла и обернулась через плечо, пытаясь отдышаться, дрожа всем телом.

Когда вдали раздался быстро оборвавшийся крик, она закусила губу и побежала дальше, и только ели могли услышать её всхлип.

Рыдая от ужаса, девушка бежала вперёд, пока крики за её спиной становились чаще. Если б она оборачивалась, то могла бы видеть, что где-то ели озарили потусторонние белые отблески, где-то полыхнула вспышка голубого света, охватившая деревья синим пламенем, выжегшая в лесу огненный квадрат.

Она не могла видеть того, что предшествовало крикам, но могла слышать то, что звучало после них. Эхо далёкого смеха.

Вскоре девушка выбежала на поляну. В лунном свете снег искрился, словно присыпанный алмазной крошкой. Замороженный воздух был до того прозрачным, что походил на жидкий хрусталь.

Когда она снова упала, то не сразу смогла подняться.

Она не видела, что кто-то наблюдает, как она, пошатываясь, бредёт вперёд. Каждый шаг был всё медленнее, каждое движение давалось всё труднее.

– А ты молодец, – наконец сказал наблюдатель. Не слишком громко, но достаточно, чтобы быть услышанным. – Выносливее других.

Девушка не стала оборачиваться. Не решила тратить на это бесценное время. Лишь подобрала юбку и побежала снова, – но наблюдатель уже растворился в лесной тьме и возник прямо перед ней. Лёгкого толчка в грудь оказалось достаточно, чтобы девушка, нелепо взмахнув руками в попытке удержать равновесие, упала назад, утонув в глубоком снегу.

И больше не встала.

Какое-то время наблюдатель смотрел на неё сверху вниз. Почти ребёнок, она лежала в своём лёгком платье, разметав тёмные волосы по белой земле, раскинув руки, точно решив нарисовать на снегу крылья.

Она больше не пыталась бежать. Просто лежала и смотрела на собственную смерть, и её слёзы скатывались на снег.

– Зачем? – Слово, вырвавшееся из застуженного горла, было хриплым, едва слышным. – Зачем вы сняли чары... перед охотой?

– Это не моя воля. – Глаза наблюдателя светились, будто отражая лунное сияние; свет их был обволакивающим и мягким, как его голос. Снег не приминался под его ногами. – Но иначе вы бы не убегали, а это, согласись, было бы не так интересно.

– За что? Мама служила вам...

– Да, и служила верно, опасаясь за твою жизнь.

– Она погибла, выполняя ваше задание!

– И теперь держать тебя здесь нет никакого резона. – Наблюдатель опустил на колени, каким-то невероятным образом удерживаясь на поверхности рассыпчатой снежной пудры. – Жизнь шпионов коротка. Впрочем, на эту роль всегда выбирают слабейших: если что, потеря будет невелика.

Она смотрела будто бы сквозь него, и её посиневшие губы, казалось, шевелились сами собой:

– Зачем вы заставили меня вспомнить, зачем... почему не дали умереть не помня, почему не дали умереть спокойно, почему, почему...

Он обхватил её за плечи и приподнял, прижав к себе. Нежно отвлёл волосы, липнущие к мокрому щекам. Девушка всхлипнула; тёмные глаза её подёрнулись странной туманной дымкой.

– Твоя мать была хорошим слугой. И хорошим человеком. – Наблюдатель смотрел на неё почти печально. Чёрные звёзды в его глазах поглощали любой посторонний свет. – Если тебя это утешит, она очень тебя любила.

– Я не хочу умирать, – прошептала она.

– Знаю. И ты удивишься, но в этом месте все почти столь же бесправны, как и ты. Просто кого-то назначают жертвой, а кого-то – охотником. Те, кто сегодня охотился за тобой, когда-нибудь могут оказаться на твоём месте.

Она явно не понимала смысла его слов.

Впрочем, не факт, что наблюдатель хотел, чтобы его понимали.

– Не хочу...

– Поверь, всё было бы куда хуже, если бы до тебя добрался кто-то другой. Не все из нас умеют быть милосердными, даже с теми, кто этого заслуживает.

Она вдруг улыбнулась, словно он сказал что-то необыкновенно приятное; впрочем, она могла слышать совсем другие слова, чем те, что были сказаны на самом деле. Потом закрыла глаза, и дыхание её выровнялось.

Наблюдатель склонил голову, крепче обнимая спящую беглянку. Коснулся губами её губ – долгим, деликатным поцелуем. Спустя какое-то время выпрямился, бережно опустил девушку на землю и, в последний раз посмотрев на её лицо, белизной сравнивавшееся со снегом на поляне, поднялся на ноги.

Он сделал шаг вперёд одновременно с тем, как набежавшие тучи скрыли две луны на небосводе, и в тот же миг кое-кто шагнул ему навстречу.

– Так и знал, что ты первым её найдёшь. – Новое действующее лицо склонило набок седовласую голову. – Славная была девчущечка.

– Всё? – спросил наблюдатель; в его голосе крошились ледяные кристаллы.

– Всё, – подтвердила темноволосая девушка, появившаяся из темноты слева. – Мы можем вернуться в замок, Андукар-энтаро?

Лесной мрак вдруг обрёл глаза: десятки жёлтых, зелёных и красных огней, парными точками загоревшихся впереди.

Тот, кого называли Андукаром, замер, и его спутники замерли вместе с ним.

– Поймали кого-то, Кэйрмил? – бросил он.

Девушка кивнула, глядя на Андукара со странной застенчивостью.

– Надеюсь, ты хоть немножко восстановила силы, – озабоченно вставил седовласый. Он был единственным из троих, в чьих глазах не светились чёрные звёзды. – Тебе в последнее время нелегко пришлось...

– Ничего, отец. Зато скоро, надеюсь, я смогу лицезреть всех троих Норманов на плахе. И моего муженька, и его племянничков, – заметила Кэйрмил с улыбкой, лёгкой, как паутина. – Для меня честь быть полезной...

– Не ищите здесь чести. Мне стоило немалых трудов убедить её, что именно вы должны организовать покушение и этим хоть немного загладить свою вину. И я сделал это только из уважения к вашему отцу, – бесстрастно заметил Андукар. – Будь вы осторожнее, Клаусхебер оказался бы нашим без такого риска.

Кэйрмил пригладила густую чёлку – точно боялась, что Андукар узрит на её лбу нечто, чего ему видеть не полагалось.

– С другой стороны, так быстрее, – возразил седовласый. – Иначе ещё пару лет ждать бы пришлось, а так... что ни делается, всё к лучшему.

Определить выражение лица Андукара было почти невыполнимой задачей.

– В любом случае, – произнёс он, – результат усердия Кэйрмил-лиэн нам ещё только предстоит узнать.

– Всё пройдёт как должно. Я не подведу, поверьте, – с жаром заверила девушка. – Ни вас, ни нашу госпожу.

Звёздный свет замерцал на лоснящейся шерсти зверей, подкрадывавшихся из-за деревьев. Горящие глаза устремились в центр поляны, туда, где лежала девушка, всё ещё казавшаяся спящей.

Андукар улыбнулся голоду в этих глазах.

– Жаль всех тех прелестных дев, что сейчас примеряют наряды к Королевскому балу, не ведая, что в этом году ему не суждено состояться, – изрёк он. С тщательно дозированным презрением добавил: – Думаю, теперь нам действительно пора.

Все трое исчезли.

Звери двинулись вперёд.

Когда луна вернулась на небосвод, её голубые лучи облили обледенелые ели, пустую поляну и багровый снег.

Глава первая. Морли-малэн¹

Представьте себе кабинет. Конечно, этот кабинет мало таковой напоминал – просторную комнату обставили лишь парой кресел, круглым столом да жёсткой кушеткой, – но тем не менее таковым являлся.

Кабинет занимала тьма. Во всех смыслах. Здесь редко гостил солнечный свет: бархатные гардины надёжно хранили тьму от покушений на её существование. Мрак рассеивало лишь пламя, плясавшее в камине.

А ещё тьма сидела в кресле у камина. Сидела, грея в ладонях хрустальный фужер с бренди. Хозяина кабинета не раз называли тьмой в человеческом облике – вполне заслуженно, надо признать.

Что подделаешь: в его случае тьма – не столько состояние души, сколько профессия.

Он лениво покачивал фужер, наблюдая, как янтарная жидкость лижет хрусталь, всплескиваясь почти до края и бессильно опускаясь обратно.

– Альдрем, – сказал он наконец.

Старик, стоявший за спинкой кресла, почтительно склонил голову:

– Хозяин?

– А я говорил тебе, что готовится покушение на короля?

Слуга – седой и худой, словно швабра в чёрном сюртуке – уставился на господина с явным недоверием.

– Откуда вы знаете?

– Я много чего знаю. – Пальцы его свободной руки лежали на подлокотнике кресла и, казалось, неспешно перебирали невидимые клавиши, спрятанные под бархатной обивкой. – Больше, чем самому хотелось бы, пожалуй.

– Но как... когда?

– Незадолго до Королевского бала. Во время аудиенции с одним из герцогов, полагаю.

Альдрем в замешательстве потёр ладони друг об друга.

– Уже через четыре дня... – Слуга рассеянно посмотрел в невидимое окно. – И что будете делать?

Он следил, как танцует огонь, лаская каминную решётку.

– Я решил, что не стоит вмешиваться.

– Но... почему?

– Всё, что нужно, сделают за меня.

Альдрем помолчал.

– Не думал, – произнёс старик, – что до этого дойдёт.

Хозяин кабинета не ответил.

Забавно. Он-то об этом думал. Не мог не думать. И, предусматривая такой расклад, тем не менее решал, что в ближайшее время убийство Его Величества Шейлиреара Первого будет лишним. Слишком это открытый, слишком... глупый шаг.

С другой стороны, не всем же быть такими умными, как он. Ни капли самолюбования – лишь констатация факта.

Он наблюдал за узорами, которые бренди оставлял на стеклянных стенках. Сквозь них видны были языки пламени, и ему нехватило (хотя, учитывая обстоятельства, очень даже кстати) вспомнился другой зимний вечер: тоже с огнём в очаге, тоже со спиртным. И незванным, но в те времена всегда желанным гостем.

¹ Приставка, употребляемая при обращении к знатной женщине (алл.).

– Ты один? – спрашивает она с порога, входя в их с братом обитель без приветствия, без стука. Даже не входя, а проскальзывая внутрь, стремительно и гибко, словно языки пламени.

Она и есть пламя – рыжее, яркое, яростное. Чёрные одежды Воина лишь подчёркивают огненный оттенок её кудрей.

– Здравствуй, Зельда, – отвечает он, скрывая усталость. – Арон в городе.

– Хорошо. Мне хотелось поговорить с тобой. С тобой одним. – Сестра садится в плетёное кресло напротив. Откидывается на камышовую спинку. – Налей вина.

Он движением руки призывает на стол бутылъ и два кубка.

Это один из тех вечеров, когда ему не хотелось бы видеть никого, кроме собственной тени. Но отсутствие приветствия, резкость движений, странное выражение зелёных глаз говорят ему: Зельду всерьёз что-то тревожит и это не та вещь, с которой она может разобратся без него.

Он не был старшим из шестерых, когда их сделали амадэями. Но он был сильнейшим – и справедливо считал, что это накладывает на него наибольшую ответственность. За остальных – тоже. К тому же, когда вы разменяли четвёртую сотню лет, разница в пять перестает иметь какое-либо значение.

Зельда следит, как он разливает вино: теперь уже сам, не размениваясь на фокусы. Приняв кубок из его рук, безмолвно салютует и делает первый глоток, глядя на пламя в очаге судилища, ставшего домом для двух амадэев.

Какое-то время они оба молчат, и он терпеливо ждёт, пока сестра будет готова.

– Как думаешь, – произносит она наконец, – нам стало бы легче, будь у нас те, с кем можно разделить этот груз? Кроме нас шестерых?

...вот оно что. Забавно.

Он думал, что эти терзания – о невозможности любить смертных по многим причинам, включая их смертность, – оставили их давным-давно.

– Сомневаюсь, что кто-то действительно может разделить его с нами. Кроме нас шестерых, – отвечает он, не стараясь приправить мёдом горькую истину. – У каждого из нас есть пятеро других. Пятеро таких друзей, какими стали мы, – у многих смертных за всю жизнь не бывает и этого.

Зельда снова молчит, мерно покачивая кубок в руке. Она смотрит, как вино облизывает стенки, оставляя кровавые разводы на серебре.

– Ты никогда не думал, что со стороны Кристали это нечестно – взваливать на плечи шестерых детей ответственность за всё человечество?

Она говорит это почти небрежно.

Сказанное ею – святотатство, но он – последний, кто будет обвинять в подобном кого-то из них шестерых. Поэтому, когда его братьев и сестёр что-то тревожит, они и приходят к нему. Или к Келли, но реже: та всё же не так близко сошлась с Кристалью Чудотворной, не так хорошо видела всё то человеческое, что было присуще спасительнице Аллигрانا. Для Келли Кристаль оставалась окутана ореолом святости, для него – нет.

Святые не отдают приказов вроде того, что он получил в день, когда стал амадэем.

– Ты тоже Воин, – мягко напоминает он. – Ты не хуже меня знаешь, что войны не выигрывают без жертв.

– Но разве честно, что этими жертвами стали мы?

– К созданию амадэев неприменимо слово «честность», Зельда. Только «необходимость». И мы сами согласились на это, с радостью и гордостью.

Она смеётся. Обычно смех её тоже огненный – тёплый и яркий, словно закатное солнце.

Сейчас в нём трещат сереющие угли гаснущего костра.

– О да. Согласились. Ведь в одиннадцать, или в десять, или в тринадцать тебе очень хочется жить вечно. – Она подносит кубок к губам, глядя в окно, за которым синее вос-

ходящая луна: Никадора пока не поднялась достаточно высоко, чтобы обрести привычный голубой свет. – Ты ещё ничего почти не видел, и одна мысль о том, что придётся уходить, пугает до дрожи. Но когда проходит двести, триста лет, и ты уже видел всё... И даже умереть тебе не дано...

– Нам дали эти силы, чтобы защищать их, Зельда. Людей. Только для этого. Не для нас самих.

– И ты никогда не думал, что люди не заслужили нашей защиты? После особо тяжёлого дня, когда приходилось казнить ублюдков, которые резали женщин, насиловали детей или убивали стариков на глазах у внуков и получали от всего этого удовольствие?

Он медлит с ответом – потому что, разумеется, думал об этом. За триста лет он думал о многих вещах, думать о которых для них шестерых – такое же святотатство, как обвинение Кристалли Чудотворной в чём бы то ни было.

Конечно, от Зельды его промедление не укрывается.

– Помнишь предания о том, что в заморских землях, откуда прибыли наши предки, царствовали владыки, которых называли королями? – продолжает она. В зелёных глазах, мерцающих над серебряной гранью кубка, горят отблески огня. – Только представь, какими королями могли бы стать мы. Тебе никогда не хотелось властвовать над ними вместо того, чтобы служить им? Искоренять всех ублюдков среди них под корень – и вовсе не той милосердной смертью, которую дарят им наши мечи? Сделать так, чтобы они и помыслить боялись о преступлениях, чтобы дрожали, едва вспомнив о нас, и этот ужас останавливал их прежде, чем они протянут свои поганые руки к невинным?

Он смотрит в огонь в её глазах. Так пытливо, как редко смотрел на сестру за эти триста лет.

...естественно, об этом он тоже думал. И прекрасно знал, каким королём мог бы стать. Как мог бы пройти по Аллиграну яростным вихрем, сея гибель и разрушение, оставляя после себя чистую девственную пустоту, на которой, возможно, взойдёт нечто лучшее. Люди в массе своей слабы и склонны к разрушению – себя и, самое печальное, других. Волки в овечьей шкуре – и зачастую с овечьим же складом ума. Многих из них сильный пастырь может повести за собой, куда вздумается, если найдёт способ держать стадо в узде.

Страх держит в узде едва ли не лучше всего бы то ни было. А они, избранные Кристалли, могли быть страшнее самых страшных чудовищ, которыми в сказках люди пугают своих детей.

Он думал об этом – и забывал. Отодвигал мысль в те закоулки собственного сознания, где покоилось всё, чему стоило быть забытым. О чём не стоило думать, чтобы на самом деле не превратиться в чудовище. Он – Воин, убивающий чудовищ (в человеческом облике в том числе); Палач, карающий их. Понимание того, насколько легко он мог бы превратиться в одного из тех, кого призван казнить, удерживало от шага за эту грань лучшие любых цепей.

Но шагнуть за неё мог не только он. И ему очень не хотелось делать того, что придётся сделать, если сейчас Зельда хоть на йоту серьёзна.

Она наконец заглядывает в его лицо, – и, хотя он научился скрывать свои мысли и чувства даже от тех, кто читал их лучше любого из смертных, явно замечает тень на этом лице.

– Скажи, брат, – произносит Зельда, – если перед тобой встанет выбор – любовь или долг, что ты выберешь?

– Я сделаю всё, чтобы мне не пришлось выбирать.

Он отвечает без раздумий. Как потому, что много раздумывал об этом задолго до её вопроса, так и потому, что знает: колебаний она не примет.

– И всё-таки.

Он знает, что может солгать. Наверное, даже должен.

Но он всегда считал ниже своего достоинства лгать тем, кого любит.

– Долг. Долг превыше всего.

– Даже любого из нас?

– Долг превыше всего, – повторяет он. – Даже любви.

Он надеется, что Зельда не услышит угрозы в этих словах. Он не угрожает ей, но смысл этих слов – сам по себе угроза.

Какое-то время они смотрят друг на друга. Таниця на радужках Зельды, отражённое пламя кажется изумрудным: таким же, как колдовской огонь, испепеляющий всё живое, открытый ею и названный её именем.

Затем сестра смеётся – и в этом смехе наконец слышится тёплый закат ранней осени, недавно погасивший за окном.

– Да шучу я. Как и ты, полагаю. – Зельда поднимает кубок повыше, так, что серебряная кромка скрывает её улыбающиеся губы. – Не смотри на меня так. Давай лучше выпьем за несостоявшихся королей и королев Аллигрانا... и за то, что никогда нам не обрести ни корон, ни королев, ни королей.

– Хозяин, – первым же словом, вернувшем его в реальность, Альдрем выдал, что будет дальше: таким тоном задают вопросы, которые долго не решались задать, – а когда вы... планируете... следующий этап?

Он ответил не сразу. Трудно мгновенно вынырнуть из глубин памяти, когда они простираются на тысячу с лишним лет.

...иронично, но они с Зельдой оба в итоге нашли себе того, с кем всё же попытались разделить груз бессмертия. Она – своего короля (Ликбера ведь по праву можно назвать королём среди магов). Он – королеву (и в этой жизни она действительно является ею).

Оба – на беду.

– Соскучился по играм, Альдрем? Или по игрушке?

Слуга промолчал.

– Чтобы повидать Таришу Бьорк, вовсе не обязательно возвращаться к игре. Можно просто попросить... Мне чудится или ты смущён?

– Кхм.

– Ещё чуть-чуть, и поверю, что ты влюбился.

– Староват уже, хозяин.

– Не старше меня, – усмехнулся он, обводя пальцем хрустальную грань.

...Зельда. Кейзелида, «Кружащаяся в Огне»: такое имя дали ей шаманы на обряде наречения, существовавшем до того, как Кристаль принесла в Аллигран иную веру.

Сестра.

Пока он не потерял её, он не понимал, что привязался к ней едва ли не больше, чем ко всем остальным. Не считая Арона, конечно. А теперь именно им с Зельдой предстоит играть друг против друга. Танцевать на сцене, в которую превратился для них мир людей.

И оба они прекрасно знали, что будет с тем, кто первый оступится в этом танце.

– А что, если я *уже* начал следующий этап?

Слуга растерянно поправил перчатки без пальцев, облившие его руки чёрным бархатом:

– Обычно вы... не играли без меня.

– Привычки иногда меняются. – Отставив фужер, он потянулся за тем, что давно уже ждало своего часа на столе. – Мой дорогой Альдрем... представь себе, даже ты ещё многого обо мне не знаешь.

Предмет в его ладонях тихо щёлкнул.

– Я расскажу тебе, что будет дальше. Скоро. – Он открыл карманное зеркальце в золотой оправе. – А пока, раз ты так скучаешь по Тарише Бьорк...

Он провёл ладонью над зеркальцем, будто по невидимым струнам, и отражение его лица исчезло в серебристой дымке.

Потом сквозь неё проступили очертания – другой комнаты, других лиц...

– Что там творится? – воскликнул Альдрем, из-за плеча хозяина наблюдая за тем, что происходит в зеркале.

Некоторое время он просто смотрел на картинку в отражении.

– А, – наконец изрёк он. – Её Величество снова доверила уборку своим рыцарям.

* * *

Другой кабинет в другой точке Срединного королевства Долины Аллигран в это самое время представлял собой куда более интересное зрелище.

Гигантским мотыльком порхала в воздухе тряпка для пыли. Угрожающе хлопая обложками, пикировали в шкаф книги. Окунались в таз с водой горшки с фиалками и, побултыхавшись там, возвращались на свои блюдечки. По ковру деловито ползала щётка.

Посреди кабинета стоял долговязый паренёк лет шестнадцати: сосредоточенно хмурясь, он с торжественностью дирижёра размахивал руками, кончиками длинных пальцев выписывая в воздухе замысловатые пассы.

– Книга! – вдохновенно воскликнул он.

Подчиняясь его словам, толстая энциклопедия крутанула сальто и атаковала жалобно трепыхнувшуюся тряпку.

– Теперь цветы!

Горшки не замедлили перехватить инициативу, взяв несчастный клочок ткани в кольцо.

– А теперь...

– Джеми, я попросила тебя убратся, а не отрабатывать мыслеправление, – устало заметила Таша, замершая на пороге бывшего кабинета господина Гирена.

Мальчишка, вздрогнув, обернулся. Предметы зависли в воздухе – и миг спустя полетели вниз. Тряпка упала на застывшую щётку. Фиалки рухнули в таз, окатив Джеми волной грязной воды. Второй том «Энциклопедии судебных казусов» Таша, к счастью, успела подхватить до того, как тот коснулся пола.

– Ну вот, – уныло констатировал Джеми, созерцая облитый ковёр, – теперь и чары очищения пригодятся... И давно ты за мной шпионишь?

– Некоторое время. – Ташин взгляд сам собой скользнул по строкам книги, открывшейся в её руках. – Люблю смотреть, как ты колдуешь. Но не как ты балуешься.

«...зная, что брат настроил стражу против него, Князь заявил, что требует Суд-Поиск, и попросил жену свою стать Ищущей, что отыщет доказательства его невиновности»... Знакомая история. Отец Дармиори рассказывал её на уроках, когда они касались судебного права.

...от воспоминания о дне, когда Таша в последний раз видела отца Дармиори, у неё на миг спёрло дыхание.

День, в который тебя попытались сжечь заживо, просто так не забудешь. И вспоминать его, не задыхаясь, сможешь не скоро.

– Это не баловство, а жизненно необходимое умение! Мы с Найджем начинали его осваивать, но время идёт, и я должен сам...

– Охотно верю, – согласилась Таша, захлопнув энциклопедию задрожавшими руками. – Только не с грязеопасными...

Она осеклась. Рывком обернулась, но винтовая лестница, пронизывавшая всю башню, была пуста. И далёкий отзвук мужского смеха уже стих... смеха, который она не слышала с лета и хотела бы не слышать больше никогда.

Может, он и не звучал вовсе. Может, то была лишь игра воображения.

Или нет.

– ...предметами, – пробормотала Таша.

– Что такое? – спросил Джеми недоумённо.

– Ничего. Померещилось. – Ощущая, как колотится сердце и подрагивают вмиг похолодевшие пальцы, она шагнула к открытой двери. – Заканчивай скорее. Ужин скоро будет готов.

Опять, подумала Таша, сбегая по каменным ступенькам обратно на кухню, скользя пальцами по шершавой тёмной стене. В который раз за эти полгода ей приходится гадать, кто теперь играет с ней: её собственный разум или враг, выжидающий нужный момент?

...ладно. Об этом можно подумать потом.

– Точно не нужно ничем помочь, госпожа Лиден? – нырнув в низкую каменную арку, в третий раз спросила Таша у старушки, суетившейся у очага.

– Ты лучше пиши, – ответила та, помешивая ароматное варево в котелке. – Дневники – это очень полезно. Вот захочешь когда-нибудь сложить песню о славных деяниях своей молодости, а у тебя всё записано! И вспоминать не надо.

Что ещё может сказать летописица и бывший менестрель...

Таша заползла в кресло-качалку, ждавшее в углу под пучками ароматных трав и связками сушёных яблок, которые висели на белёной стене. Устроившись под пушистым пледом, раскрыла тетрадь в твёрдой кожаной обложке с плотными жёлтыми страницами.

Она любила сидеть здесь и летом (в каменной башне звездочёта было прохладно даже в полуденный зной). Но кутаться в плед у очага, пока снаружи шелестит вьюга, а на кухне витают вкусные ароматы стряпни, – вот истинное наслаждение.

«Сегодня в основном читала поэмы Артан, если не считать того часа, когда мы играли в снежки, – записала Таша зачарованным пером, не нуждавшимся в чернилах, оставлявшим на бумаге чёрные, будто угольные строчки. – Джеми сейчас прибирается в библиотеке, то есть в бывшем кабинете господина Гирена. Вообще это должна была делать я, но он проиграл мне в карты целых три уборки и расплачивается.»

К слову, сегодня же я сообразила, что уже немало написала сюда про людей, которых считаю семьёй, но ни разу не пояснила, кто они. А вдруг эту тетрадь однажды будут читать мои потомки и ничегошеньки не поймут? Наверное, стоит расписать, кто сейчас меня окружает. Нас приютили в своём доме госпожа Лиден и господин Гирен: супруги Лормари, друзья Арона. Он звездочёт, а она летописица. И живём мы в самой настоящей звездочётной башне: семь этажей, на каждом по комнате, а на чердаке обсерватория...»

Услышав резкий звяк металла, Таша дёрнулась и вскинула голову, но хозяйка кухни и дома просто поправляла сковородки в шкафчике.

Госпожа Лиден Лормари с первого дня знакомства казалась Таше воплощением добрых бабушек из сказок: сухонькая, невысокая, чуть сгорбленная старушка с морщинистым лицом, источающим феноменальную доброжелательность. Из-под домашнего чепца выглядывали седые кудряшки, из-под потрёпанного платья – закрученные вверх мыски остроконечных туфель.

«Арон Кармайкл – наш с Лив, Джеми и Алексасом приёмный отец, – продолжила писать Таша, успокаивая вновь задрожавшие пальцы и сбившееся дыхание. – Супруги Лормари когда-то приютили его у себя, а потом он привёз сюда и нас. Арон – дэй, пастырь в деревне Фар-Лойл, где мы и живём. А ещё он Зрящий, амадэй – тот самый, Возлюбленный Богиней, – ему примерно одиннадцать веков, и он лучший чтец сознаний и целитель во всём Аллигроне. Добр, мудр, справедлив, бесчисленное количество раз спасал меня от верной смерти. И я ни капельки не соврала.»

Лив – моя сестрёнка и единственная кровная родня в нашем семействе. Ей девять, и она становится жуткой врединой: кроме Арона, с ней никто сладить не может. Сейчас она уже спит – устала расстреливать нас снежками.

Джеми и Алексас – братья, мои рыцари. Их настоящая фамилия – Сэмпер, и они состояли в «Тёмном венце», обществе заговорщиков против нынешнего короля. Мы с Ароном спасли их, когда Его Величество со своими рыцарями напал на штаб-квартиру Венца. Джеми – младший, ему семнадцать, и дай ему волю, он поселился бы в библиотеке. Если верить Арону (а я ему верю), из него вырастет очень сильный колдун. Алексас – старший, ему в первоцветнике² будет двадцать два. Превосходный фехтовальщик, прекрасно играет на корде. А ещё полтора года назад он умер и теперь делит одно тело с Джеми.

Разномастная у нас сложилась семейка. Если учесть, что я оборотень, то нормальные люди, то есть Лив и супруги Лормари, в ней скорее ненормальны...»

Поймав странную мысль, в который раз пришедшую в голову, Таша уставилась в тёмное окно, за которым кружился в ветренном танце снег.

...порой она почти забывала, что всего полгода назад у неё была другая жизнь. Другая семья. Забывала, что Арон ей не родной отец; что супруги Лормари только считают его «детшек» внуками, которых у них никогда не было. Что она – королева, законная наследница трона, на котором сидит узурпатор Шейлиркар Дарфулл, и последняя из свергнутого рода Бьорков.

Наверное, её сознанию куда удобнее оказалось привыкнуть к этому дому и этой жизни, чем постоянно возвращаться мыслями к могиле матери, заколдованной Лив, сражениям с оборотнями, виспами, эйрдалями, кеарами и амадэями.

Кошмары мучали её первый месяц. Только первый. Теперь остались лишь такие моменты, как сегодня. Испуг от резких звуков, вызывающий готовность вскакивать и бежать. Редкие ощущения, что кто-то следит за ней. Вечное ожидание чего-то страшного, поселившегося на задворках сознания – и заставлявшее бояться самого обычного звяканья кастрюль, в котором ей слышался звон сталкивающихся клинков.

Но сейчас она не в первый раз поймала себя на мысли, что в целом счастлива. Что *игра* – всё, через что её заставили пройти, игра живыми людьми ради извращённого удовольствия древнего существа – вполне могла быть только страшным сном. Что эта жизнь – тихая, размеренная, сказочная – будет длиться вечно.

...только вот *игра* не окончена. Нет. И когда порог этого дома перешагнёт Лиар – амадэй, Возлюбленный Богиней, кукловод, Палач, Воин, – лишь вопрос времени.

– Я закончил с уборкой и жутко устал, – уведомил их Джеми, влетая в кухню. – Я ухожу.

– Куда, сынок? – обстучав ложку о край котелка, уточнила госпожа Лиден.

– В себя, – буркнул Джеми, опускаясь на ближайший стул с толстыми дубовыми ножками и прикрывая глаза.

– Наконец-то, – сказал открывший их Алексас.

Таша подняла взгляд. Даже сотню раз видев, как братья перехватывают друг у друга власть над общим телом, она всё ещё не привыкла к тому, как внутреннее меняло внешнее.

Джеми казался тощим, длинным и нескладным. Алексас – поджарым, высоким и изящным. Шевелюра Джеми была взъерошенной, как воронье гнездо; Алексаса – живописно расчёпанной. Джеми двигался так, будто каждую секунду договаривался с собственным телом; Алексас – с грацией большого кота. Лицо Джеми было детским, с приросшим к нему потерянно-рассеянным выражением, и симпатичным, не более. Лицо Алексаса навеки врезалось в девичью память аристократичной красотой и чарующей улыбкой.

² Второй месяц весны (алл.).

Единственным, что *действительно* менялось внешне, были глаза. Бледно-голубые с желтоватым ободком вокруг зрачка – у Джеми, синеватые с золотым – у Алексаса. Впрочем, у Арона глаза меняли цвет по настроению, так что и это можно было считать внутренним.

– Летопишешь? – спросил у неё Алексас, вскинув бровь.

...помнится, насмотревшись на него, Таша даже пыталась этому научиться – вскидывать *одну* бровь. Пригодилось бы, дабы выказывать лёгкое удивление, выражать насмешку или окрашивать слова едва заметным презрением.

Попытки остались безрезультатными.

– Пытаюсь.

– Почитать, конечно же, не дашь.

– Конечно же, – легко подтвердила Таша, захлопнув тетрадь.

– Так и думал. – Вальяжно вытянув ноги, Алексас закинул руки за голову. – Помощь не нужна, госпожа Лиден?

– Съесть поможешь. – Старушка зачерпнула на пробу немного мясной похлёбки. – Кажется, переперчила...

– Не-а, – возразила Таша, втянув носом воздух. – Пропорции что надо.

– Права, как всегда, – признала госпожа Лиден, отняв от губ длинную деревянную ложку. – Эх, чем больше узнаю об оборотнях, тем больше жалею, что не родилась в Ночь Середины Зимы. Или что мою маму в своё время не покусал кто-нибудь многоликий... А вот теперь, Алексас, помощь пригодится.

– Укус оборотня обеспечил бы ей только беготню по лекарям, – усмехнулась Таша. – А вот Ночь Середины Зимы...

Она вспомнила о собственной маме, о том, как летом едва не оказалась сожжена заживо, и перестала улыбаться.

Деликатный стук во входную дверь отвлёк её как нельзя вовремя.

– Кажется, Арон вернулся, – сказал Алексас, натянув толстые кухонные варежки и под наблюдением госпожи Лиден снимая котелок с огня.

Выпугавшись из пледа, Таша встала с кресла, проводившего её печальным скрипом, и, неслышно переступая по ковру ногами в шерстяных домашних сапожках, подошла к порогу.

– Ты как раз к ужину, – начала она, ещё отодвигая засов, и, распахнув дверь, осеклась.

Морозный воздух охлаждал кожу, а страх – сердце, пока Таша стояла на пороге, глядя на незваного гостя. Его одежды были тёмными, как вороново крыло; лицо – скрыто глубоким капюшоном отороченного мехом плаща; глаза пристально изучали её – Таша не видела его взгляда, но *чувствовала*.

Конец всем играм, а особенно – в обычную жизнь...

Мгновения, которые человек в чёрном молча смотрел на Ташу, тянулись бесконечно долго.

Потом он шагнул к ней.

– Прекрасно выглядите, Таша, – заметил знакомый голос. – Ещё лучше выглядели до того, как меня испугались.

Она в изумлении отступила на шаг:

– *Леогран?*

– Уже лучше, – одобрил юный герцог Броселианский. – Позвольте войти?

Наконец сумев выдохнуть, Таша отошла в сторону.

Страхнув снег с плаща, Леогран перешагнул порог башни звездочёта. Откинул капюшон: свет волшебной лампы осветил медь длинных волос, прихваченных лентой в низкий хвост, яркую зелень глаз и ледяные метки, снежной белизной выделявшиеся на и без того бледном лице.

– Как вы нашли нас? – спросила Таша недоверчиво.

– Отец Кармайкл сказал, где его искать, если нам понадобится помощь. – Леогран затворил за собой полукруглую дверь из старого исцарапанного дерева. – Не представите меня? Кажется, я не знаком с частью вашего прекрасного семейства.

– Да. Конечно. – Чуть успокоившись, Таша повела рукой в сторону хозяйки дома: – Госпожа Лиден, это Его Светлость Леогран Норман. Герцог, с лета правящий Броселианским округом. Леогран – госпожа Лиден Лормари. Она...

– Ташина бабушка, – улыбнулась старушка. – Безмерно рада знакомству, Ваша Светлость.

– К вашим услугам, госпожа Лормари. – Юный герцог учтиво поклонился. – Стало быть, отец Кармайкл – ваш сын?

– О таком сыне мечтает любая мать, – уклончиво ответила летописица. – Как вы познакомились?

– Отец Кармайкл летом выручил нашу семью из большой беды. Он изгнал досаждавшего нам призрака и эйрдаля, очаровавшего моего дядю. Убившего моих родителей. – Леогран сглотнул; только это выдало волнение и печаль, которые (Таша прекрасно понимала) охватили его при этих словах. – Если б не отец Кармайкл, думаю, мы все были бы уже мертвы.

– Добрые дела Арон делать любит, – подтвердила старушка. – Что же привело вас сюда? Но внимание юноши уже переключилось на другой объект.

– Что ж, добрый вечер, Таша. – Леогран склонился над её рукой с поцелуем. – Рад, что вы мало изменились за те месяцы, что мы не виделись. Всё так же прекрасны.

– Вы тоже не изменились, – усмехнулся Алексас из-за Ташиной спины. – Всё так же поразительно неучтивы со мной.

– Приветствую, Джеми-энтаро. – Леогран поклонился в третий раз. – Я тоже скучал.

Слегка поморщившись от того, что его назвали чужим именем, Алексас вполне добродушно хмыкнул.

– Вы подоспели к ужину, Ваша Светлость. Прошу к столу, если не брезгуете. – Госпожа Лиден открыла буфет с тарелками так буднично, точно на её маленькую кухню каждый день заходили сиятельные персоны. – Таша, помоги на стол накрыть. А ты... Джеми... позови Гирена и Лив.

...впрочем, учитывая, что на кухне госпожи Лиден каждый день трапезничали законная наследница свергнутого королевского рода и амадэй, правивший людьми шестьсот лет назад, ей ли было трепетать перед каким-то герцогом.

– Арона ждать не будем? – спросила Таша, уже не удивляясь догадливости названной бабушки.

– Пока дождёмся, остынет всё. Не волнуйся, должен скоро вернуться. Куда денется...

Леограна, нерешительно мявшегo у очага, разоблачили, отправив верхнюю одежду на вешалку, и усадили на почётное место по правую руку от хозяина дома. Сам хозяин явиться не соизволил: пока Таша и госпожа Лиден накрывали на стол, Алексас побежал позвать его к ужину, но вскоре вернулся и, бесшумно приземлившись после прыжка с последних пяти ступенек, сообщил, что господин Гирен занят неотложным наблюдением за странствующей звездой.

– Лив спит, – добавил он, устраиваясь за столом напротив Леограна. – Я решил её не будить.

– Потом поедят, – согласилась госпожа Лиден, разливая похлёбку и не скупясь накладывать в тарелки побольше мяса.

Помолившись, сели есть. Некоторое время на кухне царила тишина: госпожа Лиден свято придерживалась правила «пока я ем, как рыба, нем», о чём не забывала напоминать окружающим перед каждой трапезой.

– Так что же привело вас в наши края? – поинтересовался Алексас, когда тарелки опустели и старушка милостиво разрешила «детям» поболтать, пока она не вернётся из кладовой с клеверовым вареньем к чаю.

– Моя невеста, – протянув к огню руки, обвитые ледяными метками, проговорил Леогран с улыбкой, мелькнувшей в уголках его сухих губ. – Вы ведь не забыли, что в глазах света всё ещё помолвлены со мной, Таша?

– Такое не забывают, – тихо откликнулась девушка, нашаривая на верхней полке буфета травяной сбор.

Она не любила об этом вспоминать. Помолвка помогла Леограну получить его заслуженный титул, но мало приятного в том, чтобы стать фальшивой невестой герцога – и злейшим врагом невесты несостоявшейся.

Ещё неприятнее обнаружить, что из тебя может получиться враг куда более жестокий, чем ты думала.

– Мне казалось, мы закончили этот фарс, – заметил Алексас.

– Мне тоже. Однако вмешались неожиданные обстоятельства. В конце концов, святой отец не зря сказал нам обращаться за помощью, если она понадобится.

– Что за обстоятельства?

– Ежегодный Княжий бал в Ночь Середины Зимы. – В голосе Леограна прорезалось предвкушение, и Таша вдруг поняла: с такими же интонациями Лив говорит, что у неё есть для сестры подарок. – Большое событие. На балах собирается вся знать провинции... и, конечно, подмечает, как обстоят дела у каждой великосветской семьи.

– И теперь Таша обязана ехать с вами, дабы никто не узнал, что ваша помолвка – фикция?

– При таком раскладе мы бы не осмелились беспокоить вашу сестру. В конце концов, моя невеста могла приболеть, и до бала в Ночь Середины Лета ей не пришлось бы появляться при дворе. А там, надеюсь, мы с дядей уже нашли бы девушку, которая согласится однажды *действительно* стать герцогиней Броселианской... Но в этом году настал черёд Равнинной провинции принимать у себя Королевский бал. То есть грядущий Княжий бал почтит своим присутствием сам Шейлиреар Первый в сопровождении своего двора, что превращает бал в Королевский. Князь и герцоги Равнинной должны будут накануне праздника явиться к Его Величеству на частную аудиенцию...

– ...дабы он лично перекинулся словечком с теми, кто под его началом управляет королевством. Ещё одно нововведение Его Величества. – Алексас презрительно усмехнулся. – Тоже мне, игра с подданными в дружбу и заботу.

Леогран устремил на него недоумённый взгляд весенних глаз, распахнувшихся шире обычного.

– Всё ещё не понимаю, как всё это связано со мной, – возясь с заварочным чайником, сказала Таша, невзначай отдавив «братцу» ногу. Норманам, ещё шестнадцать лет назад избравшим сторону правящего короля, определённо лучше было не знать о бунтарских взглядах её рыцарей.

– Тем, что вы – последняя из рода Морли.

...её руки сами собой замерли с глиняной крышкой в руках.

Она была не только последней из рода Морли. Но о другом роде, чьей наследницей она являлась, Норманам тоже лучше было не знать.

– Это заинтересовало кого-то? Больше, чем мы надеялись – и вы обещали?

Тон Алексаса остался бесстрастным, но Таша достаточно хорошо изучила своих рыцарей, чтобы понимать: мысленно он уже готов хватать шпагу и кидаться в бой, шинкуя врагов своей королевы на мелкие кусочки.

– Нет, – ответил Леогран с широкой улыбкой. – Просто на днях с подачи своих советников Его Величество решил провести амнистию для всех опальных родов.

Таша медленно вскинула голову, вдруг потяжелевшую вдвое – словно кто-то намочил гриву золотистых кудрей, которые она на время ужина собрала белой лентой в непокорный пышный хвост.

– Амнистию?..

– Всех родов, впавших в опалу из-за неподчинения Шейлиреару, – повторил Леогран. – «Держать зло на людей, преданных своему королю, преступно. Такая преданность заслуживает уважения». Цитата дословная.

Сквозь туман, заволокший слух, Таша различила, как крышка, выскользнув из пальцев, тихо звякнула о потёртую столешницу.

– И почему же нам об этом ничего не известно? – спросил Алексас сквозь тот же туман, глушивший голоса, будто герцог и её рыцарь сидели в другой комнате. Юноша говорил спокойно, и лишь в его лице Таша угадывала напряжение – как у кота, заметившего мышь, но старательно притворяющегося беззаботным.

– Пока это известно только правящим верхам и не просочилось в новостные листки. Его Величество не хочет разглашать эту весть до приёма, где он торжественно представит общественности всех несчастных изгнанников... всех, кто уцелел... теперь восстановленных в своих правах. Кто-то из наших гостей успел поведать об объявившейся Морли князю Равнинной, после чего слух дошёл и до королевских ушей. Так что Его Величество изъявил желание лично познакомиться с выжившей наследницей Морли и, насколько я понимаю, передать ей во владение её собственность, когда-то им отобранную.

– Собственность?

– Весьма многочисленную притом. Земли, имения... Морли были княжеским родом, в конце концов. Таша, с вами всё в порядке?..

Таша стояла, обеими ладонями опираясь на спинку стула, чтобы не упасть.

...нет, Леогран не был тем, за кого Таша в испуге его приняла; тем, кто сломал её счастливую жизнь минувшим летом. Но он принёс весть, ломающую даже то подобие счастья, которое теперь было ей отмерено.

С другой стороны...

– Что... чего от меня потребуют, чтобы подтвердить моё родство с Морли?

Когда она заговорила, голос её хрипел, как струны корды под неумелыми пальцами.

– Полагаю, вас допросят чтецы сознаний и, вероятно, используют правдометр, – охотно ответил Леогран. – Правда, вы говорили, что не помните своих родителей, так что...

– Родовой перстень Морли. Этого будет достаточно?

Каким бы изумлённым в этот момент ни выглядел Леогран, выражение его лица блекло в сравнении с устремлённым на неё взглядом Алексаса.

Слово «безумие» читалось в этом взгляде так отчётливо, что почти вырисовывалось в воздухе.

– Возможно, – выговорил Леогран. – Насколько я знаю, подобные перстни зачаровывают так, чтобы надеть их мог только законный наследник.

– Таша, – тихо произнёс Алексас, – ты не можешь просто...

– Нет. Не могу. – Она стиснула в пальцах хлопок светлой юбки. – Так что это будет непросто.

– Боюсь, весьма непросто, – прозвучало за их спинами – и, услышав знакомый голос, Таша наконец повернулась к тому, кого на самом деле ждала этим вечером.

Арон.

Шагнув к нему, она привычно прижалась губами к холодной, гладкой, пахнущей морозом щеке. Погладив её по волосам, Арон скинул плащ, под которым скрывалась обычная чёрная фортэнья – никаких тулупов или шуб. Зрящий даже перчаток не носил: ему не было нужды защищаться от холода.

– Я не слышала, как ты вошёл, – сказала Таша, пока амадэй вешал плащ на крючок у двери.

– С чёрного хода. Кто-то забыл расчистить дорожки вокруг дома, так что пробраться к основному оказалось трудно. – Скользя взглядом по Алексасу, который даже не соизволил принять пристыженный вид, Арон посмотрел на Леограна и чуть склонил голову. – Добрый вечер, Ваша Светлость.

– Добрый, святой отец, – учтиво ответил юный герцог. – Как много вы слышали?

– Почти всё. – Арон устало опустился на стул рядом с гостем. – Зачем тебе это, Таша?

Она ответила не сразу. Вначале изучила взглядом названного отца: глаза серые, словно выцветшие, пара морщин на совсем не старом лице прорезалась глубже.

Потом уловила знакомый сладковато-дымный запах – и вспомнила, что за стенами их маленького уютного мирка в каждом доме жгли над постелями умирающих цветы эндилов.

Тиф напал на Фар-Лойл неделю назад. Первыми заболели дети. Деревенский староста сперва предположил, что виной тому отравленные колодцы – кто-то взялся травить воду в деревнях по всей Долине, в последнее время в новостных листках то и дело об этом писали. Однако Арон быстро выяснил правду. Болезнь не щадила никого; обитателей башни звездочёта посадили под домашний арест, и наружу выходил только амадэй, которому не грозила ни одна зараза.

Впрочем, сказать «выходил» было бы несколько неверно. Арон возвращался лишь затем, чтобы поесть да поспать. Целыми днями он обходил деревню, переходя из дома в дом: исцелял тех, кого ещё можно исцелить, а тех, кого нельзя, – пытался вернуть оттуда, откуда возврата нет.

Иногда получалось.

Иногда нет.

«Ты любого можешь вернуть с того света?» – однажды спросила Таша.

«Теоретически, – последовал ответ. – Немаловажно, сколько прошло времени с момента смерти. Есть ли у человека причины возвращаться. И, как ты помнишь, у всего есть цена.»

Таша не могла не помнить: она до сих пор тосковала по кошачьей личине, которая стала платой за её собственное возвращение.

«А чем платишь ты?»

«За каждый проход за грань я отдаю часть своей жизни.»

«Но ты ведь бессмертный.»

«При проходе за грань я старею. Если б не это, я бы не старился вовсе. Когда я стал амадэем, мне было восемнадцать, и больше пятисот лет я выглядел юнцом. И стареть стал, лишь когда расстался с Лиаром. – Он усмехнулся отращиванию в её глазах. – Когда два амадэя вместе, они нейтрализуют побочные эффекты своих способностей. Стоит же им отдалиться друг от друга, как они начинают расплываться за это.»

«Кристалль Чудотворная была изобретательной женщиной, как я посмотрю.»

«Не представляешь, до чего изобретательной.»

– Ты знаешь зачем, – сказала Таша, наконец собравшись с мыслями для ответа. – Это продолжение *игры*. Мне бросают вызов. Я не могу его не принять, и это лишь одна из причин.

– А если я запрешу тебе?

Стало так тихо, что Таша могла расслышать шуршание снежинок за окном.

Расправив плечи, она вскинула подбородок.

– Надо поговорить наедине, – бросила девушка свысока.

Арон невозмутимо поднялся на ноги.

– Вы не против, если мы ненадолго оставим вас, Ваша Светлость? – сказал он Леограну, переводившему непонимающий взгляд с Таши на амадэя. – Алексас пока нальёт вам чаю.

– С удовольствием предоставлю вам с дочерью возможность обсудить всё без посторонних, – учтиво откликнулся юноша, хотя по глазам его Таша видела: он с куда большим удовольствием попросил бы прояснить, почему его невеста и её родственники воспринимают столь радостное известие как приглашение на казнь.

Таша побежала вверх по лестнице – целеустремлённо, словно охотящаяся кошка, оставляя мрачного Алексаса за спиной.

Ему она тоже объяснит. Потом.

Конечно, Арон не бежал. Он никогда не бегал. Но когда Таша толкнула дверь своей комнаты и обернулась, амадэй стоял прямо перед ней.

– Зачем тебе это? – повторил он.

– Ты знаешь сам, – сказала она, отворачиваясь и подходя к окну.

– Да, но хотелось бы услышать это от тебя. Осознанно высказанным. – Арон шёл следом за ней; она никогда не слышала его шагов, но шелест его одежд уже стал ей родным. – Ты ведь понимаешь, что будет, если они узнают, кто ты на самом деле. Что ты не просто последняя из рода Морли.

Таша оперлась ладонями на подоконник, пока в окно снежным ветром бессильно билась зима. Одинокая лампадка, по вечерам всегда горящая у кровати, окутывала тенями полукруглую комнату.

– Я хочу встретиться с Лиаром. Лицом к лицу. К его *истинному* лицу, – произнесла Таша. – И я хочу попросить короля о защите.

Арон промолчал, но Таша макушкой чувствовала его выжидающий взгляд.

– Я много думала эти месяцы... обо всём, что произошло. Обо всём, что я знаю. И ты наверняка слышал эти мысли, но раз ты просишь меня сказать... – Таша скрестила руки на груди. – Я думала, что это очень странно: что такой могущественный колдун, как Шейлирээр, да ещё с поддержкой Мастеров Адамантской Школы, за шестнадцать лет не нашёл нас. Он знал мамино имя. Мамину внешность. Не уверена, что чудом спасшаяся принцесса могла надёжно спрятаться в деревеньке, не столь отдалённой от столицы. Ещё меньше я уверена в том, что лучшее место для прятков для чудом спасшейся принцессы – в семье сидроделов, поставлявших сидр к королевскому двору.

– Лучшее место для прятков, как известно, – то, что у всех на виду.

– Может быть. Но почему-то я подумала, что на самом деле мы с Лив живы потому, что король *не хочет* нашей смерти. А если я не попытаюсь заявить свои права, и не захочет.

Она действительно много думала об этом. Теперь, когда она стала немного взрослее и мудрее, некоторые вещи виделись в другом свете.

То яблоко в карамели, которым её одарили на ярмарке в Нордвуде, и разговор с королём, представившимся ей Шейли и спросившим, что она думает о Бьорках, – тоже.

– Твоё прибытие ко двору как наследницы рода Морли вполне можно счесть первым шагом на пути к чему-то большому. Не считаешь?

– Я знаю, как обезопасить всех нас. И ты об этом знаешь. – Таша прижалась лбом к ледяному стеклу. – Я не могу больше прятаться, Арон. Прятаться и ждать неизбежного. Жить в вечном страхе. Ты сделал всё, чтобы я чувствовала себя героиней законченной сказки – со счастливым концом, и я благодарна тебе за это. Королева в башне, красивая тихая деревенька, любящая семья... – Она постучала пальцами по подоконнику. – Только вот сказка не окончена. А королева в башне не отдыхает от приключений – скорее пленена. И дожидаться, пока её придут освободить, как неизбежно бывает в сказках, ей явно не стоит.

...к хорошему быстро привыкаешь, но проблема в том, что стоит к нему привыкнуть, как ты начинаешь... нет, не хотеть большего. Не в её случае. Просто понимать, что вечно так продолжаться не может. Это осознание сворачивается скользким клубком где-то в груди, око-

вывая сердце льдом; оно не даёт уснуть иными ночами, тревожа, бередя, на грани сна и яви нащёптывая «когда-нибудь, когда-нибудь – и, может быть, очень скоро»...

Потом ты встаёшь утром и живёшь дальше, и под солнечным светом, делами, заботами, смехом близких тает лёд, распускается клубок, стихает шёпот. Ты живёшь, не задумываясь о том, о чём задумываться не хочется, отмахиваясь от этого, – и «в целом счастлива»; но потом снова приходит ночь, и снова приходят мысли, которые ты так старательно откладывала на потом. И ночь от ночи эти *потом* становятся всё холоднее, сворачиваются всё туже, шепчут всё громче...

...и если ты понимаешь, что твоя «счастливая жизнь» хрупка, как карточный домик, что кто-то лишь выжидает момента, чтобы разрушить её прикосновением безжалостной руки, – счастье не может быть счастьем.

– Что же тогда делать королеве? – спросил Арон негромко.

– Выйти из башни. Или сбежать, если не отпустят. Самой бросить вызов тому, с кем рано или поздно всё равно придётся встретиться.

– Мы это уже проходили. Летом. Ничем хорошим это не кончилось.

– Ты обещал мне, Арон. Летом. Обещал, что это передышка перед решающей встречей. Леогран сказал, король решил это с подачи своих советников. Ручаюсь, что один из этих советников – Лиар. Он ждёт меня при дворе. Он сделал так, чтобы я прибыла туда. Чтобы стала ещё на шаг ближе к трону. Но я оберну это против него. – Губ её коснулась отстранённая улыбка. – Деньги, связи, покровительство Его Величества, обратившего на меня внимание... думаю, это может многое.

– Против амадэя? – Арон шагнул вперёд, встав рядом с ней; в глазах его отражалась ночная мгла. – Ты готова на всё, чтобы закончить игру? – не дожидаясь ответа, спросил он.

Таша кивнула.

– Даже, как я вижу, просить о защите убийцу твоей семьи.

– Он король. И один из самых могущественных магов среди людей. Если кто-то и может победить амадэя, это он и Мастера, подчиняющиеся ему.

– И, если я не отпущу тебя, ты сбежишь.

– Сбегу. – Она говорила ровно, без эмоций. – Я поеду, Арон. Хочешь ты того или нет.

– Я не смогу поехать с тобой. Я нужен здесь.

– Я знаю.

– Ловушка для тебя уже расставлена.

– Со мной будут Джеми и Алексас.

– Против амадэя? – повторил он. – Что они смогут сделать?

– Ничего, – легко согласилась Таша. – Вся надежда на то, что Лиар не успеет предпринять решительных шагов до того, как у меня появятся средства защиты. А я полагаю, что не успеет.

Коснувшись её макушки, Арон легонько погладил пушистые светлые кудри.

– Я забыл, что ты не ребёнок. У тебя отобрали детство в тот день, когда ты вступила в игру. – В голосе амадэя скользнула печаль. – Тебе хочется быть ребёнком, и у тебя даже неплохо получается, но в нужный момент ты сбрасываешь детскую личину так же легко, как оборачиваешься в птицу. – Он бережно заправил ей за ухо непослушный золотой локон. – Жаль, что я об этом забыл...

В груди беспокойно кольнуло – и Таша, подавшись вперёд, молча обняла его, ткнувшись лбом в чёрную накидку.

Ей хотелось сказать «прости». Хотелось сказать, что она его любит. Но как просто что-то написать, что-то вообразить – и как сложно преодолеть барьер между мыслью и словом.

Впрочем, иногда этого и не требовалось.

– Что ж, – обняв её в ответ, изрёк Арон рассеянно, будто просто выражая мысль вслух, – в одном ты права: играть Морли-малэн куда тяжелее, чем Ташей Кармайкл. Ты будешь у всех

на виду. А в честном бою его всё равно не одолеть. Единственный шанс – разрушить его план, застать его врасплох. И поскольку я, будучи в здравом уме, не могу отправить тебя прямо к нему в лапы... значит, так мы и сделаем.

– Так ты отпускаешь меня? – Таша вскинула голову. – Одну?

– Отпускаю. Ненадолго, в конце концов. Дня через три, как только большинство деревенских поправятся, я отправлюсь следом за тобой. – Мягко отстранив её, Арон шагнул к подоконнику; сжал деревянную доску в пальцах, приподнял – и вытащил из тайника то, что покоилось там с лета. – Держи. Полагаю, тебе это понадобится.

Он вложил в девичью ладонь чёрный бархатный мешочек, и Таша вслепую вынула оттуда нечто маленькое, округлое, кольнувшее пальцы холодом. Взявшись за серебряный кружок печати с выгравированным на ней солнцем, надела родовой перстень Морли на правую руку.

Смяла футляр в ладони, чувствуя вторую печать, скрытую в чёрном бархате, – дракон Бьорков.

– Думаю, Его Величество догадывается, кто я, – произнесла она, – но попробуем его обхитрить. С твоей помощью.

Амадэй почти беззвучно вернул подоконную доску на место:

– В рискованные игры ты играешь, Таша.

– Не рискованнее тех, в которые играла летом. Ты ведь сможешь вернуть всё обратно... потом?

– Смогу.

– И вытащишь меня из темницы, если что?

– Вытащу.

– Точно?

– Имеешь в виду, сумею ли? – Арон невесело улыбнулся. – Я верну тебя и с того света, Таша. Я амадэй, в конце концов.

– Тогда я ничего не боюсь. – Отступив от окна, Таша взяла его за руку и потянула за собой. – Идём. Чай, конечно, давным-давно остыл, но чайник подогреть нетрудно.

Поймав отблески света, глаза её сверкнули кошачьим серебром.

Таша спускалась по винтовой лесенке, и на губах её играла сосредоточенная улыбка.

Я принимаю твоё приглашение, враг мой, думала она, слушая шелест одежд Арона, который каменное эхо превращало в отзвуки незримых птичьих крыльев. Принимаю и на сей раз знаю, на что иду, – и посмотрим, кто из нас пожалеет об этом.

Морли-малэн вступила в игру.

Глава вторая. Да здравствует король

От дремоты, помогавшей скоротать часы дороги до Арпагена, Ташу пробудил крик Джеми: «Приехали!» – и, открыв глаза, она увидела, как зевает по соседству проснувшаяся Эльль.

– Всё-таки твой брат порой суший ребёнок, – ласково фыркнула сестра Леограна, пряча руки в белоснежную муфту. Толкнула сидевшего рядом близнеца: – Лео, вставай.

Тот неохотно приоткрыл один глаз. Потянулся, почти ткнувшись пальцами в крышу кареты; выглянув за бархатную шторку на окне, вылез наружу, чтобы подать руку сначала сестре, а затем – фальшивой невесте.

Спустившись по откинутым ступенькам, Таша ступила во внутренний двор, где на брусчатке не было и следа льда или снега: должно быть, растопили магией. С трёх сторон их обступило здание гостиницы и два боковых крыла, с четвёртой – центральная улица Арпагена. За коваными воротами остался город, выбеленный зимой: подмигивающий фонарями, сияющий морем огней, курящийся тысячей дымоходов, грохочущий каретами по мостовой. Столицу Равнинной отличал некий мрачный шик – дома тут и там украшали башенки, устремлявшие вверх острые шпили, стрельчатые арки витражных окон, резьба по тёмному камню, оживлявшая сцены из Писания.

– Давно я здесь не был, – заметил Орек Норман, молодецки спрыгнув с козел.

Дядя Леограна и Лавиэльль, по его собственному признанию, ненавидел путешествовать пассажиром. Предпочитал верхом. И если Норманам приходилось куда-то ехать всей семьёй, кучера брали только одного: для повозки со скарбом и с челядью. Сам герцог весь путь, каким бы он ни был долгим, преодолевал на козлах собственной кареты.

– Как вам наша столица, Джеми-энтаро? – улыбнулся Леогран, глядя, как Ташин рыцарь торопливо слезает с крыши. Мальчишка предпочёл перебраться туда незадолго до въезда в Арпаген, чтобы своими глазами увидеть город, в котором разворачивалась немалая часть действия их любимых «Правил паладина».

– Прекрасно! – Слова Джеми обернулись облачками пара, как будто его энтузиазм кристаллизовался в морозном воздухе. – Жду не дождусь, когда смогу по нему прогуляться! И обязательно зайду в знаменитый Музей Магических Искусств! Я как в девять лет про него прочитал...

– Мы здесь ещё шестидневку, так что успеете, – заверил его Лео.

Слуги и горничные уже разгружали крытую повозку со скарбом, передавая вещи гостиничным носильщикам. Следом за Джеми с крыши спустилась и парочка магов-стражей, кортавших дорогу, охраняя покой герцогского семейства. Теперь они заняли позиции по обе стороны от Леограна, хотя какая опасность могла поджидать путешественников за запертыми магическими воротами самой дорогой гостиницы Арпагена, Таша не понимала. Безопаснее было лишь в княжеском дворце, но там остановился Его Величество, и простым герцогам, увы, до завтрашней аудиенции вход туда воспрещался.

Конечно, у Орека в Арпагене был свой особняк. Однако дядя близнецов не горел желанием останавливаться в доме, который вызывал в нём слишком много болезненных воспоминаний.

– Если всёйдёт хорошо, – добавил Орек, мельком взглянув на Ташу, – среди прочего имущества Морли вы обретёте имение и в Арпагене.

Сглотнув при мысли о том, что предстояло ей уже завтра, Таша следом за близнецами Норманами направилась к гостинице: семь этажей с окнами в два человеческих роста, стеклянными дверьми и малахитовыми колоннами. Маги-хранители тенями шли за сиятельными особами, шурша плащами по холодному камню.

Гостиничный холл впечатлял что размерами, что надраенным до зеркального блеска мрамором, которым отделали пол, колонны и даже стены. В нём мерцали отражения сотни шариков волшебного света, безо всяких оправ зависших под потолком, словно стая светлячков.

– Огни-однодневки, – со знанием дела определил Джеми. – Держат пригостиничного мага, который каждый день новые творит.

– А похожи на те же огни, что и в обычных светильниках, – удивилась Таша.

– Это они и есть. Но зачем, по-твоему, нужна оправа из олангрита? Она удерживает магию, а без неё эти шарики через сутки попросту растворятся в воздухе. Ну, ещё помогает гасить их и призывать заново...

За стойкой вытянулась по струнке вереница слуг во главе с хозяином гостиницы: почтенным господином с брюшком и залысынами, лично выдавшим Ореку ключ от апартаментов для особых гостей.

– Можно было взять апартаменты и пониже, – пробормотала Эльль, пока их торжественно провожали к лифту. – На высоте птичьего полёта я и в Клаусхебере наживусь.

– Зато какой оттуда вид, – протянул Орек с едва заметной улыбкой, явно вспомнив что-то очень хорошее. – Не пожалеешь, Эльль. В последний раз я в верхних апартаментах останавливался... не помню уже когда. Спасибо, дальше мы сами.

– С тётей Кэйрмил у нас всегда был повод не ездить на бал, – едва слышно добавил Леогран, поправляя кожаные перчатки. – В трауре не положено.

Откланявшись, хозяин направился обратно к стойке, пока герцогская челядь загружала светлейшее имущество в соседний лифт.

– Седьмой, – отчётливо произнёс Орек, когда слуга снаружи закрыл медную лифтовую решётку. Паркетный пол под их ногами дрогнул, на миг подарив чувство невесомости, и обшитая дубовыми панелями кабина двинулась вверх. – Да, Лео прав. Когда мы не соблюдали траур, на меня нападала неведомая хворь, а герцогине без супруга на Княжий бал ехать не положено, – произнёс мужчина, возвращаясь к прерванному разговору. – Сейчас-то я понимаю, что Кэйрмил просто не решалась показываться на людях. Опасалась разоблачения.

– Так последние годы вы не были на Княжих балах, – уточнила Таша.

– Нет. Поэтому на нас ложится вдвое... нет, вчетверо большая ответственность.

– Вчетверо?..

– Обычная ответственность за то, чтобы не ударить в грязь лицом – раз, – пояснила Эльль, выходя из лифта, чеканя каблуками лёгкий шаг по ковровой дорожке, расшитой алыми розами по кремовой белизне. – Двойная ответственность, ибо в таком блестящем обществе мы не были уже несколько лет. Тройная – показать себя в лучшем свете перед Его Величеством... А четвёртая какая, дядя?

– А четвёртая, – сказал Орек, обнаружив нужные апартаменты и вставляя ключ в замочную скважину, – явить народу Морли-малэн.

Ключ даже не понадобилось проворачивать. Обильно позолоченные двустворчатые двери тут же распахнулись, открыв взглядам гостей нечто, в Ташином представлении весьма походившее на королевские покои.

– Неплохо, – вынесла вердикт Лавиэльль, оглядев комнату с лепниной по углам, резной мебелью и высоченным расписным потолком, на котором расправил крылья летящий дракон.

Как вскоре выяснила Таша, то была гостиная, совмещённая со столовой. Спальни и подсобные помещения скрывались за узорчатыми дверьми по обе стороны от неё; светлейшему семейству предназначались комнаты за левой дверью, челяди – за правой. Джеми, которого официально позиционировали как Ташиного камердинера, решил спать на диване в гостиной. Учитывая, что на пресловутом диване (редчайшее фарфоровое дерево, тончайшая резьба и искуснейшая роспись по шёлку) легко разместились бы по меньшей мере трое, «камердинер» остался не в обиде.

– Надеюсь, ты действительно не против, что мы будем спать вместе, – произнесла Эльль, когда их с Ташей проводили в отведённую им комнату.

– Если просто спать – абсолютно нет, – усмехнулась Таша, принимая из рук подоспевшей горничной свой чемодан. Девушку заранее уведомили, что Норманам в «Звезде Арпагена» отвели самый большой номер, но даже в нём помещалось только три спальни; и Таша сама настояла, что брать отдельные апартаменты для них с «братом» будет излишним.

Чемоданом она обзавелась при встрече со светлейшим семейством в Эмбене, куда они выехали вместе с Леограном на следующее утро после его внезапного визита. Юный герцог посоветовал Таше ехать налегке: Лавиэлль, прекрасно помнившая размеры фальшивой невестки, заранее взялась обеспечить ей гардероб, достойный Морли-малэн. Так что Таша со своими рыцарями и Леограном отправились сперва в Нордвуд, а оттуда через зерконтору прибыли в Эмбен, один из крупнейших городов Равнинной. Там с челядью и скарбом уже ждали Орек и Лавиэлль, выбравшие Эмбен своей финальной остановкой по пути в Арпаген. Орек, как выяснилось, не слишком одобрял, что племянник отправился без охраны в глухую деревню в другой провинции, но Леогран был твёрд в желании не смущать семейство Кармайклов лишними незваными гостями.

Гардероб Таше действительно обеспечили. Заодно приобрели к нему симпатичный чемоданчик из виверновой кожи – и, как выяснила Таша, наполнение чемоданчика выбрали со вкусом. Впрочем, в том, что вкусом сестру Леограна не обделили, девушка убедилась ещё летом.

– Не волнуйся, ты вызываешь во мне разве что страстное желание тебя откормить. Предпочитаю прелестных лэн, разменявших по крайней мере третий десяток и отравивших достоинства побольше. Без обид. – Эльль упала на широкую кровать с балдахином, разметава рыжие локоны по шёлковому покрывалу, и мечтательно улыбнулась. Нездоровая худоба оставила её: юная герцогиня заметно поправилась с лета, и притом исключительно в нужных местах. – Интересно, не забыла ли меня ещё Ксана... Когда я в последний раз приезжала в Арпаген, она была моим экскурсоводом.

– Даже думать не хочу, какого рода экскурсии она тебе устраивала.

– По местным достопримечательностям, конечно же. Пещерам, к примеру.

Мысленно возблагодарив своих рыцарей за то, что их стараниями её щёки не запылали румянцем (в перебранках братьев Сэмперов проскальзывали шуточки и похлеще), Таша покрутила на пальце перстень Морли, непривычно тяжеливший руку. Подойдя к окну, раздвинула бархатные портьеры, толкнула деревянные створки и вдохнула морозную свежесть зимнего воздуха.

– Что ж, – сказала она негромко, глядя на княжеский дворец, высившийся вдалеке над заснеженными крышами, – здравствуй, Арпаген.

* * *

– А ещё нам надо сходить на площадь, где Рикон сражался с магистром Ларнеком в конце первой книги, – бормотал Джеми, водя зачарованным пером по карте города, когда они расселись у камина в гостиной для вечернего чая, – и в «Ларву»...

– Где ты вообще взял карту? – спросила Таша, усаживаясь поудобнее: Эльль взбрело в голову устроить чаепитие не за столом, а на гряде наваленных на пол бархатных подушек. Правда, Орек оставил «молодёжь» болтать между собой, решив скоротать вечер в одном из местных трактиров с чем-нибудь покрепче.

– У слуги попросил, – охотно ответил мальчишка. – Они для гостей целую стопку специально держат. С указанием городских достопримечательностей.

Он лежал на животе, болтая согнутыми в коленях ногами – и вдруг остро напомнил Таше Лив, оставшуюся в Пвилле. Сестра с ней даже не попрощалась: услышав, что Таша с Джеми

собираются в Арпаген без неё (а ехать без неё было разумно по многим причинам), девочка молча убежала и заперлась в своей комнате, не открывая на самые настойчивые уговоры. Даже Арону.

Иногда Таша жалела, что слишком любит Лив и не посмеет просить Арона влезть в её голову. Изнутри навести порядок в мыслях сестры было бы куда проще, чем пытаться делать то же словами.

– Таша, я понимаю, что, возможно, лезу не в свое дело, – проговорила Эльль, – но я полгода терзалась этим и, думаю, имею право знать. – Она отставила чашку и блюдо на поднос, ждавший на ковре; отблески огня окрашивали янтарём серебряную каёмку на белом фарфоре. – Почему ты сбежала от нас летом?

– Святой отец сказал, что вас преследует маг крови, Таша-лэн, – с готовностью подхватил Леогран, не оставив сомнений, что разговор этот близнецы готовили давно. – Что вы убежали из-за него. Мы предлагали вашему отцу помощь, но он отказался. Я могу ошибаться, но мне почудилось, что из-за этого вы даже боялись принять своё наследие. – Юноша подался вперёд. – Вы можете рассказать нам. Если в наших силах помочь, мы поможем.

Краем глаза Таша заметила, как перо в руке Джеми замерло.

– Мне почти нечего рассказывать, – после недолгой паузы произнесла она сдержанно. – Я не знаю, кто он. Не знаю его имени – только прозвище. Знаю, что он маг крови, кукловод и ублюдок, который от скуки играет с людьми. И у него личные счёты с Ароном.

Близнецы одновременно расширили глаза, и Таше оставалось лишь гадать, перестанет ли её когда-нибудь поражать зеркальное сходство их лиц и даже мимики.

– Тебя преследуют *из-за Арона*? – воскликнула Эльль почти возмущённо.

– Не только, – поспешно сказала Таша, досадливо подметив оправдывающиеся нотки в своём голосе. – Этот маг крови преследует ещё какие-то цели. Хочет возвысить меня. Приблизить ко двору. Но зачем, я не знаю. Он ведёт некую *игру*, и, подозреваю, политическую игру, а наследница рода Морли стала бы в ней отличной пешкой. Он и в Клаусхебер привёл меня не случайно... Это тоже его рук дело.

– Но откуда он мог знать, что мы... – Эльль осеклась. – Хотя... если он аристократ и в курсе жизни других аристократов... если знал, что у нас срывается одна помолвка Лео за другой, а время поджидает...

– То у него прекрасные осведомители. А ещё он дамнарски умен, проницателен и опасен, – заключил Леогран. – Я правильно понял, что он узнал о вашем происхождении раньше, чем кто-либо, кроме вас самой?.. И святого отца, полагаю.

– Да, – сказала Таша, вспомнив их складную ложь о том, что Арон растил её с детства. – Верно.

...воспоминания о месте, которое когда-то Таша называла домом, пришли незваными. Как и обо всех, кого она оставила там. Хотя кого «всех»?.. Ей впору жалеть только о Гасте, но и того в Прадмунте уже нет. И хорошо: нечего её другу там делать. Он достоин большего.

При воспоминаниях о Гасте Таше снова моментально сделалось неуютно. Стыд заставил заёрзгать на подушке и сесть по-другому, точно от этого могло стать удобнее не только телу, но и совести.

Таша стала рваться на поиски друга спустя пару шестидневок после того, как обрела новый дом – в башне звездочёта и вишнёвом саду. Она не могла спать: к кошмарам, снявшимся ей после всего пережитого, прибавлялись мысли о том, что Гаст может прямо сейчас умирать где-нибудь в тёмном переулке – из-за неё. Но Таша не могла ехать на поиски в одиночку, а Арон твердил, что она ещё от старых приключений не оклемалась, чтобы кидаться в новые.

«Мне бы только заглянуть в какое-нибудь зеркало и увидеть, что с ним всё в порядке, – упрашивала Таша. – Пожалуйста!»

«Ты же знаешь, почему тебе лучше держаться подальше от зеркал. – Арон помолчал. – Впрочем, для этого необязательно использовать зеркала...»

Тем же вечером он отвёл её на чердак, в обсерваторию господина Гирена. Таша не то чтобы побаивалась хозяина дома, но чувствовала себя не в своей тарелке рядом с суровым стариком, и чем он может ей помочь, не понимала. Но звездочёт велел ей взяться за телескоп и представить перед глазами Гаста, пока сам он крутил рычажки морщинистыми пальцами, которые вдруг подсветило колдовское золото; а потом он, хмыкнув, предложил ей заглянуть в окуляр, где Таша действительно узрела друга. Гаст мирно ужинал в какой-то комнатухе, скудно обставленной, но вполне сносной – той, где Таша уже мельком видела его во вражеском зеркале.

После того вечера она узнала сразу две вещи. Первая – что хозяин башни волшебник, который по каким-то причинам предпочитает это скрывать. Вторая – что Гаст жив-живёхонек и находится в Арпагене.

«Отсюда сложно определить, где именно, мхм, – добавил господин Гирен, – поэтому нанести ему визит будет проблематично».

«И я не советовал бы делать этого, даже будь это просто, – сказал Арон. – Лиар наверняка предвидел, что первым делом ты попытаешься найти друга. Я уверен, что в Арпагене тебя ждёт ловушка».

«И что ты предлагаешь? – вскинулась Таша. – Успокоиться на том, что он жив?»

«Именно, – невозмутимо отозвался дэй. – Как видишь, у него есть крыша над головой. У него есть деньги на еду. Он неплохо выглядит. И поверь, тебе грозит куда больше опасностей, если ты поедешь к нему, чем ему без тебя».

«Но...»

«Таша, он старше тебя. Он пусть и молод, но со своей головой на плечах, даже если ты привыкла думать иначе. Не разбалуй ты его возможностью получать приличные оценки на уроках, не ударяя для этого пальцем о палец, он и с учёбой справлялся бы без тебя. Он – не твоя забота и вполне может устроить свою жизнь без твоей помощи. И даже если он поехал в Арпаген, чтобы найти тебя, там ему в любом случае будет лучше, чем в тени деспотичного дяди и отца, решавших его судьбу за него. Ты сама помнишь, как Гасту не хотелось провести всю свою жизнь в Прадмунте. – Арон неумолимо взял ошалелую девушку за плечи, чтобы развернуть к выходу. – Вы обязательно увидите. Обещаю. Позже. Когда мы сможем быть уверены, что эта встреча не закончится плохо ни для тебя, ни для него. Ты ведь понимаешь, что Лиар едва ли будет щадить твоего друга, если поймёт, что с его помощью можно манипулировать тобой».

...заглянуть в телескоп ей с тех пор ни разу больше не давали, хотя она просила. И Таша не сразу приняла доводы приёмного отца. А когда приняла, на краю сознания всё равно поселилась мысль о том, что это маленькое предательство; что Гаст сломя голову кинулся бы ей на выручку, плюнув на всё, – что он и сделал. И то, что из подобной затеи едва ли вышло бы что-то хорошее, ничего не меняло.

– Пусть этот игрун только попробует сунуться к тебе при нас, и Лео использует его в качестве тренировочной куклы во время очередного урока фехтования, – задиристо провозгласила Эль, возвращая Ташу в реальность. – Он, к слову, усердно готовился к вашему экзамену, Джеми-энтаро. Только, пожалуйста, устройте его после Княжьего бала, а не до... В мои планы не вписывается брат, во время танцев морщащийся от боли в проткнутом боку.

– Ты во мне сомневаешься, сестрёнка? – весело сверкнул глазами Леогран.

– Нисколько, Лео. Просто в Джеми-энтаро я не сомневаюсь чуточку больше. И я очень надеюсь, что теперь, когда они с Ташей будут жить в пределах нашей досягаемости, он сможет давать тебе уроки лично. – Эль приподняла чашку так, что та закрыла нижнюю часть её лица,

оставляя видимыми лишь зелёные, исполненные лукавства глаза. – Вы ведь не откажете малэн в этой маленькой любезности, Джеми?

Тот выпалил «да» так горячо, что даже закашлялся – с головой выдав, что родившаяся летом влюблённость в юную герцогиню пусть и поумерилась, но никуда не исчезла.

Таша скрыла улыбку: воображение слишком живо нарисовало картинку, как невидимый Алексас за плечом брата закатывает глаза.

...что ж, теперь Таша тоже в Арпагене. И когда она разберётся с первоочередной проблемой, заручившись поддержкой Его Величества, от поисков Гаста её уже никто не отговорит. Даже Арон, который приедет сразу, как только жители Фар-Лойла будут вне опасности.

Впрочем, вряд ли он захочет её отговаривать, если впредь она будет защищена от Лиара не только его стараниями.

* * *

– Аудиенцию назначили на шесть вечера, но мы с Лео и Ташей-лэн отправимся во дворец к пяти, – сообщил Орек за завтраком следующим утром, разрезая фаршированное яйцо. – За час должны уложиться.

– А вам зачем ехать, дядя? – полюбопытствовала Элль, вяло ковыряя ягодный пудинг.

– Я буду свидетелем на допросе. Лео как жених допрашиваемой не годится на эту роль.

Умиротворённую тишину светского перекуса нарушило сперва громкое «кха-кха», а затем – чуть менее громкий «звяк»: это Джеми, едва не поперхнувшись яблочным пирогом, выронил вилку из дрогнувшей руки.

– Д-допрос? – уточнил он. – На час?

– А вы как думали?

– Ну... Ташу спросят, правда ли она наследница рода Морли, она предъявит перстень, возьмётся за правдометр, ответит «да»... и всё будет хорошо!

– Всё и будет хорошо. Если, конечно, Таша и вправду наследница рода Морли, в чём я лично не сомневаюсь. – Взгляд Орека скользнул к кольцу на Ташином пальце. – Но вопрос слишком серьёзен, чтобы ограничиться одними лишь правдометрами. Его Величество должен знать, кому доверяет наследие одного из древнейших родов королевства... и не повторит ли эта наследница ошибки предшественников.

Прежде чем задать следующий вопрос, Джеми снова закашлялся.

– И что же... кха... будет на допросе?

– Досмотр памяти. Конечно, история с Кэйрмиль выплывет наружу, но я попрошу, чтобы её не разглашали посторонним... делами аристократов занимается особый отдел городской стражи, а они, насколько я знаю, не передают подобную информацию широкой огласке. В конце концов, Кэйрмиль всё равно нужно поймать. Да и помолвка по расчёту, уверен, останется между нами и магами-дознателями. Это наши личные дела, и я не вижу в этом ничего противозаконного.

Джеми только крикнул.

– Досмотр памяти? – тихо переспросила Таша.

– Вас усыпят, и маги бегло просмотрят все воспоминания в вашем сознании. – Приглаживая аккуратно подстриженные рыжие усы, Орек скривился. – Отвратительно.

– Не беспокойтесь, Таша, – быстро заговорил Леогран, видно, заметив неестественную бледность её лица. – Они будут бережны с будущей герцогиней. Пускай официально пока неизвестно, Морли вы или нет, но вы помолвлены со мной, а потому уже имеете право на привилегии.

– Ничего страшного, – безмятежно сказала Таша. – Я понимаю, что это необходимо.

Безмятежность далась ей не без усилий.

– Говорят, во время подобного сна ты видишь всё, что просматривают маги, – мрачно добавил Орек, – и вся жизнь, словно перед смертью, проносится у тебя перед глазами... Надеюсь, у вас было достаточно приятного в жизни, Таша-лэн.

– Достаточно, – коротко подтвердила она.

Но явно недостаточно, чтобы уравновесить всё неприятное, добавила Таша про себя.

– Всё будет хорошо, – произнёс Джеми так мягко и так уверенно, что девушка сразу поняла, кто теперь с ней заговорил. – Я уверен, что...

Вдруг осёкся – и, когда Таша посмотрела на Алексаса, тот сидел, держась пальцами за виски.

– Порядок, – заметив её взгляд, устало проговорил Алексас ещё прежде, чем она успела задать вопрос. – Просто голова с чего-то закружилась.

...«этот ритуал никого не спасает»...

Нет, подумала Таша, вспоминая один из осенних разговоров с Ароном, чувствуя, как моментально холодеют и без того холодные пальцы. *Нет, пожалуйста, только не сейчас.*

Богиня, не заставляй меня беспокоиться ещё и об этом.

– Что-то аппетита нет, – сухо сказала Эльль, поднимаясь из-за стола, оставив едва тронутый пудинг на тарелке. – Пойду прогуляюсь. Вернусь через час, чтобы помочь Таше собраться.

Провожая её взглядом, Таша поняла, что не одна она нервничает из-за сегодняшнего допроса. Но то, что Норманы, с которыми они знакомы всего ничего, с которыми её связывает фиктивная помолвка, переживают за неё, как за родную, – почему-то успокаивало.

И, в конце концов, у её рыцаря действительно могла просто закружиться голова.

– Прекрасно выглядите, Таша-лэн, – расщедрился на комплимент Орек, когда они уже сидели в экипаже, а мимо плыли светлячки фонарей, лица прохожих и яркие витрины, в которых скользили отражения кареты и коней. – Платье вам очень идёт. Простой фасон, но сколько изящества...

– Это заслуга Эльль.

Стук копыт по мостовой бил по ушам.

– И зелёный вам к лицу, – подхватил Леогран.

Таша повыше натянула атласные перчатки, обхватившие её руки до локтей:

– Спасибо.

Платье в зелёных с жёлтым оттенках герба Морли, перчатки, причёска, убиравшая волосы с лица, но оставлявшая их свободно струиться по спине, – всё это было заслугой Эльль. И от Таши не укрылось, как дрожали пальцы юной герцогини, пока та перевивала светлые локоны золотыми шёлковыми лентами. Даже прогулка не помогла Эльль успокоиться до конца. Но именно она одела, причесала, собрала и накрасила Ташу к приёму у короля, который – они все надеялись – ждёт её после допроса. Конечно же, успешного, и никак иначе.

Её стараниями Таша выглядела почти безукоризненно. Мама, как бывшая королевская фрейлина, ею точно гордилась бы.

– Не волнуйтесь вы так. – В голосе Орека слышалась подбадривающая отеческая улыбка. И не скажешь, что до экипажа дядя близнецов шагал мрачнее тучи – ему не нравилось ехать в княжеский дворец пассажиром, но положение обязывало. Он предпочёл одеться в тёмно-серое, оставив Леограну синий бархат, расшитый серебром: родовые цвета Норманов. – Всё будет хорошо.

– Я и не волнуюсь. Не из-за допроса, во всяком случае.

– А из-за чего?

Таша нервно пожала плечами.

Не говорить же, что после утреннего головокружения Алексаса на душе у неё весь день скребли кошки, – а вечером, пока она прощалась со своими рыцарями, животное чутьё внутри неё кричало «стой».

– Удачи, Таша, – тихо молвил Алексас, поймав Ташу почти в дверях. – Мы... все мы – с тобой.

Таша взглянула в синие глаза своего рыцаря... и когтистая лапка неясной тревоги царапнула душу. «Стой, – зашептало что-то внутри, – стой, не уходи, ты должна быть здесь, должна остаться рядом...»

– ...Таша?

– Да. – Она мотнула головой, пытаясь разобраться в собственных ощущениях. – Спасибо...

...«более сильная личность поглотит более слабую», – эхом прозвучал голос Арона в её голове.

– Что такое? – посерьёзнев, спросил Алексас.

– Ничего. – Она вымученно улыбнулась. – Просто грядущий допрос нервирует. – И, почти поверив в собственные слова, повернулась к Ореку и Леограну, ждавшим на пороге. – Идёмте.

– ...думайте о том, что будет после допроса, – донёсся до неё голос Леогрانا. – Уверен, вы произведёте на Его Величество самое благоприятное впечатление. А для нас будет честью, если мы поможем восстановить в правах наследницу рода, частью которого была наша дорогая тётя Нириэна.

– Нири была бы рада такой наследнице, – тихо подтвердил Орек, поправляя объёмистый деревянный ларец, покоившийся у него на коленях и расплескавший синие ленты по серому бархату его сюртука.

– Кому подарок? – спросила Таша, кивнув на ларец.

– Его Величеству. – Орек поправил шёлковый бант замысловатой завязки. – На аудиенции каждый герцог обязан сделать подношение королю. Символическое, конечно... никаких взяток, просто дань уважения.

– И что там?

– Очень дорогой кубок. Делали на заказ у лучшего мастера нашего округа. Благо он обитает в Броселиане, куда и мы ещё осенью уехали из Клаусхебера. Я лично описывал, что мы хотим получить, и забирал результат, – добавил Орек; его племянник коротко кивнул в знак подтверждения. – Надеюсь, Его Величеству он придётся по душе.

Они уже въезжали в сад за воротами княжеского дворца, удивлявший зелёными кронами широкой яблоневого аллеи: видимо, сад зачаровывали маги. Сам дворец был великолепным, но немного зловещим – такие громадные, высоченные замки с острыми шпилями Таша всегда считала подходящими жилищами для злых колдунов или эйрдалей. Хотя в Арпагене, похоже, все здания строили в подобном стиле; а если вспомнить Клаусхебер, мрачный особняк Норманов...

– Помните, Таша-лэн, – сказал Леогран, первым покинув экипаж, когда тот замер напротив широкой гранитной лестницы во дворец. Протянул ей ладонь. – Не важно, какие отношения нас связывают. Я не дам в обиду девушку, которая выручила меня из беды в трудную минуту. Семья которой выручила нас из беды. Мы в долгу перед вами, а Норманы не забывают о своих долгах.

Таша улыбнулась ему так благодарно, как только могла. Опершись на руку, ледяные метки на которой скрывала синяя кожа тонких перчаток, она действительно почувствовала себя почти спокойно.

За дверьми, у которых дежурили стражи в парадной форме, их встретил огромный холл, отделанный тёмным камнем, и магическая арка, рядом с которой ждали маги-стражи всё в той же форме – тёмно-синей с позолотой. Они проверили гостей по списку и, удостоверившись, что герцог Броселианский, его дядя и Тариша-потенциальная-Морли действительно приглашены, пропустили всех троих. Внутрь прошли спокойно: широкая деревянная арка не обратилась в клетку, что неизбежно случалось, когда во дворец пытались тайком пронести оружие или опасные артефакты.

Впрочем, один из стражей всё равно поинтересовался:

– Что в ларце?

– Дар Его Величеству, – любезно отрапортовал Орек.

– Позволите?

Бант развязали без всяких церемоний. Откинув расписную крышку шкатулки, под которой скрывалась изящная костяная чаша с резным портретом Шейлиреара Дарфулла Первого, страж медленно провёл над ней расправленной ладонью.

– Рог антилопы шэдвар. Естественный магический фон. Активных или дремлющих заклятий не замечено. – Страж захлопнул шкатулку и взмахнул рукой, осыпая подарок ледяными искрами, сорвавшимися с кончиков его пальцев; в их мерцании бант сам собой завязался на прежний манер. – Безопасно. Пронosite.

– Достойное подношение, – одобрил кто-то за Ташиной спиной.

Она обернулась – и увидела высокого поджарого мужчину лет сорока. Смуглого, с аккуратной бородкой, раскрашенной сединой, обрамлявшей узкие губы.

Мужчина склонил темноволосую, коротко стриженную голову, удостоив Ташу своим предельным вниманием. Он весь был в чёрном; даже очки его, маленькие и круглые, имели дымчатые стёкла. За этими очками она не видела его взгляда, но чувствовала тот на своём лице.

Почему он прячет глаза?..

– Джелиар Айронсул, – доброжелательно представился незнакомец. – Первый Советник Его Величества.

...на миг Таше почудилось, что время остановилось. Что стрелки больших напольных часов в дальнем конце холла, облитых светом хрустальной люстры, замерли, прилипнув к циферблату. Что в мире не осталось больше никого, кроме неё и мужчины напротив.

Мужчины, который слишком походил на то, каким Таша представляла истинный облик своего врага.

– Его Светлость Леогран Норман, Норман-энтаро и... Кармайл-лэн, надо полагать? – продолжил Советник, едва заметным поворотом головы разрывая перекрестье их взглядов, позволяя Таше снова дышать.

– Морли-малэн, – спокойно возразил Орек, подхватывая ларец с кубком и передавая его в руки племяннику.

– В теории. – Советник располагаясь улыбнулся. – Его Величество назначил меня вторым свидетелем на вашем допросе, Кармайл-лэн. Следуйте за мной. Ваша Светлость, вам придётся подождать здесь. Не беспокойтесь, ваша невеста вернётся к вам в целостности и сохранности. – Его улыбка стала насмешливой. – Я умею беречь драгоценности, подобные этой.

Таша едва почувствовала, как ладонь Леограна на миг крепче сжала её пальцы в знак поддержки.

Придерживая длинную юбку, не спуская глаз со спины Джелиара Айронсула, Таша устремилась к винтовой лестнице в дворцовые подземелья, притаившейся за неприметной дверью в дальнем конце холла.

Лестница оказалась тёмной, узкой и сырой; эхо на ней – настолько громогласным, что шаги четверых человек рождали иллюзию, будто по неотёсанным ступенькам спускается табун лошадей. Волшебные огоньки в светильниках на стенах едва теплились. Словом, архитектор

постарался на славу: любому преступнику захотелось бы покаяться во всех грехах, только бы вернуться наверх.

– Простите за отсутствие архитектурных изысков, – будто услышав мысли гостей, подал голос Советник, – но строившие подземелье в последнюю очередь думали о его красоте.

– А что со светильниками? – спросил Орек.

– Хотя стены облицованы гранитом, подземелье сложено из фалангра, так что здесь крайне неустойчивый магический фон.

– Фалангр... камень, невосприимчивый к любой магии?

– И лишаящий существ, соприкасающихся с ним, способности колдовать. Верно. – Советник одобрительно кивнул. – Это было предпринято в охранных целях, как вы понимаете. Поскольку попадающие сюда не соприкасаются с фалангром, а лишь находятся в зоне его действия, камень отменяет заклятия с первого уровня по пятый и значительно глушит остальные. Светильники укрепили защитой шестого уровня... Результат, как видите, налицо.

– А как же дознаватели? Или стражи?

– Они носят амулеты, нейтрализующие действие фалангра. Если подобные амулеты есть у подозреваемых, они засвечиваются на арке внизу... собственно, вот и она.

Вторую магическую арку – каменную – Таша легко приняла бы за дверной проём. За ней ждал коридор всё с теми же сырыми тёмными стенами и без единой двери: лишь светильники неровно мерцали под низкими полукруглыми сводами.

– Осталось немного, – изрёк Советник, устремляясь дальше. – Прошу прощения за долгий путь.

Таша шла следом, почти не чувствуя пола под ногами.

Джеслар...

Остановившись перед ничем не примечательным участком стены, Советник повернулся, постучал по камню – и толкнул возникшую вдруг дверь. Отступив в сторону, указал на открывшееся помещение приглашающим жестом.

Таша оглянулась на Орека, прочитав по губам ободряющее «не бойся», и вступила в камеру пыток.

– Опоздали, господин Советник, – бесстрастно заметила волшебница в белом, восседавшая за кабинетным столом из блестящего тёмного дерева. – На вас не похоже.

– Прошу прощения за задержку. Когда сопровождаешь прелестных лэн, не до спешки, – с усмешкой заметил Советник, присаживаясь на стул у дальней стены.

– Добрый вечер, Орек, – улыбнулся волшебник в белом, поднявшись с потрёпанной кожаной кушетки. – Прошу, Кармайл-лэн... пока ещё Кармайл и пока ещё лэн. Рад новой встрече.

Кроме пресловутой кушетки, стола и нескольких стульев в небольшой, ярко освещённой комнате не было ничего. Ни жутких приспособлений, ни цепей, ни крови на полу, к которым Таша мысленно уже приготовилась.

Впрочем, куда больше её удивило другое.

– *Мастер Иллюзионист?* – изумилась она, глядя на знакомое веснушчатое лицо под облачком светлых кудрей.

– Кажется, летом мы сошлись на Вермиллионе-энтаро. – Один из Мастеров Адамантской Школы свойски, совершенно по-мальчишески ей подмигнул. – Позвольте представить мою коллегу, Мастера Странницу. Его Величество попросил Мастеров Школы лично провести ваш допрос, и я не удержался от искушения вызваться вести протокол.

– Ну конечно, – выдохнул Орек как будто с облегчением. – Кто как не Мастер сможет провести досмотр памяти без боли.

Волшебница за столом – худая беловолосая девушка с россыпью родинок, складывавших сложную фигуру на её строгом лице, и странными завораживавшими глазами цвета аметиста – отстранённо взидала на новоприбывших.

– Садись, Орек. Это будет не быстро, – велел Иллюзионист. – А вы не жмитесь у стены, Кармайкл-лэн. Прилягте.

– Благодарю за беспокойство, но я и постоять могу, – пробормотала Таша, которую слова про боль не слишком воодушевили. Впрочем, к кушетке всё же прошествовала.

Кое-как устроив голову на подушке, она следила, как Иллюзионист поправляет её волосы, разметающиеся по кожаной обивке: так бережно, точно к нему пожаловала дорогая и долгожданная гостья.

– Удобно?

Таша нервно кивнула, пытаясь не выпускать из виду Советника, следившего за подготовкой к допросу с какой-то пакостной улыбкой. Мысли и чувства безостановочно перескакивали с одного на другое, не в силах определиться, чему удивляться и чего бояться больше.

Он или нет?..

В следующий миг что-то змеёй скользнуло по талии, запястьям, лодыжкам – и Таша поняла, что её приковывают к кушетке кожаные ремни.

– Это ещё зачем? – воскликнул Орек.

– Так положено, – бросила Странница; в голосе её шелестел прохладный горный ветер. – Не дёргайтесь, Кармайкл-лэн. Чем больше будете дёргаться, тем туже затянутся ремни.

Ещё разок рванув руки в тщетной попытке освободиться, но лишь убедившись в правдивости этих слов, Таша затихла.

– Не беспокойтесь. Просто неприятная формальность, – доверительно шепнул Иллюзионист. Прямо из воздуха достал тетрадь и зачарованное перо. – Закройте глаза. Мы будем осторожны. Вы ничего не почувствуете.

Лицо Странницы вдруг нависло прямо над её собственным – и, отчаянно зажмурившись, Таша не то услышала, не то почувствовала взмах невидимой руки над её лбом.

Кто-то тихо и спокойно велел:

– Спи.

* * *

– Попала!

– А вот и нет, а вот и нет!

– А язык-то у кое-кого фиолетовый, – комментирует Джеми, пролетая над вишнёвыми кронами.

– Лив, ты всё-таки своровала начинку для пирожков? – возмущается Таша, пока сестра подбирает лоскутный мяч.

– Подумаешь! Там ещё во-от столько было!

– Невыносимая девчонка! Черники в этом году не так много запасли! Нельзя было потерпеть, пока пирожки сделают?!

– Мне хотелось прямо сейчас!

– Бойся своих желаний, – философски возражает Джеми. Умудрённый жизнью голос мало вяжется с тем, что мальчишка лихорадочно размахивает руками, пытаясь удержать равновесие и поровнее усесться в воздухе. – Дамнары, заклятие невесомости – такая муторная штука, оказывается...

– Курицы лучше тебя летают, – фыркает Лив. – И вообще... ааа!

– Попалась, которая объедалась! – Подкравившись к сестре со спины, Таша валит Лив в кучу листьев; мяч, выпавший у девочки из рук, катится по траве. – Будешь ещё старших не слушаться?

– Прекрати... ай-ай-ай... меня... щекотать!

До сей поры сёстры бежали по саду и играли в вишибалы, а Джеми практиковался в искусстве колдовского полёта. Солнце сонно скатывается за горизонт; вишни шушукуются о чём-то с вечерним ветром. Опавшая листва, которую Джеми сгребал в кучи пару часов назад, окутывает основания стволов пёстрыми шальями – наступивший листопадник³ облил деревья медью и позолотой. Вишен, листья которых осенью желтели, Таша никогда раньше не видела, но каких только сортов не было в саду господ Лормари.

...в прежнем Ташином доме тоже был сад. Яблоневый. Она привыкла засыпать под лиственный шелест, и ей не пришлось отвыкать от своей колыбельной.

Переход в новый дом прошёл так безболезненно, как это только возможно, учитывая обстоятельства.

– Капитулируете, Ваше Вреднучество?

– Да, да, только перестань!

Отфыркавшись от волос, лезущих в лицо, Таша раскидывает руки и падает наземь – в большую кучу листьев по соседству с сестрой. Смотрит прямо перед собой, туда, где расцветает закатными красками бездна осеннего неба.

– Мне хотелось бы уметь летать, – вдруг говорит Лив.

Таша поворачивает голову.

Заметив движение, сестра торопливо отводит взгляд от Джеми и широко открытыми глазами уставляется на облака.

– Как-нибудь обеспечу тебе полёт, – тихо-тихо, чтобы не спугнуть наконец обрётённое равновесие, бормочет мальчишка, паря над травой в паре манов от них. – Как только буду уверен в своих силах.

– Правда?

– Я когда-нибудь тебе врал?

Глядя на сияющую Лив, Таша треплет сестру по темноволосой макушке. Та из вредности дёргается, но, подумав, всё же подкатывается ближе.

– Это так сложно? – спрашивает Таша, обнимая девочку за плечи. – Летать?

– А ты... ай, ну вот опять!.. А ты как думаешь, если у меня не получается?

– Думаю, что колдун из тебя липовый, – говорит Таша добродушно.

– Я тоже тебя люблю, – бурчит Джеми и, потеряв всякую надежду усидеть в воздухе, пускается в неторопливый полёт по саду.

– Ну вот от чего зависит успех парения?

– Концентрация, магическая сила, уверенность... ловкость. Координация. У Алекса наверняка вышло бы лучше. – Пролетая мимо, Джеми подхватывает с земли мяч, валяющийся под вишней чуть поодаль. – Летать проще, как ни странно, зато просто сесть или замереть... В целом это как плавать, только в воде не нужно постоянно думать: «Всё хорошо, я умею летать, для меня это вполне естественно, я совсем не должен упааамм...»

– Лучше не думай, – вздыхает Таша, наблюдая, как её рыцарь пропахивает носом траву.

– А некоторым приходится думать: «Всё хорошо, я умею плавать, я совсем не должен утонуть», – вставляет Лив.

– Тебе, к примеру?

Сестра только хихикает.

Отплевавшись от листьев, Джеми вскидывает голову – и смущённо вскакивает:

– Добрый вечер, святой отец! А я тут... У меня получалось летать, просто сейчас...

– Я видел, – успокаивает его Арон, размеренно вышагивая по тропинке среди вишен. – И ещё более уверился в мысли, что передо мной будущий магистр. То, что не всё получается

³ Второй месяц осени (алл.).

сразу, совершенно естественно: и великие ошибались в начале своего пути. Уверен, через год-другой ты дашь фору всем своим сверстникам в Школах.

– Правда? – уточняет Джесси ликуя.

...когда Таша впервые увидела дэя не в фортэнье, а в простых штанах и рубашке, она долго думала, как к этому относиться. На уже сложившийся в сознании образ Арона вдруг наложился абсолютно другой. Смешно, но до той поры Таша не задумывалась, что дэй не родился в фортэнье, и помимо Арона, к которому уже успела привыкнуть – могущественного, надёжного, героического, – есть Арон другой: человеческий, обычный, по-домашнему уютный.

Впрочем, поскольку надёжности и могущества в Ароне-домашнем не убывало, Таша довольно быстро совместила двух Аронов в одного, и сейчас вид их почти-святого отца в мирской одежде её нисколько не удивляет.

– Вечерний чай, – объявляет Арон.

– И кое-кому ещё уроки делать, – добавляет Таша, поднимаясь с земли и помогая встать Лив. – Иди, стрекоза. Я игрушки соберу – и за вами.

Та не возражает: охотно ухватывается за протянутую руку Джесси и бок о бок с ним устремляется к башне звездочёта, белеющей над вишнёвыми кронами.

– Не хочешь пройтись до озера? – спрашивает Арон.

– Хочу, – умиленно наблюдая за удаляющейся парочкой, отвечает Таша, не задумываясь. – Но с госпожой Лиден сам потом будешь объясняться.

– Она поймёт. Хочу послушать, как прошёл твой день.

Пока они идут до озера, Таша рассказывает, что было сегодня в школе. А ещё думает, что когда-то душу продала бы за отца, которому интересно, как прошёл её день, и за мирные вечерние прогулки с ним.

Теперь они есть, и душу ей продавать не пришлось – но какую цену она уплатила взамен...

– Давно ты заметила, что Лив равнодушна к Джесси? – произносит вдруг Арон, когда они спускаются к воде по узкой тропке, выходящей по холму, и садятся на прибрежную гальку. Впереди – озеро Лариэт: зеркало перламутровых вод в ложбине предгорных холмов, опавшее в пёстрые луга и лес, пылающий осенними красками. Если повернуть голову, можно разглядеть заснеженные пики далёких горных вершин, отгородившихся от королевства горами пониже.

– Не говори так. – Таша, не глядя, зачерпывает рукой горсть светлых камешков. – Это же... детское.

– Потому я и сказал «равнодушна», а не «влюблена».

Выбрав самый симпатичный камушек, Таша без замаха кидает его в воду.

– Не так давно. Она же с ним всегда вредничала даже больше, чем с остальными. А потом я обратила внимание, как она на него смотрит... когда никто не видит, конечно.

– И как ты к этому относишься?

Следующий камень пару раз лягушкой скачет по зеркальной глади, прежде чем скрыться под водой.

– Я не могу относиться к этому серьёзно. Полагаю, ты тоже.

– Сказать честно?

– Нет, соврать.

– Я огорчён тем, что на её месте не ты.

Очередной камень, вылетев из дрогнувшей руки, укоризненно булькает у самых Ташиных ног.

– Ты это серьёзно... честно?

– Серьёзнее и честнее некуда. – Арон отстранённо смотрит вдаль. – Многие в твоём возрасте уже замужем.

Она вдруг ощущает странную, неясную, болезненную обиду: сама не понимая почему, но отчего-то не желая слышать подобного из его уст.

– Так не терпится сбить меня с рук?

– Нет. Просто я бы предпочёл видеть на этом месте Джемми, нежели кого-то другого.

Таша глубоко вдыхает, успокаиваясь и успокаивая колючую иглу в сердце. Оглядывает камни у себя на ладони.

– Предлагаешь мне отобрать мальчика у собственной сестры? – негромко интересуется она, выбирая из камушков наиболее плоский. – Джемми мне как брат. Едва ли я когда-нибудь смогу смотреть на него иначе.

– А на Алексаса?

– Наверное, смогла бы, – соглашается Таша без особых раздумий: просто потому, что не имеет никакого желания думать об этом всерьёз. – Если бы забыла о том, что буду очередной в послужном списке. Однако, какими бы замечательными ни были мои рыцари, у них обоих есть одно большое «но».

– Какое же?

Следующий камень, прежде чем пойти ко дну, оставляет на воде три расходящихся «блинчика».

– Кто-то из них всегда будет третьим.

Задумчивость в глазах Арона ей не нравится.

– А если не всегда?

Таша непонимающе следит, как дэй поднимает и вертит в руках гладкий светлый камушек, обточенный волнами.

– Видишь ли, – продолжает Арон, отвечая на немой вопрос, – как ты понимаешь, это не совсем нормально: существование двух личностей в одном теле. Однако подобное уже случалось ранее. Да, бывали люди, пускавшие погибшего близкого в своё тело, – кивает Арон, заметив её недоверчивый взгляд. – Ритуал Двоедушия открыли мы. Амадэи. Лиар, если быть точным. Но в конце концов мы отказались от него, а Ликбер Великий вовсе его запретил. Большинство летописей, где ритуал упоминался, погибли в Тёмное Время. С тех пор его проводят тайно, а о результатах предпочитают не болтать, дабы не навлечь гнев Мастеров Адамантской Школы. Впрочем, колдуны, в отличие от волшебников, законы Ликбера не чтут.

– Чем больше узнаю о Ликбере, тем меньше он мне нравится, – ворчит Таша.

– Не думай о нём слишком плохо. Несмотря на все свои... недостатки, основатель Школы Волшебников был великим человеком. На то, чтобы настроить народ против амадэев, у него были вполне объективные причины. На то, чтобы запретить ритуал Двоедушия, тоже.

– Что за причины?

– Этот ритуал никого не спасает. Скорее наоборот. Потому мы в своё время от него и отказались. – Арон подкидывает камушек на ладони. – Исход всегда один и тот же, просто многие об этом не знают. Или забывают. Порой намеренно.

– Не ходи вокруг да около, – говорит Таша, отчётливо ощущая волнение, сбивающее дыхание. – В чём дело?

Арон, поразмыслив, без замаха кидает камень в озеро.

– В том, – отвечает он, глядя, как расходится круг на воде, – что рано или поздно происходит объединение сознаний. Слияние двух личностей. Норма берёт своё. Не понимаешь? Да, это сложно понять. А принять – ещё сложнее. Но рано или поздно вместо Джемми и Алексаса мы получим кого-то одного... с чертами другого. Вот так.

Таша опускает взгляд – на собственную ладонь, незаметно стиснувшую последний камень тонкими пальцами.

– Джемми... с чертами Алексаса?

В мыслях царит звенящая болью пустота.

– Необязательно. Более сильная личность поглотит более слабую, при этом получив некоторые моральные качества и способности поглощённого.

– И получится либо Алексас с магическим даром... не такой задающийся и любвеобильный... либо уверенный в себе Джеми, прекрасно владеющий мечом?

– Примерно.

Таша смотрит на свою руку, словно больше ничто на этом свете её не волнует.

Хотела бы она, чтобы это действительно было так.

– Я не хочу их терять. Никого из них. – В дрогнувшем голосе всё же прорезается боль. – Они... мои друзья. Оба.

– Я тоже. Но это случится, Таша. Хотим мы того или нет.

Таша глядит, как тёмная полоска леса на том берегу поглощает алое солнце.

– И когда?..

– Не знаю. Двоедушие не длится долго. Год, два, три – не больше.

Костяшки девичьих пальцев белеют от напряжения.

– Джеми знал об этом, когда соглашался на ритуал?

– Нет.

– Ему никто не сказал?..

– А зачем? В этом случае их опекун терял одного из братьев, а так получал обоих, слитых воедино. И маг, и фехтовальщик. Хороший расклад.

– Герланд совсем их не любил, да?

Это выходит спросить только едва слышимым шёпотом.

– Судя по тому, что я видел в их памяти... – Арон коротко качает головой. – Он – альв, Таша. Королевский Охотник к тому же. Альвы не созданы любить людей, а Охотникам чувства в принципе не положены.

Таша долго сидит неподвижно.

Разжав руку, кидает взгляд на камешек, лежащий у неё в ладони. Плоский, розоватый. С дыркой посередине.

– Загадай желание, – советует дэй.

Таша поднимает камень к глазам. Сквозь крохотное отверстие, проточенное ветром и водой, глядит на краешек солнца.

Одиноким «бульк» звучит одновременно с тем, как за лесом скрываются последние солнечные лучи.

– Загадала?

Не глядя на амадэя, Таша кивает.

– Пусть оно сбудется, – произносит Арон серьёзно.

Таша улыбается. Самым краешком губ, горькой донельзя полуулыбкой-полуусмешкой.

– Поживём – увидим...

* * *

– Проснись.

Таша открыла глаза; казалось, она задремала всего на секунду. Села на кушетке, – и лишь затем вспомнила, что, по идее, не смогла бы этого сделать. Но ремни исчезли таким же чудесным образом, как и появились.

Отступив на шаг, Странница равнодушно созерцала пол, зачем-то сжимая в руках правдометр: нечто вроде серебряного молотка, только с двумя ручками и циферблатом, стрелка на котором педантично покачивалась между делениями «правда», «ложь» и «что-то здесь нечисто». Прибор, часто заменявший чтецов там, куда чтецам заглянуть было некогда. Иллюзионист смотрел на перо, под его взглядом торопливо царапавшее что-то в тетради. Орек застыл у

стола, скрестив руки на груди; Советник в глубокой задумчивости глядел в потолок, подпирая ладонью подбородок.

Похоже, допрос был окончен.

– Я... – собравшись с духом, начала Таша, – и смолкла, когда Джелиар Айронсул поднялся со своего стула.

Безо всякого выражения на аристократичном лице Советник Его Величества шагнул вперёд. К ней.

Склонился в поклоне.

Он или...

– Его Величество ждёт, – изрёк мужчина в чёрном, – Морли-малэн.

Как выяснилось, спуститься на допрос и выйти сухим из воды – это полдела. Надо было ещё вернуться наверх, не пав смертью храбрых на бесконечной лестнице.

Таша оставила позади не один десяток ступенек, но всё ещё осмысливала то, что услышала после пробуждения. Мастера успели не только просмотреть её память, но и исследовать перстень Морли, дабы убедиться в его подлинности... а ещё допросить на правдометре Орека, к которому после Ташиных воспоминаний о Кэйрмиль ожидаемо возникли вопросы. В частности, действительно ли он непричастен к деяниям супруги-эйрдаля – и не имеет ли отношения к смерти сестры и её мужа.

К счастью, правдометр убедительно подтвердил, что нет.

– Любопытно, однако, что вы сразу не обратились к страже, Норман-энтаро, – отстранённо бросил Советник через плечо. Обратно они снова шли втроём: Иллюзионист и Странница остались в подzemелье доделывать протокол и улаживать другие формальности. Впрочем, Вермиллион на прощание известил Ташу, что отыщет её на балу, и в этот раз всего двумя версами она не отделается. А ещё – что в прошлый раз их беседу прервали самым невежливым образом, а между тем им есть что обсудить.

Что ей было обсуждать с Мастером Адамантской Школы, Таша не имела ни малейшего понятия. Но уже не удивлялась.

– Если бы не Таша-лэн, я предпочёл бы вообще не предавать это огласке, – сдержанно ответил Орек из-за Ташиной спины. – Об этом не говорили даже слугам. Для них мы с Кэйрмиль просто разошлись. Я не хотел и не хочу, чтобы имена моих родных полоскали в каком-нибудь новостном листке, а меня заклеили как супруга их убийцы.

– И даже не хотели справедливого возмездия для этой самой убийцы? Так прониклись словами какого-то дэя о прощении врагов своих?

Орек помолчал – так, будто и сам не знал ответа на этот вопрос.

– Да, – поколебавшись, наконец откликнулся он.

– Надеюсь, Морли-малэн, когда-нибудь мне доведётся услышать проповедь вашего отца. Судя по всему, он просто дамнарски убедителен.

В голосе Советника прорезалась насмешка, – и Таша многое сейчас отдала бы, чтобы увидеть выражение его лица. Без этого слишком трудно было понять, есть ли в этой насмешке ещё и *намёк*.

– Думаю, в особом отделе стражи с вашей супругой разберутся быстро, Норман-энтаро, – спокойно продолжил Джелиар. – Боюсь, вам предстоит нанести туда визит в ближайшее время... но не беспокойтесь, они не любят, когда новостники лезут в их дела. Ваша тайна останется тайной. – Повернув голову, Советник бросил на Ташу несколько ироничный взгляд. – Да, как и сказал герцог, мнимая помолвка останется между нами. Его Величество, конечно, захочет лично просмотреть протокол, но его это разве что повеселит... К слову, любопытная у вас семья, Морли-малэн. Я даже никогда не слышал о таких, как ваш брат. И о чтецах такой силы, как ваш отец.

Неужели, подумала Таша.

– К слову, теперь вам не нужно объяснять Его Величеству всю сложность ситуации, в которую вы попали, – добавил Советник. – Он прочтёт протокол и, уверен, примет меры по вашей защите. Для него это будет делом чести.

Неужели, снова подумала Таша.

– Летом, когда вы так внезапно убежали из Клаусхебера, святой отец сказал, что вас преследует маг крови, – тихо произнёс Орек. – Но я и подумать не мог, что всё настолько серьёзно.

Таша лишь невесело улыбнулась, думая о том, что этот самый маг крови может сейчас шагать несколькими ступеньками выше.

– Возвращаю драгоценность, Ваша Светлость, как и обещал, – проговорил Джелиар, когда лестница наконец кончилась и взору их предстал Леогран с ларцом в руках, нервно меривший шагами холл. – И поздравляю. Морли-малэн готова предстать перед Его Величеством... и принять своё наследство.

Улыбка, осветившая лицо юного герцога, показалась Таше ярче, чем колдовской свет люстры над их головами.

– Богиня, как я рад. – Всучив дяде ларец, Леогран заключил её в объятия: тёплые, братские, успокаивающие. – Судьба не зря привела вас летом в Клаусхебер, Таша-лэн. Род Морли заслужил того, чтобы быть восстановленным в правах. И вы вернёте ему былое величие сполна, я уверен.

Если бы то была судьба, подумала Таша, сдерживая внезапно подступившие к глазам слёзы. Бескорыстная доброта Норманов обескураживала её, но в этой бескорыстности она была абсолютно уверена: все трое уродились достаточно гордыми, чтобы хлопотать о её благополучии не из соображений личной выгоды.

– Идём, Лео, – со смешком поторопил их Орек. – Не стоит заставлять Его Величество ждать. Когда вернёмся в гостиницу, у нас будет вдоволь времени для поздравлений.

– Если только Эльль и Джеми-энтаро на радостях не задушат Ташу-лэн... простите, *Морли-малэн*.

– Пожалуйста, только не надо «малэн». И «лэн», если уж на то пошло. И «вы», – произнесла Таша устало. – Не вам ко мне так обращаться.

– Формально отныне вы выше нас, скромных герцогов. – Леогран снова улыбнулся; казалось, улыбка эта высветляла даже ледяные метки на его лице. Отстранившись, подал ей руку. – Но как скажете, Ваше Сиятельство.

– За «Сиятельство» могу и стукнуть.

– Можешь, – лукаво согласился тот, ведя её к лестнице, – только до гостиницы дотерпи.

Ступая по багровой ковровой дорожке, Таша думала, что ей сполна хватало и двух названных братьев, – но, в принципе, против ещё одного она возражать не будет.

Восхождение на вершину Королевской башни заняло немало времени: башня эта являлась одной из самых высоких во дворце, дворец строили три века назад, а лифты вошли в обиход совсем недавно. Подниматься пришлось на своих двоих, и к концу пути Таша успела запыхаться. Однако спустя десяток-другой моментов Советник наконец распахнул двери приёмной, предшествующей королевским покоям, – небольшой зальчик в кремовых тонах, с мягкими скамейками вдоль стен, которые золотили шёлковые обои, и огромными двустворчатыми дверьми в центре. У дверей дежурили пятеро мужчин и девушка в мужской одежде: все молодые, облачённые возмутительно просто – сапоги, штаны, рубашки да плащи поверх. На первый взгляд они казались лишними элементами в раззолочённой обстановке, однако на рубашках красовались знакомые нашивки: чёрный дракон в окружении белых цветов.

Герб Его Величества.

– Айронсул-энтаро. – Девушка первой склонила голову, и мужчины последовали её примеру. На вид она была чуть старше Таши, с миловидным лицом и тёмными волосами, забран-

ными в низкий хвост заколкой-бантом; вместо ножен с мечом на поясе у неё висел странный длинный чехол чёрного бархата. – Позволите?

– Что за вопрос, Риа, – ответил Советник, приблизившись.

Королевские рыцари, более известные как кеары, встретили его во всеоружии. Девушка подняла со столика рядом с дверью правдометр, один из её товарищей – крупный, с ладонь, золотой кубик с круглой застеклённой шкалой: чудометр, фиксирующий изменения магического поля.

– Вы – Джелиар Айронсул, Первый Советник Его Величества? – спросила девушка-кеар, взявшись за одну из деревянных рукоятей правдометра.

– Да, – откликнулся Советник, без тени эмоций ухватившись за другую.

Стрелка циферблата с утвердительным звяком качнулась к делению «правда».

Что ж, по крайней мере, имя у него настоящее...

– Вы безоружны?

– Да.

«Правда», – подтвердил прибор.

– Есть ли у вас недобрые намерения и злые помыслы по отношению к Его Величеству?

– Нет.

Третий «звук» – и Советник, разжав руку, отступил на шаг.

– Изменений магического поля не было, – доложил кеар, сжимавший в пальцах чудометр. – Чисто. Следующий.

С Леограном всё прошло не менее гладко. Небольшая заминка возникла с подарком, который вновь решили проверить.

– Магическая активность, – нахмурился один из рыцарей, проведя над ларцом расправленной ладонью. – Что там?

– Кубок, – спокойно ответил юный герцог. – Из рога антилопы шэдвар.

– Лично видел, – подтвердил Советник. – А рог сам по себе обладает магическими свойствами.

– Знаю... и всё же придётся распаковать, – решил верный страж Его Величества.

Несчастный кубок повертели в руках, проверили ещё раза три со всех сторон и, наконец удовлетворившись результатом, вернули в шкатулку.

– Простите за беспокойство, Ваша Светлость, – извинилась девушка, пока один из её коллег возвращал банту первозданный вид. – Сами понимаете, должность обязывает.

– Что вы, какое беспокойство, – улыбнулся Леогран. – Безопасность Его Величества превыше всего. Храни его Богиня, чтобы с ним королевство процветало долгие годы.

Скользнув взглядом по его бледному лицу с ледяными метками, девушка на миг улыбнулась в ответ.

– К слову, отличный подарок. – Она посмотрела на Ташу – уже без улыбки: – Морли-малэн?

Осложнений вновь не возникло. Только небольшая заминка после первого вопроса, когда Таша в ответ на фразу «Ваше имя?» пыливо оглянулась на Орека.

– Что, Таша?

– Понимаете ли... моего настоящего отца я не знаю, а приёмных у меня было два. Один из них уже умер. Второй в действительности моим отцом не является. Чьё второе имя мне брать, чтобы вышло правдиво?

– Того, кого вы сами считаете отцом, – ответила вместо Орека девушка-кеар.

Таша, кивнув, изрекла «*Тариша Арондель Морли*», и правдометр удовлетворённо звякнул.

С остальными двумя вопросами проблем не возникло.

– Я буду здесь, Лео, – сказал Орек, когда племянник вопросительно взглянул на него. – Меня на аудиенции не ждут. Советник сам представит тебя королю.

Лишь секунда молчания, предварившая кивок Леограна, выдала: ему было бы спокойнее, будь дядя рядом с ним в столь ответственный момент.

Убрав чудо-приборы, кеары расступились. Советник коротко стукнул в дверь – и, услышав в ответ приглушённое «да-да, войдите», взялся за резную медную ручку.

– Подождите здесь, Морли-малэн. Боюсь, деловые разговоры мужчин будут вам неинтересны, – бросил он. – Когда Его Величество наконец сможет уделить вам *всё* своё внимание, вас позовут.

Знаком велел Леограну следовать за ним, Советник прошествовал в королевский кабинет.

На миг Таша различила кресло у окна, фигуру в чёрном и красивое лицо человека, когда-то угостившего её яблоком в карамели. Затем двери закрылись, оставив девушку стоять в приёмной наедине с мыслями обо всём, что происходит и произошло.

...она законная наследница рода Морли. Наследница множества имений и огромного состояния. Вскоре её примет король – и его сил должно хватить, чтобы защитить Ташу от кукловода, даже если это его Первый Советник. Завтра она будет представлена всей знати Равнинной. Через несколько дней – знати всего королевства.

Таша стояла перед дверьми в королевские покои – и не могла в это поверить.

Всё шло *слишком* хорошо, чтобы быть правдой.

– Мы с вами раньше не встречались? – спросил вдруг один из кеаров.

Таша честно пригляделась – и покачала головой: взъерошенного молодого человека с открытым дружелюбным лицом она явно видела впервые.

– Я не сразу узнал, но... – королевский рыцарь пристально смотрел на неё, – когда-то я столкнулся с девушкой, поразительно на вас похожей.

Орек, прохаживавшийся по приёмной взад-вперёд, заложив руки за спину, круто повернулся на каблуках.

Таша поправила причёску; едва ли та действительно нуждалась в поправке, но ей нужно было как-то скрыть озадаченность.

– Как ваше имя? – спросила она неуверенно.

– Бардэри Орглид.

– Простите, не припоминаю нашей встречи.

– Готовы подтвердить на правдометре?

Даже кеары оглянулись на своего товарища с недоумением.

– Зачем? – тут же вскинулся Орек.

– Та девушка... я видел её в весьма сомнительной компании. Компании людей, чьи приятели едва ли могут быть допущены к Его Величеству. – Взяв со столика правдометр, кеар протянул ей деревянную ручку. – Хочу быть уверенным, что обознался.

– Вы обознались, – ледяным тоном произнёс Орек, защитным жестом кладя руку Таше на плечо.

– Ничего страшного, Норман-энтаро, – сказала девушка. – Мне нечего скрывать.

Её ладонь спокойно сомкнулась на дереве, ещё хранившем тепло от прошлого прикосновения.

– Тариша Морли, – заговорил кеар, – вы действительно не видели меня до сегодняшнего дня?

– Нет, не видела.

Звяк.

– И никогда раньше не встречались с королевскими рыцарями?

– Нет. Или не знала, что это королевские рыцари.

Ещё один.

– И никогда не имели дел с заговорщиками, входившими в тайное общество «Тёмный венец»?

– «Тёмный»... *что?!* – От изумления Таша едва не разжала пальцы. – Вы в своём уме?

– Бард, – мягко изрекла девушка-кеар, – её память только что просмотрели от и до. Сама Мастер Странница. Ты всерьёз полагаешь...

– Отвечайте!

– Нет, конечно! – Правдометр подтвердил её слова, и Таша тут же отдернула ладонь, чтобы яростно скрестить руки на груди. – Довольны?

– Простите, Ваше Сиятельство. Значит, и правда обознался, – смиренно ответил молодой человек, опуская прибор. – Работа такая, сами понимаете.

– Ваше рвение заслуживает похвалы, – процедила Таша, отворачиваясь, чтобы почти уткнуться лицом в серый бархат парадного сюртука Орека. Тот успокаивающе сжимал её плечо, сверля кеаров гневным взглядом, но тревога уже заворочалась комом в груди, тошнотой подступила к горлу, побежала мурашками по спине. *Что-то случится*, шептали тоненькие голоса на грани сознания, *что-то страшное, что-то...*

Наверное, поэтому Таша даже не слишком испугалась, когда из-за дверей послышался полный ужаса крик Леограна: *«Помогите, кто-нибудь!!!»*

Крик ещё не стих, а кеары уже врывались в комнату. Таша с Ореком, недолго думая, рванули следом – и замерли: посреди кабинета на полу лежал Шейлиреар. Лицо короля светилось мертвенной бледностью, кровь стекала изо рта, расплываясь багряным пятном на светлом ковре.

Рядом с бессильно разжатой ладонью Его Величества лежал подаренный кубок.

Растерянный Леогран нависал над королём. Советник стоял подле него на коленях, но моментально повернулся к кеарам, чтобы прошептать:

– Взять ублюдков. Норманов. Обоих.

– Стойте! – воскликнул Леогран – бледный до того, что ледяные метки на его лице выцвели, почти слившись цветом с кожей. – Я не...

Его прервал взмах руки одного из кеаров, заставивший и юного герцога, и его дядю, не успевшего сказать и слова, плашмя повалиться на ковёр.

– Нет! – закричала Таша, когда один из королевских рыцарей бесцеремонно ухватил её за плечи и поволок прочь из комнаты. – Вы не смее! Норманы здесь ни при...

– Риа, первую магическую помощь королю, – не слушая, отрывисто велел Советник, поднимаясь с колен; девушка-кеар быстрым движением извлекла из бархатного чехла покоившийся там предмет – флейту тёмного дерева. – Бард, немедленно вызывай Травницу. – Рыцарь мигом вытащил из кармана штанов серебряное зеркальце. – Норманов – на допрос. – Четверо кеаров, подхватив бесчувственных Норманов под локотки, поволокли тех прочь из кабинета. – За остальными членами семьи пошлите в гостиницу. Морли-малэн отвезите туда же.

– Нет, пожалуйста! Леогран не мог этого сделать! – Таша вырывалась из хватки кеара так отчаянно, что тот уступил, позволив ей задержаться на пороге. – Я должна знать, что случилось, *имею право* знать!

Стоя над королём, девушка-кеар поднесла флейту к губам, прикрыла глаза – и комнату наполнили тихие звуки. Рождаемые инструментом ноты казались осязаемыми: будто вот сейчас протянешь руку и поймаешь их – невидимых бабочек, порхающих вокруг и складывающих мелодию, походящую на тихий плач.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Советник. – В конце концов, вы почти свидетельница. Пусть посидит в приёмной, я с ней позже поговорю, – велел он кеару, сжимавшему Ташины предплечья.

– Советник, – произнёс Бард, не отрывая глаз от зеркала, – а допросить её...

– Досмотр её памяти закончили полчаса назад. Никаких сомнительных мест, никаких следов магического вмешательства не обнаружено. – Советник холодно смотрел на Ташу. – Лучше уйдите по-хорошему, Морли-малэн. Сами. Подумайте о чести рода, который вы отныне представляете. Вы же не желаете, чтобы вас тащили, как нашкодившую девчонку в угол?

Сжав кулаки, Таша выкрутилась из ослабшей хватки кеара и пружинистой походкой вышла из кабинета.

Норманов в приёмной уже не было.

Третий Мастер Адамантской Школы, которого Таше посчастливилось увидеть за день, появился у дверей королевского кабинета буквально моментом позже. Вернее, появилась. Белая мантия наследницы Ликбера Великого облекала пышное тело, гармонировала с седеющими тёмными волосами, странно смотревшимися над гладким лицом вовсе не старой женщины. Глаза, серебристо-зелёные, как сушёная мята, лишь мельком обратились на Ташу, напряжённой струной застывшую в дальнем углу. Волшебницу впустил в приёмную кеар, охранявший вход со стороны коридора; видимо, он справедливо предположил, что в окно Морли-малэн прыгать не станет, а стало быть, остаётся лишь отрезать ей возможность сбежать через дверь.

Как будто она хотела бежать.

Мастер Травница вошла в королевский кабинет, и пение флейты стихло. Двери захлопнулись, но Таша, не выдержав, подкралась к ним и приникла к массивной замочной скважине.

– Проклятие Гедеоны, – коротко сообщила девушка-кеар, отходя в сторону, уступая Травнице место подле короля. Советник следил за ними, восседая в кресле поодаль. – Я вытащила *это* из его крови в физический эфир и растворила, что могла. Остальное выше моих сил.

– Этого достаточно. – Опустившись на колени, волшебница засучила белоснежные рукава. – Прижмите его к полу.

Шейлиреар уже не лежал сломанной куклой: метался, хрипло дыша сквозь стиснутые зубы. Чёрные волосы колечками пристали к мокрому лбу, на скулах рдели пятна лихорадочного румянца. Риа и Бард за руки и за ноги прижали монарха к ковру; бесцеремонно рванув тёмный сюртук, брызнувший пуговицами во все стороны, и рубашку под ним, волшебница обнажила королю грудь. Нашептывая что-то, она провела ладонями над гладкой бледной кожей, не касаясь, точно снимая невидимую паутину. Потом назад. И снова, и снова: неторопливо, расчётливо. Лицо её было бесстрастным, чуть нахмуренным в сосредоточенности. После каждого двух-трёх пассивных пассов Травница комкала в пальцах нечто незримое и отбрасывала в сторону; спустя пару секунд невидимое нечто таяло вполне видимой сизой дымкой, приправляя воздух кладбищенским зловонием.

Таша не знала, сколько раз волшебница провела руками над телом короля, сколько незримой магической скверны было отброшено в сторону. Счёт потерялся, размылся в убаюкивающих движениях.

Но спустя какое-то время Травница отряхнула руки – и, убедившись, что Шейлиреар дышит ровно, выпрямилась.

– Порядок. Можете отпустить. – Встав, волшебница извлекла из ниоткуда неприглядную жестяную банку. – Переложите его на кушетку.

Нельзя было сказать, что Травница морщится. Да и движения её были спокойны. Но некое напряжение в женском лице заставило Ташу присмотреться к её пальцам... превратившимся в сплошные волдыри.

– Он выживет? – безо всякого выражения спросил Советник, когда Бард и Риа унесли короля из Ташиного поля зрения.

– Куда денется? – почти равнодушно откликнулась Травница, обильно смазывая волдыри бальзамом из призванной банки. – Уже выжил.

– Шерна, мне кажется или ты чем-то озадачена?

– Риа одной флейтой способна излечить не слишком запущенные случаи, так? Знаю, что так. Но она только и смогла, что вытащить эту дрянь в физический эфир. – Волшебница развела руками, и банка исчезла. – А сколько тьмы я выкачала из эфира... – Она посмотрела на свои пальцы. – Силы проклятия легко отправили бы на тот свет знаешь скольких? Человек десять.

– И о чём ты думаешь?

– Что наше величество даже сильнее, чем мы предполагали. И мне страшно представить, как силён тот, кто заколдовал эту милую вещичку. – Травница поддела кубок острым мыском кожаного башмака. – Проклятие ведь не засветилось? Видимо, нет. Иначе всё было бы... совсем иначе.

– Оно не могло засветиться, – покачала головой девушка-кеар, возвращаясь к беседующим. – Дремлющее проклятие Гедеона проявляет себя лишь слегка повышенной магической активностью...

– Которую скрыли рогом единорога, – закончил Советник бесстрастно. – Провели, как детей.

– Вы не могли знать, – рассудительно заметила волшебница. – Проклятие Гедеона знаете сколько лет никто не мог сотворить? Сотни. Просто не рождались такие маги.

– Родился вот кто-то, – яростно выплюнул Бард, встав рядом с Риа. – Проклятье! Мы же проверяли этот дамнарский кубок! *Щупали* его! Почему проклятие не подействовало на нас?!

– Оно настраивается на конкретный объект, – терпеливо пояснила Травница. – Портрет на кубке – элемент настройки. Уверена, в кость вделано что-то, принадлежащее королю: волос, ноготь... обрывок одежды, может быть? Что-то из личных вещей, хранивших след его физического эфира.

– Мы ничего не могли сделать, – сказала девушка-кеар тихо и горько. – Будь Его Величество не так силён... Кстати, ничего, что Морли-малэн нас подслушивает?

Таша отскочила от двери – но, как ни странно, ответ Советника расслышала отчётливо, словно всё ещё стояла рядом:

– Как будто это что-то изменит. Присмотрите за ней, чтобы не сбежала. После допроса я с ней разберусь.

Вновь скользнув в дальний угол приёмной, Таша проследила, как Советник выходит из кабинета и, напроочь игнорируя её существование, шествует мимо: туда, где сейчас будут допрашивать Лео и Орека.

...всё это не может быть случайностью. То, что она сегодня оказалась здесь. То, что именно Норманам подбросили средство убийства короля (а что им его подбросили, Таша была абсолютно уверена). То, что Советник так похож на кукловода – и наблюдал за умирающим королём с таким безэмоциональным, почти удовлетворённым лицом. Не может.

Этим летом Таша отлично усвоила важный урок – случайностей не бывает. Не в её жизни, во всяком случае.

– Как вы, Морли-малэн? – сухо поинтересовалась девушка по имени Риа, выглянув из-за двери.

Таша промолчала.

Смерив её цепким усталым взглядом, Риа шагнула обратно в кабинет, и мгновением позже до Таши донёсся её голос:

– Мастер, немного парки не помешало бы. Не соблаговолите?

В приёмную девушка вернулась с кружкой, источавшей душистый дымок, от которого веяло молоком, мёдом и цветами.

– Пейте, – сказала Риа. – Одолжили с княжеской кухни. Это парки, его делают цверги.

– Я знаю, – ответила Таша, беря глиняную кружку.

От взгляда тёмных глаз чудесной флейтистки почему-то делалось не по себе. И то, как она говорила... бережная мягкость взрослого, имеющего дело с испуганным ребёнком. Хотя

Таша и правда была напугана: она помнила, что грозило тому, кто осмелится покуситься на жизнь короля.

Взыскание имущества – и казнь. Его самого и ближайших кровных родственников.

Закон этот был принят давным-давно и отлично работал, вынуждая противников короля хорошенько подумать, прежде чем решаться на покушение. Даже если ты не слишком дорожил собственной жизнью, мысль о том, что следом за тобой головы сложит твоя семья, могла остановить многих.

Если кого-то из Норманов признают виновным, умрут все трое. И Орек, и Лео, и Эльль.

– Пейте... Ваше Сиятельство. Лучше станет. – Титул, высказанный из уст флейтистки, походил на насмешку. – Я посидела бы с вами, но моё место сейчас подле Его Величества.

– Вы так его любите? – спросила Таша неожиданно даже для себя.

– Любой из кеаров отдаст за него жизнь, – ответила та без раздумий. – Отдавать жизнь за того, кого любишь, куда приятнее, чем за того, кто тебе безразличен.

Тон её был ровным, но у Таши возникло неловкое ощущение прикосновения к чему-то очень личному.

– Проклятие точно было в кубке? Его Величество не мог проклясть кто-то из тех, кто был в кабинете? – не выдержав, скороговоркой спросила она.

Риа уставилась на неё так, что под этим взглядом – взглядом девчонки, казавшейся немногим старше её самой, – Таша ощутила себя несмышлёным младенцем.

– Я видела на кубке следы магического эфира. Следы того же проклятия, что убивало его, – выговорила девушка-кеар. – И когда всё случилось, с ним в кабинете не было магов.

– А Советник...

– Он не маг. Во всяком случае, не сотворил ни единого заклятия за, поверьте, немалое время моей службы.

– Норманы не делали этого, – сказала Таша, отметив это «немалое». Впрочем, чудесная флейтистка явно была магом, а судить о возрасте магов по внешности – безнадёжное дело.

Уточнение она тоже отметила. В конце концов, кукловоду и так приходилось скрывать от окружающих свою изуверскую сущность; почему бы для надёжности не утаить ещё и магический дар? Интереснее было, каким образом Советнику удалось обмануть приборы на входе в кабинет. Исказить показания правдометра с помощью магии было несложно, но чудометр обязан был просигнализировать кеарам, что некто поблизости творит недозволенное колдовство...

С другой стороны, летом Таша уже убедилась: её кукловод ещё и не на такое способен.

– Возможно, – легко согласилась Риа.

– Не делали. – Таша стиснула кружку в руках так, что глина почти затрещала. – Их подставили.

– Мастер Странница во всём разберётся. – Девушка положила руку на чехол с флейтой. – Будьте здесь, Морли-малэн. И лучше не пытайтесь уйти.

Когда Советник вновь возник на пороге приёмной, Таша всё ещё сжимала стынущую кружку в ладонях.

– Почему не пьёте?

– Аппетита нет.

– Немудрено. – Советник жестом пригласил её пройти в кабинет. Затем подвёл к массивному письменному столу чёрного дерева и учтиво отодвинул одно из кресел, ждавших рядом. – Присаживайтесь.

Таша посмотрела на кровавое пятно, буревшее на дорогом ковре, где выткали сцену охоты на антилопу шэдвар. Взглянула туда, где подле дверей в спальню висел над каминным портрет Его Величества: молодой привлекательный мужчина с умными светлыми глазами. Прекрасный король Срединного королевства, которого на удивление хорошо запомнила

маленькая Таша... совсем не похожий на умирающего короля, которого пока имела счастье лицезреть Таша взрослая.

Эта мысль почти вырвалась из её горла истеричным смешком.

Не так она представляла свою первую официальную встречу с Шейлиреаром Первым. Не так.

– Всё будет объявлено на приёме в Парадной зале через полчаса, – произнёс Советник, когда она опустилась на краешек скользкого шёлкового сиденья, – но, учитывая вашу причастность... – Присев напротив, он опёр руки на подлокотники и положил подбородок на скрещённые ладони, сверля собеседницу невидимым взглядом из-за дымчатых очков. – Дела вашего жениха плохи. Вам крупно повезло, что вы не успели стать Норман-лиэн. Впрочем, это никогда и не входило в ваши планы, как я понимаю?

– Что вы узнали? – спросила Таша пересохшими губами.

– Отчасти вы были правы. Леогран действительно не знал о проклятии. Идея подарить кубок принадлежала Ореку. Он лично заказал его у мастера в Броселиане и сам забирал готовый подарок. А ещё кто-то поработал над его памятью. Вскрыть затенённые участки сознания мы, к сожалению, не смогли, но вывод напрашивается следующий: Орек подготовил покушение, после чего попросил мага, наложившего проклятие, стереть ему память о подготовке. Поскольку маг, способный сотворить проклятие Гедеона, очень силен, ему это удалось.

– Бред, – бесцеремонно отрезала Таша. – Лишь последний дурак поручит кому-то проклясть чашу, а затем позволит собственному племяннику вручить её королю, карауля под дверью. Даже если в убийстве Его Величества обвинят племянника, твою голову снесут сразу следом. О чём должен думать убийца, составляя подобный план?

– Не знаю, – заметил Советник с холодным смешком, от которого Ташу покорёжило. – Никогда не убивал.

Ой ли, подумала она, не особо стараясь скрыть ненависть во взгляде.

– Орек мог надеяться на то, что мы не обнаружим блоки в его памяти, – продолжил мужчина. – А, может, гибель семьи подкосила его разум... и на этом месте снова возникают вопросы о его причастности к этой самой гибели.

– Если вы не можете вскрыть эти участки, как вы можете знать, что там находится? Орек жил с эйрдалем. Она очаровывала его! Это могут быть следы её вмешательства. Или кто-то мог всучить ему чашу и стереть память об этом. – Таша комкала в кулаках тонкий атлас юбки. – Норманы преданы королю всей душой. Шестнадцать лет назад они выбрали его сторону во время восстания и по сей день не жалеют об этом. Они *горды* этим. Я слышала это из их уст.

– Да, мы не можем получить прямых подтверждений того, что Орек сам организовал покушение. Однако доказательств обратного у нас тоже нет. Факт остаётся фактом: своим подношением Леогран едва не убил короля. После такого вряд ли что-то может спасти Норманов от топора палача.

– А как же поиски *настоящего* убийцы? Вы не собираетесь искать мага, который проклял чашу?

– Морли-малэн, Шейлиреар для меня – не просто мой король. Он мой друг, – вкрадчиво пропел Советник. – Я побольше вашего заинтересован в том, чтобы покарать всех преступников. Конечно же, мы будем искать этого мага... усыпив его бдительность казнью тех, кого официально признаем виновными.

– *Усыпите бдительность?! – Таша вскочила, тяжело дыша. – Вы собираетесь убить трёх невинных людей! Двое из них почти дети, дамы вас побери! Вы говорили, что для Его Величества будет делом чести спасти меня, и всё, что я слышала о нём, подтверждает: наш король справедлив! Вы не считаете, что предаёте его идеалы, когда...*

– Орек Норман *виновен*, – отчеканил Советник. Отражение огня в камине зловеще плясало в его затемнённых очках. – Вы молоды и наивны, Морли-малэн. Вы не знаете, как люди

умеют притворяться. Не знаете, что может таиться в душе у человека, с которым вы знакомы много лет. Суд начнётся через пару дней, и, уверяю вас, он будет коротким, ибо доказательства вины Орека Нормана налицо. Норманы, конечно, наймут правозащитника, но дело уже проиграно.

...и в его лице Таша прочитала, как всё будет. Следствие – формальность, которой нельзя избежать. Суд – с единственным возможным решением. Казнь – злой герцог Броселианский обезглавлен, преступники мертвы, королевство может спать спокойно.

Ура.

– Хотите сказать, у Норманов нет шансов, – выговорила Таша, едва находя в себе силы шевелить языком.

Советник не ответил.

– Даже когда очнётся Его Величество, который наверняка будет более справедлив, чем вы.

– Его Величество благодаря Норманам пролежит без сознания не меньше шестидневки. Когда он очнётся, то, уверен, одобрит мои действия.

Таше вдруг захотелось кричать, срывая голос. Крушить всё вокруг. Рвать пепельный бархат портьер, пачкать чернилами со стола дорогой ковёр и стены раздражающе уютной комнаты с шёлковыми стенами цвета серого жемчуга. Ощущение вопиющей, кошмарной несправедливости происходящего и собственное бессилье душило комом, подступающим к горлу, полыхало огнём в крови...

...бессилье?

...«зная, что брат его настроил стражу против него»...

Таша прикрыла глаза, вспоминая ровные строчки из учебников, конспектов и энциклопедии, на днях упавшей ей в руки.

Вновь посмотрела в лицо Советника, ждавшего её ответа.

– Кажется, – очень, очень спокойно сказала она, – у Норманов есть право на Суд-Поиск.

– Надо же. Вы и об этом знаете. – Мужчина откинулся на спинку кресла, не слишком впечатлённый. – В последний раз это было так давно...

– Поправьте меня, если ошибаюсь. Условия Суда-Поиска: отсутствие официального следствия, запрет на правозащитника, тюремное заключение подсудимого в течение двенадцати дней. Один доброволец, называемый Ищущим, который в это время ведёт расследование. – Таша выплёвывала слова ровно и размеренно. – Через две шестидневки он должен предоставить неопровержимые доказательства невиновности подсудимого. В противном случае подсудимый признаётся виновным по всем пунктам обвинения.

– Отличница в школе, надо полагать? – заметил Советник со снисходительностью, бесившей до белизны в глазах. – Прекрасно. И кто же, как вы думаете, вызовется Ищущим? Племянники Его Светлости тоже окажутся в заточении, а кроме них...

– Я.

* * *

Джелиар Айронсул, откашлявшись, подал знак Барду, и кеар послушно пропел заклятие.

– Дамы и господа, – произнёс Советник, стоявший подле пустого трона: усиленный магией голос без труда разнёсся по залу, облицованному тёмным гранитом. – Я собрал вас здесь, чтобы сообщить печальную весть. На Его Величество было совершено покушение.

Хор встревоженных вскриков волной пронёсся по залу. Схлынул, оставив звуковую пену отдельных восклицаний и глухих перешёптываний.

– Обманув не только стражей дворца, но и верных рыцарей Его Величества, преступник пронёс во дворец кубок, на который было наложено смертельное проклятие, и преподнёс его

королю в качестве подарка. Его Величество решил сразу развернуть подношение и поплатился за это. Однако своевременная помощь Рианнон Гиффес-лэн и Мастера Травницы Адамантской Школы, – Советник махнул рукой в сторону чудесной флейтистки и волшебницы, стоявших у подножия трона, – смогла спасти его.

Вторая волна – возгласов облегчения – перекатилась в аплодисменты, точно шум прибоя, сменившийся отзвуком ливня.

– Ещё несколько дней наш король будет крепко спать, но в остальном, по заверению Мастера Травницы, его здоровью ничто не угрожает. Пожалуй, на этом хорошие вести заканчиваются, и снова приходит черёд плохих. – Советник принял скорбный вид. – Кубок королю преподнёс не кто иной, как юный Леогран Норман, минувшим летом унаследовавший титул герцога Броселианского. А идея подарка принадлежала его дяде, Ореку Норману.

Третья – недоумённая, с возмущением, сквозившим в ней холодным потоком.

– Причины, подвигнувшие Норманов на покушение, нам неизвестны, но это не умаляет их деяния. Жаль, что враги короны притаились в семье, в чьей лояльности мы не сомневались. – Уместная пауза. Глубокий вздох, исполненный страдания. – Сейчас семейство Норманов заключено под стражу. Все трое сидят в дворцовой темнице. Однако нашёлся человек, который потребовал для них Суда-Поиска.

Четвёртая – «кто же?..».

– Тариша Морли-малэн, – Советник театрально взмахнул рукой, – прошу вас.

Гробовая тишина.

Сжимая в пальцах резную костяную ручку, нагретую её вспотевшей от волнения ладонью, Таша медленно поднялась к трону по широким ступеням. Повернулась. Скользнула глазами по виньеткам металлической люстры, колоннам вдоль стен, – и лишь затем решилась оглядеть толпу, тревожным морем волновавшуюся у её ног.

Князь Равнинной. Герцоги с семьями. Новостники, кеары и стражи. Люди, которые готовились этим вечером приветствовать и слушать короля, но услышали рассказ о покушении на него.

В глазах – удивление, непонимание, подозрение. Что угодно, кроме поддержки.

– Перед вами – чудом уцелевшая наследница рода Морли, которая намеренно осмелилась выйти из тени. Его Величество решил восстановить её в законных правах, вернув Морли-малэн родовые земли и титул. Она уверена, что Норманы послужили марионеткой в руках истинных преступников. Теперь у неё есть двенадцать дней, чтобы найти злодеев. Согласно правилам она должна вести расследование без помощи стражи и вышестоящих лиц... однако мы решили поддержать юную Ищущую, на эти дни вверив в её руки орудие преступления. Морли-малэн?..

Таша высоко подняла проклятый кубок.

Сотня взглядов поднялась вслед за её рукой.

– Перед вами – безделушка, что едва не унесла жизнь нашего короля. Наши маги не обнаружили на ней следов других физических эфиров, кроме Норманов, Его Величества и мастеров-изготовителей. Маг, наложивший проклятие на чашу, позаботился о том, чтобы его личность осталась в тайне, и кто знает... быть может, Леогран с Ореком и вправду невинные пешки в чужой игре?.. Отныне их судьба в хрупких руках Морли-малэн. Склоняюсь перед вашей храбростью, Ищущая. Удачи.

Невидимый взор Советника пробирал до мурашек. Но Таша не опустила глаз.

Я знаю, что это ты, сказала она про себя, глядя на своё отражение в затемнённых очках.
Но чего бы ты ни добивался, тебе не суждено победить. Не теперь.

Она не уступит.

Она не проиграет.

– Дамы и господа, – продолжил Советник, отворачиваясь от неё с показным равнодушием, – давайте поблагодарим Мастера Травницу и Гиффес-лэн, ибо им мы обязаны тем, что я сообщил вам не совсем уж скорбные вести.

Аплодисменты вновь ударились о своды зала, скатились по гранитным стенам и колоннам, мерцавшим в отблесках волшебных огней в люстре.

– Возблагодарим кеаров, верных слуг Его Величества, обезвредивших преступников.

Разрозненные хлопки обернулись редкой ритмичной дробью.

– И пожелаем здравия Шейлиреару Первому, дабы он скорее возвратился к нам.

– Да здравствует король!

Эхо гулко го хора светлейших особ облаком окутало Ташу, замершую на тронном возвышении, прямую и тонкую, как струна корды.

...она не проиграет. Ни за что. Пусть противник многократно сильнее.

Не привыкать.

– ...ты? – Леогран расширил глаза. Они с сестрой вдвоём лънули к решётке камеры, пока Орек, измученный допросом больше племянников, без сознания распластался на койке в углу. – Но...

– Предложи что-нибудь получше. – Таша устало убрала за ухо прядь волос, выбившуюся из причёски и падавшую на лицо. Ни ленты, ни заколки, ни замысловатые жидкости для укладки долго её волосы не удерживали, будто те обладали собственным характером и ненавидели любые попытки пленить их. – Пойми, дело даже не в том, увенчается моё расследование успехом или нет. Просто через несколько дней очнётся Его Величество, который, я уверена, рассудит вас по справедливости. А пока он спит, судить вас будет Советник, который уже решил отправить вас на плаху. Ни один правозащитник вас не спасёт.

– Но если мы согласимся на Суд-Поиск, а ты не найдёшь...

– Королю наверняка не будет дела до формальностей. Он не станет казнить невинных. Он захочет найти того, кто желал его смерти, того, кто действительно виновен. Может, даже сумеет вскрыть затённые участки памяти Орека... он ведь очень могущественный маг, думаю, ему это под силу. А если не сможет он, сможет Арон, как только покончит с тифом в Фар-Лойле и приедет сюда. Это и будет моим доказательством.

Светлейшее семейство отправили в то самое подземелье, куда Орек всего несколько часов назад спускался невинным свидетелем на Ташином допросе. Из обстановки в камере присутствовали только три жёсткие койки. Еду подавали в мисках, которые приходилось держать в руках. Справлять нужду – в жестяное ведро: одно на всех, под неусыпным прищмотром стражников, круглосуточно дежуривших у камеры. Хорошо хоть, на время их разговора из приличия отошли поодаль.

Таша не представляла, как изнеженные аристократы смогут прожить двенадцать дней в таких условиях.

– Прости, – прошелестела Эль. Кое-как просунув ладонь между прутьями, коснулась её руки. – Прости, что обрекаем тебя на это... когда ты ещё с собственным врагом не разобралась.

– Возможно, враг у нас общий. – Таша оглянулась и, убедившись, что стражники достаточно далеко, понизила голос: – Лео, Советник точно не творил закланий, пока вы с ним были у короля? Не бормотал себе под нос, не шевелил пальцами как-нибудь подозрительно?

– Он молчал всё время. Только и успел, что представить меня Его Величеству. И стоял неподвижно... насколько я видел. Хотя я не особенно следил за ним. – Юноша мотнул головой. – Таша, почему ты...

– Я уверена, что он к этому причастен. Может, он и вовсе тот самый маг крови, а это очередная часть его игры. Он хотел, чтобы это случилось, чтобы я вызвалась Ищицей... от него чего угодно можно ожидать. – Таша помолчала. – И тогда всё это из-за меня.

Одна мысль об этом скручивала внутренности в узел.

– Что ж, в таком случае хотя бы будем знать, кто виновен в нашей смерти, – слабо улыбнулась Эль. – Уже немного утешает.

– И в таком случае, – сказал Лео, – расследуя наше дело, ты отправишься прямоком в ловушку.

Таша не ответила.

– Не делай этого. Пожалуйста, – заклинаящим тоном продолжил юный герцог. – Просто дождись отца Кармайкла в гостинице. Дождись, пока проснётся король.

– Ты права: стоит Его Величеству очнуться, и всё изменится, – яростно подхватила Эль. – Не в его правилах казнить людей для отвлечения внимания.

– Я просто съезжу к мастеру, который изготовил чашу. Не только чтобы расспросить его, но и чтобы предупредить, если он не имеет ко всему этому отношения, – сказала Таша, надеясь, что голос её звучит достаточно твёрдо и рассудительно. – Путь до Броселиана недолгий, успею обернуться прежде, чем Арон приедет сюда. Ты знаешь адрес, Лео? Просто... если мастер не замешан в покушении, без моего предупреждения жить ему осталось недолго.

– Если он ещё жив, – мрачно заметила Эль. – И даже если замешан... Ничто не мешает убийце-магу убраться сообщника.

– Броселиан, Ремесленная Улица, дом семь-дробь-два, – нехотя сообщил Леогран. – Мастера зовут Олеан Герман. Дядя говорил.

– Пора, Ваше Сиятельство, – крикнул издали один из стражников. – Приём скоро начнётся.

Таша лишь переводила взгляд с одного близнеца на другого, пока Эль не выпустила её пальцы.

– Храни тебя Пресветлая, Таша. – Весенние глаза герцогини даже здесь, в подземелье, горели негасимым живым огнём. – Знай одно: если во всём этом и виновен твой кукловод... Я никогда не прощу себе, если ты попадёшь в очередную западню потому, что хотела спасти нас.

– А я не прощу себе, если из-за меня вы из западни не выберетесь. – Шагнув назад, Таша повернулась к выходу из тюремного коридора. – До встречи. Когда увидимся в следующий раз, поднимем бокалы за ваше освобождение.

* * *

– Алексас!

Гостиничные апартаменты встретили тишиной и полумраком – люстры не горели, светились лишь ночники на стенах. Для Таши неожиданностью это не стало: пятью моментами ранее хозяин «Звезды Арпагена» любезно сообщил, что слуги Его Светлости покинули гостиницу вскоре после ареста Лавиэль. Одетые. С вещами. И вообще, если честно, они собрали свою повозку, да и уехали. Куда? Подальше из города, наверное. Чего и вам, малэн, советую...

Побежали, как трусливые шавки, думала Таша, в бешенстве распахивая двери спальни и швыряя кубок на кровать. Никто не верит, что Орек выкарабкается. Ничего, она им ещё покажет, всем покажет...

– Джеми!

Скинув тёплый зимний плащ, она обошла все спальни, раздражённо теребя кулон на груди: маленький серебряный ключ, заключённый в янтарный овал. Прощальный подарок Советника.

«*Чуть не забыл*, – сказал он, когда она попыталась ускользнуть с тронного возвышения под гремящие в зале аплодисменты. – *Это ваше*. – Когда Таша обернулась, мужчина, не спрашивая разрешения, накинул ей на шею бархатный шнурок с янтарной подвеской. – *Ищущим часто грозит опасность во время Поиска, а посему им положена спасительная соломинка. Проверните кулон в пальцах три раза и скажите «спаси», и, где бы вы ни были, вы перенесётесь в королевский дворец Альденвейтс*».

«*Благодарю*», – ответила она, тщетно пытаясь разглядеть ответы за непроницаемыми дымчатыми стеклами.

«*Посоветовал бы вам не снимать его*, – добавил Советник, выправив её волосы из-под тканевой полоски, чтобы та могла прильнуть к девичьей коже, – *но вы и не сможете*».

Таша вдруг ощутила, как шнурок сам собой укорачивается, туго обхватывая шею, затягиваясь на ней бархаткой.

Советник располагающе улыбнулся её оторопи.

«*Так его не украсть и не потерять. Это для вашей же безопасности... чтобы никто не мог отнять у вас шанс на спасение, даже вы сами*, – великодушно пояснил он. Слова таяли в рукоплесканиях спасителям Его Величества, всё ещё гремевших за Ташиной спиной. – *Шнурок сам истлеет ровно через двенадцать дней, когда Поиск подойдёт к концу*».

По пути в гостиницу Таша сполна убедилась в правоте его слов. Треклятая чёрная ткань словно приросла к коже. И не стоило сомневаться: даже ножом ты скорее вспорешь себе вену, чем разрежешь зачарованный бархат. Она уже имела дело с заговоренными шейными украшениями.

К примеру, летом одно из них доставило ей немало хлопот.

Спальни оказались пусты. Таше вдруг вспомнилось утреннее недомогание Алексаса – и вся тревога за Норманов моментально испарилась, уступив место другой тревоге.

– Джеми! Алексас! – В гостиную Таша вернулась, крича уже в панике. – Где...

Озирая просторную комнату, осеклась – и кинулась к дивану, из-за которого торчали подозрительно знакомые ноги.

Мальчишка лежал на полу за резной золочёной спинкой лицом вниз. Лихорадочно перевернув его, Таша вгляделась в его бледный лик, но крови не увидела: казалось, её рыцарь просто крепко спит. Рядом с ослабевшими пальцами валялись фарфоровые осколки разбитой чашки; на паркете подсыхала холодная чайная лужа, в которой плавал ломтик лимона. Видимо, Алексас решил скоротать время до Ташиного возвращения с любимым напитком (он всегда пил чай с лимоном, хотя Джеми ненавидел «эту кислятину»), но упал прямо с чашкой в руках.

Таша потрясла юношу за плечи. Не дождавшись реакции, ухватила его за руки, по гладкому натёртому паркету подтащила к дивану – и, уложив на шёлковую обивку, со всех ног побежала за лекарем.

– Всё в порядке, – констатировал вскоре гостиничный маг, водя ладонью над пациентом. – Простой обморок. Даже утомление диагностировать не могу – мальчик совершенно здоров.

– Причину назвать можете? – спросила Таша, кусая губы.

– Нервы? Насколько я знаю, у обитателей этих апартаментов сегодня выдался нелёгкий день, – выпрямляясь, бесстрастно заметил маг.

Не особо успокоенная, Таша без лишних слов достала из кошелька серебряную монетку. Кошель, правда, принадлежал не ей, а Эль, но близнецы разрешили своей Ищущей тратить хоть все их средства. Это было кстати: на Поиск деньги понадобятся, и наверняка немаленькие, а до пробуждения короля вручить Таше наследство рода Морли никто не соизволит.

Выпроводив лекаря и заперев дверь, Таша подошла к окну; приоткрыла его на щёлочку, изо всех сил убеждая себя, что с братьями Сэмперами не случилось того, о чём она думает.

Обхватив себя руками, посмотрела на огни города, готовившегося бурлить от обсуждений, догадок и сплетен.

...маленькая наивная девочка, которая надеется перехитрить всех...

...мушка, что пытается вырваться из паутины, но вязнет лишь крепче...

...а паук только улыбается, глядя на неё – всё ближе, ближе...

Она тряхнула головой, надеясь выбросить из неё непрошенные *потом*. Вдруг заметив, что её тень на стене стала чётче, обернулась.

С облегчением опустила руки.

– Джеми? – Таша вдохнула поглубже: морозный воздух возвращал мыслям трезвость. – Как ты?

Он сидел на диване. Огонёк белого пламени, плясавший над ладонью мальчишки, искрами отражался в его глазах, примешивался к золотистому свету лампы на стене, делая его холоднее.

– Джеми?

Он сжал пальцы, глядя на свою руку так, будто видел её впервые; огонь смялся, как клочок бумаги. Разжал – белое пламя вспыхнуло снова.

– Да что с тобой? – Таша нерешительно приблизилась. – Джеми, что случилось? Я нашла тебя на полу, ты...

Она не договорила.

Мальчишка вскинул голову, подняв взрослое лицо, взглянув на неё взрослыми глазами. Не бледные васильки – синева неба стылым осенним вечером.

Таша попятилась: чувствуя, как сжимает сердце холодный ужас осознания, что тревога её была не зря.

...нет, нет, нет...

Юноша поднялся с дивана: осторожно, точно проверяя собственные ощущения. Ловким движением пальцев музыканта погасив огонь на ладони, шагнул к Таше.

– Кажется, – мягко сказал он, – всё-таки стоит называть меня Алексасом.

Глава третья. Снова в путь

– Дядя Арон!

Амадэй, отстранённо созерцавший кухонную стену, повернул голову:

– Да, Лив?

Девочка сосредоточенно рисовала в своей книге для записей.

– А вы не можете с Ташей по зеркалу связаться? – спросила она, выводя цветным карандашом хвост огромного кота, проходящего на колбаску с лапами.

– Таше не дали двустороннее зеркало, милая, – терпеливо растолковала госпожа Лиден, разливая чай. – Ты же знаешь, у нас в доме вообще нет зеркал.

– И зря! Почему у всех нормальных людей есть двусторонние зеркала, а у нас нет? Даже обычные из дома убрали, приходится перед чайником расчёсываться!

– Я уже говорил, Лив. – Арон устало закинул ногу на ногу, и кресло-качалка под ним шевельнулось, сплетая скрип деревянных ножек с потрескиванием огня в очаге. – С помощью зеркал мой брат может нам навредить.

Госпожа Лиден поставила перед Лив кружку, над которой поднимался ароматный малиновый дымок; попыталась погладить девочку по голове, но та, фыркнув, увернулась.

– С Ташей всё хорошо, милая, – проворковала старушка. – Не волнуйся.

– С ней-то хорошо, а Джеми она с собой увезла! – Лив с такой силой ткнула карандашом в бумагу, что та продырявилась. – Почему он её рыцарь, а не мой? Это нечестно!

– Маленькая ты ещё, чтоб рыцарей себе заводить. Пирожок будешь?

Лив открыла рот, дабы сказать «нет», но, поразмыслив, кивнула: любовь к сладкому пере-
силила жажду протеста.

Обеспечив названую внучку тарелкой брусничных пирожков, госпожа Лиден уселась за стол и откинула крышку ларца с вязанием.

– Чай пей, – наказала она Арону, сидевшему напротив. – Стынет.

Дэй послушно сжал чашку в ладонях, но пить не стал. Так и сидел, глядя на стену, точно связки сушёных яблок на ней были самым интересным, что он видел за одиннадцать веков своей жизни.

– Лив, милая, не хочешь пойти в свою комнату? – сказала госпожа Лиден, не отрывая взгляда от наполовину готового шарфа. Пальцы её орудовали крючком так ловко, будто жили собственной жизнью. – Что здесь сидеть – кухонька маленькая, тесная, мы, старики, над ухом бубним... Пирожки можешь с собой забрать.

– А в Ташину комнату можно?

– Можно. И спать можешь там, разрешаю.

Ликующе подпрыгнув, Лив сунула книгу под мышку, подхватила тарелку с кружкой – и была такова.

– Что тебя тревожит, Арон? – спросила летописица, когда шаги девочки стихли вдали.

– Я не знаю, правильно ли поступил.

– Ты говорил, Таше ничего не грозит.

– Говорил. – Амадэй задумчиво качнулся в кресле. Вдохнул, словно смакуя запахи малины и горящего дерева. – Лиар будет беречь её. От остального я её защитил... во всяком случае, на первое время, пока мы не поймём, что к чему. Но...

– Но? – произнесла старушка, когда пауза затянулась.

– Если что-то пойдёт не так, Таша даже не будет знать, с кем борется. Знать *в полной мере*.

– Что ты имеешь в виду?

Арон молчал.

Вывязав последнюю петлю в ряду и вытянув нить, госпожа Лиден отложила пряжу на стол и заглянула в лицо амадэя:

– Может, всё-таки скажешь, каким образом ты обезопасил законную наследницу престола Срединного королевства? Учитывая, что летом кеары видели её в обществе заговорщиков...

– Таша отругала бы меня за то, что ты так много знаешь, – усмехнулся тот, не отнимая взгляда от яблок, нанизанных на нитки золотистыми бусинами. – Забавно, но это была даже не моя идея. Я думал об этом... а предложила она.

– Что предложила?

– Таша – не наследница престола, конечно же. А ещё она, конечно, не оборотень. Росла она в Прадмунте, в доме семейства Фаргори, но мать её была лишь верной фрейлиной покойной принцессы. Или королевы, Таша сама толком не знает. И, конечно же, Мариэль тоже не была оборотнем. Однажды вечером Таша нашла мать при смерти, и та успела сообщить, что Таша – последняя представительница рода Морли, и Мариэль – не родная её мать. Впрочем, смерть пришла раньше, чем женщина успела сказать всё, что хотела, и тайна настоящего имени Мариэль... ведь в Прадмунте она жила под вымышленным... ушла вместе с ней в могилу.

– Беспроигрышный вариант, – кивнула старушка. – Тариш точно прихватил с собой в Адамант каких-нибудь родственников, которых вырезали Кровеснежной ночью.

– Сестру. Линдену. Норманы упоминали об этом, – уточнил Арон сухо, словно учитель, поправляющий ученика. – Дальнейшая история осталась почти без изменений. Таша кинулась в погоню, встретила меня, мы вместе выкрали её сестру, выяснили, что с ней играет злой маг крови...

– Дай-ка угадаю. Вы с Лиаром, конечно, не амадэи, а просто два брата, один из которых маг крови, а другой – целитель и чтец сознаний?

Арон кивнул.

– И с кеарами вы никогда не встречались... и с заговорщиками, естественно...

– Именно.

– А то, что её чуть не сожгли в Прадмунте как оборотня?

– Ложное обвинения дэя-фанатика.

– А что с Джеми и Алексасом?

– Бедные мальчики потеряли память. Они не помнят ничего до того момента, как мы нашли их на дороге без сознания... ничего, кроме своих имён. Их рыцарство по отношению к Таше – забавная игра.

– Это всё замечательно, но каким образом Таша умудрится пройти досмотр памяти и обмануть правдометры? Одно дело придумать ложную историю, а другое...

Госпожа Лиден смолкла.

Уставилась на амадэя так, будто только сейчас осознала, *кто* сидит на её кухне.

– Подожди-ка... только не говори мне, что...

– Она сама об этом попросила, – тихо произнёс Арон.

Лишь самый внимательный слушатель различил бы в интонации горечь сожаления.

Долгое время один треск огня спорил с шелестом вьюги за окном.

– Злой маг крови, – наконец вымолвила госпожа Лиден глухо. – Тоже мне... – Старушка криво улыбнулась. – Арон, о чём ты думал?

– О том, что изменить Ташину память и поставить блок в сознании Джеми и Алексаса – единственный способ обмануть кеаров, дознавателей и правдометры, – невыразительно проговорил тот. – И что Зрящий – единственный чтец, способный сделать это так, чтобы никто не заметил следов.

* * *

– Алексас? – Таша смотрела на своего рыцаря, пока сердце её стучало, казалось, на всю полутёмную комнату. – Ты... колдуешь? Но поче... где Джеми?

Он не ответил. Просто смотрел на неё спокойными глазами: не васильковыми, как у Джеми, не синими с золотом, как у Алексаса, – синими с серым, с выцветшей в них желтизной. Чем-то средним.

Это подтвердило её опасения очевиднее любых слов.

– Двоедушие... кончилось?

Она думала, что, спрашивая это – а может, констатируя, – она закричит. Но вышло только прошептать.

– Так ты знала.

Взгляд Алексаса был непроницаем.

– И... теперь ты один... в этом теле?

Он кивнул.

– И ты... владеешь магией?

– Как видишь.

Таша отступила ещё на шаг. Запнувшись обо что-то, рухнула в подвернувшееся позади кресло.

Осознала, что дрожит, словно в лихорадке.

...почему?

– Но оно же не могло, – хрипло выдохнула Таша, убеждая непонятно кого, – не могло так быстро...

...почему она не успела даже попрощаться с Джеми? Недотёпистым, вечно взъерошенным, занудливым, любимым...

– Должно было быть... что-то, какой-то переход...

...почему Джеми? Тело-то ведь его...

...почему кто-то из них вообще должен был исчезнуть...

...почему из двух друзей с ней остался один; почему так скоро, так внезапно; почему именно сейчас; почему, почему, поче...

Комната поплыла в радужной пелене, подступившей к глазам.

Сдерживаемые весь вечер чувства стоном прорвались из сдавленного слезами горла, – и Таша скрючилась в кресле, кусая солёные губы, рыдая до боли в скулах.

– Прости, прости, – выкашливала она бесполезные, ненужные извинения, раскачиваясь взад-вперёд, точно это могло облегчить боль, что жгла душу калёным железом, – прости, пожалуйста, я... я...

...если бы только здесь был Арон, который ответит на все «почему», поможет, исправит...

– Не плачь, – сказал Алексас, опускаясь на колени перед креслом – и на короткий миг Таша забыла, что Арон далеко, ведь прежде так крепко и бережно её обнимали только его руки. – Прошу.

– Я не должна была уходить! Я чувствовала, что с тобой не всё в порядке, я...

– Нет, ты *должна была* уйти. От этого слишком многое зависело. И ты ничего не смогла бы сделать, даже если бы была здесь. – Он утёр кружевными манжетами её мокрые щёки. – Не плачь. Меньше всего на свете Джеми хотел бы, чтобы ты плакала из-за него.

– Прости меня, я должна была тебе сказать, вам обоим сказать...

– Я не сержусь. Здесь нет твоей вины. Предупреждение ничего не изменило бы.

– Неужели ничего нельзя сделать? Вернуть...

Она запнулась, когда рыдания заставили её подавиться словами, – и Алексас, не ответив, обнял её крепче.

Должен быть выход, думала Таша, уткнувшись в плотный флеон его рубашки, отгоняя дурацкую мысль, что за пятна от слёз и соплей на дорогой ткани её рыцарь-щёголь наверняка «спасибо» не скажет. *Должен. Не может его не быть. И наверняка Арону он известен. Арон сможет повернуть процесс вспять, помочь, спасти невинных, как всегда. Сможет.*

Спасительная мысль чуть разжала стиснувшие сердце огненные тиски.

– Всё будет хорошо, моя королева. – Алексас слегка отстранился, чтобы провести кончиками пальцев по её векам, стирая слёзы. – Лучше расскажи обо всём, что произошло во дворце после покушения на короля.

Он казался таким спокойным. Ради неё в том числе – Таша понимала это. И, естественно, предпочёл бы говорить о чём угодно, кроме случившегося. Едва ли он действительно готов сейчас обсуждать с ней *это*. Сперва ему надо выплакаться наедине с собой. Принять то, что отныне он *всегда* будет наедине с собой.

...нет, никаких «всегда». Арон всё исправит. Точка.

– Ты... знаешь о покушении?

– Кеары ведь должны были объяснить Лавиэлль причины ареста. – Поднявшись на ноги, Алексас подвинул ближе к ней ещё одно кресло. – Итак?..

К моменту, когда он сел напротив, Таша поняла, что слёзы кончились. Хотя бы временно. Так что, уставившись чуть выше его плеча, она как могла выровняла дыхание – и спокойно, размеренно пересказала события последних часов. Алексас слушал очень внимательно, не перебивая, лишь иногда изрекая «ясно» или «ага».

Под конец даже самой Таше почти верилось в своё спокойствие.

– ...а потом я вернулась сюда и нашла тебя. Вот и сказке конец.

На последних словах Таша попыталась улыбнуться, но вышло плохо.

– Боюсь, только начало, – покачал головой Алексас. – Значит, ты собираешься ехать в Броселиан.

– Нужно поговорить с мастером, который сделал чашу.

– Не дожидаясь Арона.

– Убийца вряд ли станет его ждать. Наверняка он хочет замести следы поскорее.

– Справедливо, – кивнул Алексас. – И ты думаешь, что во всём виноват Советник?

– Он слишком похож на Лиара. На то, каким я его себе представляла. Я всегда думала, что он занимает высокий пост при дворе. При короле.

– Это он тебе дал? – Алексас одними глазами указал на янтарную подвеску, лежавшую во впадинке между её ключицами.

– Да. Знакомый почерк, правда? Так и норовит одарить меня заколдованным ошейником. – Таша издала невесёлый смешок, глядя на свои ладони, сплетённые в замок. – И я думаю, что он может быть как-то связан с этим... сообществом заговорщиков. «Тёмным венцом».

– Нет. Это не Венец. – Алексас подпёр голову рукой. – Герланд на такое не пошёл бы.

– Герланд? Кто это?

Юноша посмотрел на неё.

Долгий взгляд сине-серых глаз встревожил Ташу своей непроницаемостью.

– Скажи, пожалуйста, – прошелестел он наконец, – откуда ты знаешь про Венец?

– Кеары упомянули, что есть такое общество заговорщиков, – честно ответила она.

– Понятно. – Алексас стукнул подушечкой указательного пальца по подлокотнику кресла, задумавшись о чём-то. – Что ж, в таком случае предлагаю собираться.

– В Броселиан? – неожиданное предложение помешало Таше как следует разобраться с мыслью о том, что её рыцарь будто бы знал о загадочном Венце куда больше неё. – Прямо сейчас?

– Почему нет? Как ты сама верно заметила, убийца ждать не будет. Пока мы выспимся, тоже... хотя едва ли мы оба этой ночью сможем спокойно спать.

С этим трудно было спорить. Таша прекрасно понимала, что едва ли вообще сомкнёт глаза, если будет просто дожидаться рассвета. Ей нужно было сделать что-то. Доказать самой себе: она не бессильна, она контролирует ситуацию. Доказать *сейчас*. А иначе ей до утра предстоит лежать, глядя в потолок, сходя с ума от хоровода мрачных дум в собственной голове.

– К тому же у нас есть ещё одна причина добраться до Броселиана поскорее, – добавил Алексас, заговорщически щурясь.

– Что за причина?

– Если ты не бывала в гостях у фей, тебе представится отличная возможность их навестить.

– Можно подумать, у тебя в Броселиане есть знакомые феи, – пробормотала Таша, бесцеремонно вытирая нос тыльной стороной атласной перчатки: сейчас манеры были последним, что её волновало.

– Не совсем знакомые и не совсем в Броселиане, но есть, – серьёзно произнёс Алексас. – И нам очень пригодится магический источник, присутствующий во всех обиталищах уважающих себя фей.

– Зачем?

– Секрет. Для пользы дела, уверяю. – Алексас встал и, церемонно поклонившись, подал ей руку. – Великие деяния ждут нас, моя королева.

Таша безмолвно вложила свои пальцы в протянутую ладонь. Опять дорога... Все неприятности в её жизни начинаются с того, что Таше приходится срываться с места и мчаться куда-то через полкоролевства. Что сейчас, что летом. Но если тогда она в одиночку бежала в неизвестность, теперь рядом с ней – друг. И они прекрасно знают, куда едут и что их там ждёт.

Всё воистину познаётся в сравнении.

Кому-то нынешняя ситуация показалась бы хуже некуда. Однако Таша совершенно точно знала: хуже *есть* куда. И запас этого «куда» очень большой.

С собой она взяла маленькую кожаную сумочку, куда кинула кошель, чашу и пару важных мелочей. Все вещи собирать не стала: зачем, если едут всего на день? Только сменила бальный наряд на одежду поскромнее – шерстяное платье и подбитую мехом куртку. Совсем не обязательно кричать на каждом углу, кто она такая; если же придётся заявлять о себе, всегда можно предъявить перстень Морли.

– Зерконторы закрыты на ночь, – уже в лифте вспомнила Таша. – А ехать верхом...

– У нас есть карета.

– И нет кучера.

– Есть.

– Но вся челядь Норманов...

– Посмотри налево.

Таша честно взглянула на долговязую фигуру сбоку от себя.

– Хочешь сказать, что проведёшь морозную ночь на облучке?

– Всё для вас, моя королева.

Таша сперва хотела возразить. Потом вспомнила, что Алексасу наверняка остро требуется выплакаться – и что её рыцарь слишком горд, чтобы делать это при ней.

...ладно, облучок так облучок.

Разговор с ключником, скучавшим за стойкой, прошёл без осложнений. Они не сказали, куда направляются, а их не спросили: тех, кто работает в лучших гостиницах крупнейших городов, учат атрофировать любопытство. Лишь заверили, что вещи дождутся их в апартаментах, ибо Норманы зарезервировали их на шестидневку вперёд и заплатили за весь срок сразу по

прибытии. Видимо, негласный кодекс служителей гостиницы гласил, что даже государственная измена – не повод поскорее выселить неугодного власти жильца.

Когда карету запрягли, Алексас распахнул перед Ташей дверцу. Девушка поднялась по ступенькам – и, прежде чем сесть, обернулась:

– Алексас...

– Да?

В куртке, мохнатой меховой шапке и шарфе, натянутом по нос, любой смотрелся бы забавно; сама Таша, хоть и не видела себя в зеркале, наверняка исключением не была. Однако её рыцарь даже в такой одежде умудрялся выглядеть не хуже, чем в любимых щегольских нарядах.

Она не стала повторять «прости». И высказывать «мне жаль» – тоже.

– Ты всегда можешь поговорить со мной. О чём угодно. Ты же знаешь.

Скрытую шарфом улыбку она угадала в его глазах.

– Благодарю, моя королева.

С поклоном захлопнув дверцу, он одним махом вскочил на козлы и исчез из виду.

...ясно. Говорить о Джеми они не будут. Не сейчас.

Остаётся ждать.

Таша расстегнула куртку и стянула шапку. В карете было тепло: волшебный огонёк в металлической оправе под потолком не только светил, но и грел. Кажется, быть богатой и знатной не так уж и плохо... во всяком случае, можешь позволить себе путешествовать с удобством.

Какое-то время Таша смотрела, как под цокот копыт и дорожную тряску проплывают мимо высокие дома тёмного камня. Потом задёрнула шторку и сняла сапоги, чтобы свернуться калачиком на сиденье; поудобнее устроившись на подушке, прислушалась.

Если Алексас и плакал, она не слышала этого за грохотом колёс по мостовой.

Таша подавила острый приступ сочувствия, нежности и благодарности, призывавший прямо сейчас вылезти из кареты и взъерошить каштановые кудри своего кучера. И не заметила, как уснула, изо всех сил надеясь: к тому времени, когда Алексас *будет* готов к разговору, Арон снова окажется рядом – и надобность в этом разговоре отпадёт.

* * *

– Я столько не съем!

– Милая, тебе надо много кушать, чтобы вырасти такой же красивой, как Таша, – возвестила госпожа Лиден, накладывая девочке кашу. – Тебе какое варенье?

– Вишнёвое. – Лив широко зевнула, глядя в окно, в которое било раннее зимнее солнце. – А Таша самая красивая девочка на свете, правда?.. Эй, варенья в кашу тогда тоже побольше!

– Правда-правда. А много сладкого есть вредно.

Лив возвела к небу большие глаза – почти того же оттенка, что варенье, капавшее в пшёнку с ложки в руках госпожи Лиден.

– Почему жизнь так несправедлива? – спросила она со всем страданием, которое способен испытывать девятилетний ребенок, лишённый сладкого. – Почему нельзя было сделать вредной кашу, а не наоборот?

– Такова вот она, жизнь. Ещё сама узнаешь, милая.

Лив уныло поковыряла ложкой в тарелке. Снова посмотрела в окно, где за узорами инея расцветало золотом зимнее утро.

– Дядя Арон уже ушёл?

– Он всегда раньше солнца встаёт. – Госпожа Лиден плеснула в кружку кипятка из чайника и, помешивая травяной отвар, уселась в кресло-качалку. – Не бережёт себя совсем...

– Да ладно, что с дядей Ароном случится? Он же всё может!

– Всё, да не всё, – пробормотала старушка.

Какое-то время на кухне слышалось лишь вялое поскребывание ложки о дно тарелки.

Затем утреннюю тишину нарушил стук.

– Принесло кого-то... – Неохотно поднявшись, госпожа Лиден неслышно дошаркала до двери по пушистому ковру, прикрывавшему холодный каменный пол. – Кто там?

– П-п-почта!

– А, новостные листки... – Летописица призадумалась. – В деревне ещё не были?

– Нет, вы п-п-первые!

– Тогда добро пожаловать, – произнесла старушка, отодвигая засов.

Почтальон торопливо прошмыгнул внутрь, стуча зубами от холода. Вместе с ним в дом полз морозный воздух, примешав свой оловянный запах к ароматам вишневого варенья, мяты и домашней стряпни.

Охотно согласившись на предложение глотнуть чаю, краснощёкий парнишка с наслаждением избавился от шапки и тяжёлого тулупа, чтобы сесть за стол.

– Неблизко к вам ездить, конечно. Ладно хоть раз в шестидневку, не чаще, – согревшись и перестав изображать шелкунчика, вздохнул парень, отливая чай в глиняное блюдечко. – Не оставлять же без почты, в конце концов. Вы не виноваты, что далеко...

– Да, без новостей худо, – согласилась госпожа Лиден, косясь на небольшую сумку, брошенную гостем у вешалки-рогатины. – Эх, всегда завидую, глядя на ваши сумы...

– Безразмерные торбы-то? Так там попробуй чего найди. Хотя удобно: и веса не чувствуешь, и не тащить с собой такую вот кипу... На каждого жителя по четырнадцать листов да ещё письма, это вам не хухры-мухры!

– Хоть бы раз увидеть эти мухры, чтобы узнать, что они из себя представляют, – хмыкнула госпожа Лиден, возвращаясь в кресло. – Что-нибудь интересное в королевстве стряслось?

– Ой, и не говорите, госпожа! Страсти-то какие!

– Что ещё?.. Юная лэн, не думайте, что я этого не вижу!

– Ну не хочу я это есть! – заныла девочка, уже подкравшаяся к мусорному ведру с наполовину полной тарелкой в руках.

– Ладно, выбрасывай, горе моё. И коням ведь не скормишь, с вареньем-то... Так какие страсти?

– Вот вроде спокойная неделка выдалась, – нетерпеливо продолжил почтальон, – ну, кроме двух ограблений на тракте... Что-то разбойники в последнее время расшалились: вроде не было, не было, а тут вдруг никакого сладу с ними... А сегодня в утреннем листке такое написали! Аж печатни раньше открыли, чтобы нам с собой свежие выдать! А то как же, все знать будут, а деревенские нет? Я сам как увидел, так и обмер!

– Не томи душу, что случилось?

Оттягивая момент, парень прихлебнул чаю из тёплого рыжего блюда.

– На короля покушение было, – трагическим шёпотом возвестил он.

Раздался громкий «бульк»: это Лив уронила опустошенную тарелку из-под каши в таз с водой, и взметнувшийся фонтан брызг украсил блестящей россыпью капель её тёмную макушку.

– Мама дорогая, – довольно-таки равнодушно откликнулась госпожа Лиден. – Но жив, конечно?

– А вы почём знаете? – протянул почтальон обиженно.

– Иначе сказали бы «убит», а не «покушение».

– Ну да, – разочарованно подтвердил парень, вновь потянувшись к блюду. – Жив.

– И кто же этот неудачник?

– Да герцог какой-то. Молокосос чуть за двадцать. И деньги есть, и власть, вот что ещё ему надо? Ан нет, пошёл короля убивать! Как же его... Броселианский, кажись...

– *Что?!*

Кресло угрожающе скрипнуло – и почтальон невольно вжал голову в плечи, когда старушка, ещё миг назад выглядевшая полной противоположностью слова «опасный», метнулась к гостю с лицом ведьмы, опаздывающей на шабаш.

– Листок! Быстро! – рявкнула госпожа Лиден, нависнув над парнишкой. – И вообще всю почту вытаскивай!

– Я не...

– Тиф в Фар-Лойле! Одни мы не болеем – на отшибе, зараза не дошла! Что, по больным пойдёшь?

– Т-тиф? – лицо почтальона успело пожелтеть, посинеть и позеленеть, прежде чем кожа его избрала оттенок благородной бледности. – Но...

– Думаешь, вру? Иди проверь!

Парнишка, спотыкаясь, бросился к сумке. Вытащив нужный листок, протянул тот старушке, вырвавшей бумагу из его трясущейся руки.

– Спасибо за гостеприимство, – пробормотал почтальон, вываливая кипу конвертов на дощатый пол. – Я это... того.

Сухо бросив «счастливого пути» в закрывающуюся дверь, госпожа Лиден заперла кухню на засов и нашарила очки на столе.

Непривычно тихая Лив мышкой скользнула за спину летописицы.

Некоторое время обе – старушка и девочка – пробегали взглядами по печатным строкам.

– М-да, – наконец изрекла госпожа Лиден. Грудь её тяжело вздымалась. – Какого дара...

– Таша в опасности, да? – прошептала Лив.

Старушка швырнула на стол листок.

На пиктуре посреди страницы стояли подле пустого трона светловолосая девушка – и мужчина в чёрном, накидывающий ей на шею зачарованный амулет.

– Теперь – да.

* * *

Есть много способов быстрого пробуждения человека, упорно не желающего пробуждаться. Первое место по эффективности и неприятности Таша всегда делила между снегом за шиворот и холодным душем.

Этим утром она прибавила к данным способам ещё один: когда твою тёпленькую пятку щекочут ледяными пальцами.

Отчаянно жмурясь, Таша попыталась пнуть наглеца, посягнувшего на её сон, однако ногу ловко перехватили за лодыжку; на сей раз чью-то холодную руку и её кожу милостиво разделила плотная ткань юбки.

– Доброго дня, моя королева.

Таша нехотя разомкнула веки.

Алексас примостился на краешке сиденья. Разрумяненный, улыбающийся. Он не щурился на бившее в окна кареты солнце, и, отражая золотые лучи, глаза его сияли.

– Что, приехали?..

– Да, и день чудесный. – Бесцеремонно уложив Ташины ноги к себе на колени, Алексас натянул повыше носок, который прежде наполовину стащил с девичьей ступни, и принялся обувать её в сапожки. – Как в песне поётся: *«Проснулось всё, проснись и ты, красавица моя!»*

– Где мы? – спросила Таша, оторопело наблюдая за его действиями.

– На постоялом дворе. Комнату я уже снял.

– И уже не утро, верно? – уточнила Таша, оценив цвет солнечных лучей.

– Пара часов до закрытия мастерских у нас есть.

Зевнув, Таша села, потянулась за курткой, – но ту перехватили раньше, немедленно накинув ей на плечи.

– Идём. Умоешься, перекусишь, и отправимся в мастерскую. – Алексас протянул ей сумку. – Время терпит.

Пока он распахивал дверцу кареты, Таша могла думать только о том, что раньше натягивать на неё сапоги Алексас бы не соизволил. Джеми – тем более.

Впрочем, возможно, в каждом из двух братьев было достаточно желания заботиться о нежных юных девах, чтобы в результате их слияния проявился подобный побочный эффект.

Перейдя двор, хрустящий свежим снежком, они вошли в белокаменное здание трактира. Комната оказалась на втором этаже – светлая и уютная, с двумя кроватями и азами, розовевшими в горшочках на окне; на стене висело зеркало, которое Алексас предусмотрительно закрыл пледом, стащенным с постели. Надолго, Впрочем, внутри не задержались. Таша лишь умылась и сжевала кусочек хлеба с сыром, запив чаем, после чего вступила в непродолжительную борьбу с Алексасом за право одеться самой.

Битва была проиграна: ей не только застегнули куртку, но и надели на неё шапку, подали варежки и завязали шарф на шее в два оборота.

– Да что на тебя нашло? – проворчала Таша, когда они вышли из трактира. Шагали снова под руку: если во дворе золотился снежок, то на брусчатой дороге образовался гололёд, коварно присыпанный белой крупой.

– Мне нравится заботиться о тебе, – удивительно бесхитростно ответил Алексас. – О ком ещё мне нынче заботиться?

Слова кольнули больнее, чем Таша могла ожидать.

– Может, прикажешь к тому же сидеть в высокой башне у оконца, пока ты будешь вести расследование и свершать великие подвиги в мою честь?

Она надеялась, что сумела скрыть смущение за сарказмом. И вместе с тем понимала: если забота о ней немного умерит для Алексаса горечь осознания, что о младшем брате он не позаботится уже никогда, пусть хоть с ложечки её кормит.

...никаких *никогда*, Таша. Всего пару дней, пока вы не встретитесь с Ароном.

– Между прочим, истинные особы королевской крови именно так и поступают. Привыкайте, моя королева: когда сделаетесь Морли-малэн, вам и нос самой вытереть не дадут. Служанка с носовым платком всегда будет ждать наготове.

– Не будет у меня никаких служанок.

– Мне кажется или я слышу интонации Лив?

Таша безмолвно отвернулась.

Броселиан разительно отличался от Арпагена. Белые домишки в два-три этажа казались игрушечными; широкие улочки вымостили светлым камнем. Мягкое вечернее солнце окрашивало бледной охрой заснеженные крыши, над которыми пряли ниточки дыма каминные трубы. Закутанные прохожие шли по своим делам так неторопливо, как никогда не ходят жители больших городов.

Таша опустила натянутый по нос шарф – ей стало трудно дышать, – и мороз немедля тронул щёки щипучей рукой.

– Зачарованный лес ведь рядом с Броселианом, – произнесла она, вспомнив свои детские уроки краеведения и тканевую карту, расстеленную на полу. Слова обернулись облачками пара, мгновенно истаяв в прозрачном солнечном воздухе.

– Да.

...Зачарованный лес был ещё одной из Ложных земель. Как Равнина с Криволесьем.

И про это место сложили даже больше легенд, чем про другие.

– Так вот почему ты говорил о феях?..

– Именно.

– Зачем нам к ним?

– Глоток воды из магического источника фей избавит тебя от действия всех чар и заклятий, когда-либо на тебя наложенных. От любых магических вмешательств. Кроме того, он наделит тебя пожизненным иммунитетом против слабых и средних чтецов сознаний, а также устойчивостью к заклятиям с первого по пятый уровень.

– Звучит неплохо, но зачем оно нам?

– Ты ведь опасаясь, что подарок Советника с подвохом. Не отрицай. Вода фей поможет тебе противостоять магии, которую в него заключили... если туда заключили иную магию, кроме пространственной.

Вспоминая легенды, сложенные о Зачарованном лесе, Таша покачала головой:

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Криволесье и Равнину ты покинула благополучно. Зачарованный лес, пожалуй, опаснее их, но не думаю, что он будет представлять опасность для тебя. – Алексас подвёл её к крылечку одного из домов. – Однако прежде у нас есть дело поважнее.

Таша вскинула голову, разглядывая вывеску подле двери: деревянную дощечку украсили резьбой так буйно, что надпись «Резных дел мастер О. Герман» не сразу можно было заметить. Рядом с надписью виднелось клеймо изготовителя: резак с обвивавшей ручку змейкой.

То же, что вчера Таша обнаружила на ножке кубка.

Алексас толкнул дверь, и та отозвалась возмущённым звоном потревоженного колокольчика.

Приёмная мастерской, обитая деревянными панелями, была заставлена образцами работ: от крошечных костяных фигурок на полках до громоздкого комода, приткнувшегося в углу и являвшего взору поляну с танцующими феями, вырезанную на дверцах. Парень за конторкой играл сам с собой в крестики-нолики.

– Добро пожаловать в мастерскую Олеангра Германа, – слышав колокольчик, пробубнил он без всякого энтузиазма, не поднимая головы. – Что вас интересует?

Стягивая шапку, Таша соображала, почему его голос кажется ей знакомым. Вгляделась в парня получше – и неверяще охнула:

– *Гаст?*

Тот наконец поднял лицо: симпатичное, зеленоглазое, обрамлённое тёмными кудрями. Родное.

– *Таша?!*

Мигом соскочив с высокого стула, друг детства бросился к ней.

– Таша, Ташенька! – Гаст ошеломлённо сжал её в объятиях, и девушка ощутила силу его рук даже сквозь плотную куртку. – Живая! Что ты тут делаешь? Куда летом убежала? Я тебя искал, но...

...радость пришла всего на мгновение, – чтобы уступить место стыду.

Она так и не нашла его. Даже не попыталась найти. И лишь совпадением обязана тому, что они всё-таки снова встретились.

– Если расскажу, не поверишь, – буркнула Таша, неловко обвивая талию Гаста руками в варежках. – Как ты здесь...

Осеклась, вспомнив, что за происходящим пристально наблюдает ещё кое-кто, и оглянулась на Алексаса.

Тот действительно наблюдал. Долгим, очень внимательным взглядом. Не то чтобы прохладным, но даже самый зоркий наблюдатель едва ли отыскал бы в нём теплоту.

– Алексас, это Гаст Онван, – произнесла Таша. – Помнишь, я про него рассказывала? Он мой... друг.

Она собиралась сказать «лучший друг». Но язык, который легко повернулся бы для этого ещё летом, отказался выговаривать явную ложь.

...Гаст перестал быть её *лучшим* другом с тех пор, как Таша сбежала из Прадмунта. И тот, кто занял его место, сейчас стоял за её спиной.

– Так-так. – Алексас прикрыл глаза. – Гаст... Племянник отца Дармиори. Наслышан. – Взглянув на Гаста, юноша усмехнулся. – И что же ты делаешь в Броселиане?

От этой усмешки веяло холодком надвигающихся зимних сумерек – и Таша не могла осуждать Алексаса за это. В конце концов, все его воспоминания об отце Дармиори сводились к тому, что этот человек пытался сжечь их с Ташей заживо.

Из-за племянника, теперь взиравшего на Алексаса опасно суженными глазами.

– А ты ещё кто такой? – не слишком любезно поинтересовался Гаст.

– Ташин друг.

– Друг? – Тот окинул неприветливым взглядом лицо с тонкими чертами, долговязую фигуру, плащ с меховой оторочкой и шегольской вышивкой серебром, накиннутый поверх куртки из дублёной чёрной кожи. – И как же вы *подружились*?

– Откровенность за откровенность, – откликнулся Алексас спокойно. – Сначала ты свою историю поведай, а потом и я свою расскажу.

– Как ты оказался здесь? – настойчиво подхватила Таша.

Гаст опустил взгляд на требовательные глаза подруги, и лицо его смягчилось.

Пощёлкав пальцами, он прошёл по обшарпанному паркету к двери. Открыв её, перевернул табличку с той стороны так, чтобы посетителей встречала надпись «Закрыто».

Задвинул засов и, широким жестом предложив гостям сесть на лавку у стены, примостился туда же.

– Когда ты исчезла, я отправился тебя искать. Дядя говорил, вы с Лив убили свою мать и сбежали... говорил, что вы оборотни. Но я не поверил. И чтоб ты маму убила... В общем, я понял, что с тобой что-то случилось. Может, похитил кто. Я забрал из вашего дома одну из твоих книг... знал, что по вещи, которую часто в руках держали, маги вроде как обычно могут владельца найти... украл деньги у отца и поехал в Нордвуд. Лошадь брать не решился, она семье нужна. Так что на своих двоих... а там добрый человек на повозке подвёз. – Гаст сложил ладони на коленях, нервно тиская одной рукой пальцы другой. – В городе разыскал колдунью и попросил тебя найти. Колдунья сидела с книжкой за зеркалом, сидела, а потом и говорит: мол, можешь попрощаться со своей подругой, не вижу я её. Либо мертва уже, либо кто-то очень сильный в плену её держит, не даёт увидеть. Только расстелила карту и ткнула пальцем в Равнинную. Чутьё колдовское, мол, ей подсказывает, что где-то здесь ты... ну я и поехал. – Гаст облизнул сухие, потрескавшиеся от мороза губы. – Направился в Арпаген, решил там к колдуну обратиться. Думал, может, поближе к тебе чары и подействуют... Ехал долго, хорошо ещё, караван подвернулся, с собой взяли. Когда прибыл, на улице решил заночевать – деньги сберечь хотел... а тут на тебе – стражники! В тюрьму за бродяжничество на три дня отправили. Сказали, это на первый раз, дальше хуже будет. Вышел я, пришёл к колдуну... а тот говорит, что вообще почувствовать тебя не может. А это значит, ты либо на Ложных землях, либо, что скорее, – парень сглотнул, – мертва.

Таша опустила глаза, не в силах видеть на его лице даже тень отчаяния, что друг испытал в тот момент.

– Я решил, что дело всё-таки в Ложных землях, – продолжил Гаст, помолчав. – Мало ли куда тебя занесло. Но деньги отцовы я все извёл на эти два визита... услуги колдунов стоят недёшево. Решил, пока не отработаю их, чтобы вернуть, домой не поеду. И пока на третий визит к колдуну не заработаю, чтобы таки выяснить, что с тобой. На фонарном столбе увидел объявление, что требуются резчики в мастерскую Олеангра Германа. Арпагенский филиал. Я и пошёл: вырезать вроде умею, чего не пойти? Меня взяли, сначала топорную работу делать,

потом всё тonyше, тonyше... учили... Отец в конце концов меня нашёл – тоже к колдуну в Нордвуде обратился. Домой уговаривал поехать. Но я ему то же самое сказал: пока долг вернуть не смогу, и сам не вернусь. Да и, если честно, мне в городе с деревом работать нравилось больше, чем в Прадмунте балбесничать. Отец вроде понял, только просил матери письмо передать и связь с ними через зеркало держать.

– Про меня он ничего не говорил? – произнесла Таша невыразительно.

– Я спрашивал, вернулась ли ты в Прадмунт. Он сказал, что нет. – Гаст расширил глаза, в которых вспыхнуло мучительное подозрение. – А что, врал?..

– И как же тебя в Броселиан занесло, если ты работал в Арпагене? – вмешался Алексас, милостиво избавляя Ташу от необходимости отвечать.

– Два месяца назад приехал сам мастер Герман, ему показали перспективных ребят, и меня в их числе. – В словах прорвалась тщательно скрываемая гордость. – Он меня и увёз сюда, в свою мастерскую. Теперь вот работаю. Платят неплохо: хватает и комнату здесь поблизости снимать, и на еду, и откладывать понемногу.

– Но платят всё-таки не настолько хорошо, чтобы ты сумел скопить на поиск Таши.

Сине-серые глаза блеснули внезапной насмешкой.

– Да нет. Денег я уже скопил. Они на отдачу долга, конечно, но на поездку в Арпаген и мага хватило бы, а домой я всё равно не тороплюсь. – Глядя на Ташу, Гаст снова облизнул губы. – Только... я понимал, что, если маг опять тебя не увидит... значит, ты правда мертва. И что тогда со мной будет... Вот и тянул.

Таша наконец осмелилась встретиться с ним взглядом.

Чувство вины в глазах напротив забавным образом уменьшило её собственное.

Не только она не спешила кидаться другу на выручку. Пускай по другим причинам.

– Правда, пока меня временно за конторку посадили, – добавил Гаст быстро, сворачивая с неприятной обоим темы, – потому что умер наш приёмщик заказов, светлая ему память... Сказали, заодно от работы отдохну, пока новенького не найдут.

Ага, подумала Таша мрачно.

– Сам мастер Герман хотя бы здоров? – спросил Алексас будто бы невзначай.

– Да не сказал бы, – откликнулся Гаст печально. – Бледный ходит, голова кружится... В Арпаген уехал лечиться. А вас-то что в Броселиан привело? Куда ты делась летом? – Он снова посмотрел на Алексаса: – И кто ты всё-таки такой?

– Можешь называть меня Алексасом. Без «энтаро», так и быть, – великодушно ответил тот, снова избавляя Ташу от необходимости рассказывать то, что сейчас рассказывать ей не слишком хотелось. – Возможно, я тебя расстрою, но ты был прав, когда не верил словам дяди. Летом у Таши были большие неприятности, и так вышло, что я оказался рядом, помогая ей с ними разобраться.

– Что за неприятности?!

– Полагаю, о них Таша лучше расскажет сама... в другой раз. То, что привело нас в Броселиан, важнее. – Он кивнул в сторону кубка, который Таша как раз вытаскивала из сумки. – Вчера эта вещь чуть не погубила короля. Тебе она незнакома, случаем?

Гаст пригляделся к костяной чаше в девичьих пальцах – и побледнел.

– Похоже, знакома, – заключила Таша, глядя на лицо, за годы дружбы изученное ею до мелочей.

– Может быть, – буркнул парень. – Погодите, что значит «погубила короля»?..

– Герцог Броселианский поднёс Его Величеству этот кубок в качестве подарка, но кубок оказался проклят. Король чудом остался жив. А герцог Броселианский, между прочим, Ташин друг, – заметил Алексас небрежно.

– Герцог?! – Гаст выпучил глаза так, что они стали напоминать круглые стеклянные шарики, какие вставляют куклам. – Это когда ты с герцогом задрожиться успела?

– Таша теперь сама почти герцогиня. *Больше*, чем герцогиня. Она единственная уцелевшая наследница рода Морли, не знал?

– Морли? Это князей-то?! – Гаст охнул, смерив подругу таким потрясённым взглядом, будто та отрастила крылья за спиной прямо на его глазах. – Етить меня в душу!..

– Так что Таша, очень расстроенная тем, что её другу грозит плаха, ищет мага, который проклял кубок. Более того, она думает, что колдун, сделавший это, и колдун, из-за которого летом она убежала из Прадмунта, – одно лицо, – закончил Алексас. – Если тебе есть что рассказать по этому поводу, ты её очень выручишь.

Гаст снова посмотрел на чашу. На Ташу. Отвёл глаза, уставившись на выщербленный паркет.

Стиснул огромные кулаки, словно это могло облегчить его мучительные раздумья.

Таше внезапно подумалось, что если сравнить обоих с клинками, то Гаст будет двуручником, а Алексас – шпагой: шириной плеч друг детства превосходил её рыцаря раза в полтора. Только вот если кто-то вздумает выбирать, кто же из них двоих в схватке доставит противнику меньше хлопот, не факт, что выбор сделают в пользу Алексаса. Самая опасная сила – та, что чувствуется, но не кричит о себе; а сила в Алексасе чувствовалась – ещё какая. Особенно в *новом* Алексасе, родившемся с окончанием Двоедушия, очень походившем на прежнего себя, но неуловимо другом.

Потеря брата... конечно, *временная* потеря, но всё же... разом сделала его старше и жёстче. И, вспоминая себя минувшим летом, Таша нисколько этому не удивлялась.

– Аа, ладно, – махнул рукой Гаст. – В конце концов, если *они* захотят до меня добраться, молчанием я от них не спасусь.

– *Они?* – немедленно вскинулась Таша.

Облокотившись на стену, друг залихватски тряхнул кудрями:

– В общем, в прошлом месяце явился к мастеру герцогский слуга...

* * *

Беседу, затянувшуюся почти на час, прервал гневный стук: один из покупателей пришёл за готовым заказом, о чём договаривался ещё шестидневку назад, и его не остановила даже табличка. Нехотя свернув разговор, Гаст открыл дверь и вернулся за конторку, напоследок сообщив свой адрес.

– Буду ждать тебя. Ну или вас обоих, – добавил он с нескрываемым напряжением. – Нам ещё многое нужно обсудить.

– Заглянем сегодня или завтра, – пообещала Таша, прежде чем выскользнуть на улицу.

– Скорее завтра, – добавил Алексас, подхватывая её под руку. – Сегодня у нас другие дела.

Таша не стала возражать. Новая встреча почти неизбежно влекла за собой рассказ о воистину пламенном приёме, который летом дядя Гаста уготовил им с Алексасом, а беседу об этом ей хотелось отложить на как можно больший срок. К тому же девушке требовалось осмыслить всё, что она услышала.

К примеру, смириться с тем, что блестящая теория про кукловода и *игру* пошла прахом.

– Что думаешь? – как раз поинтересовался Алексас, ведя её по улочкам Броселиана, которые зимний закат выкрасил бледной охрой.

Таша помолчала, пытаясь сложить в сознании мозаику из кусочков тех знаний, с которыми она покинула Арпаген, и знаний, приобретённых только что.

– Пока не знаю. – Она мучительно вздохнула, обжигая лёгкие морозом, будто это могло внести ясность в мысли. – Но точно не думала, что здесь замешана жена Орека, которая оказалась эйрдалем и которую летом мы изгнали из Клаусхебера.

...Орек Норман заглянул к мастеру Герману в прошлом месяце. По счастливой случайности Гаст подслушал, как мастер принимает заказ на кубок для короля. Однако стоило Герману-энтаро с поклонами выпроводить почётного гостя восвояси, явилась ещё одна посетительница. Прежде чем мастер увёл ту в свой кабинет, Гаст успел увидеть её: бледную художавую девушку с треугольным лицом, чуть приплюснутым носом, тёмными глазами и волосами... и чёлкой до бровей.

Сама Таша Кэйрмилль Норман не видела, зато Алексас по этому описанию узнал её без труда. И оба не удивились, что беглая жена Орека отрастила чёлку: надо же как-то прятать клеймо, которое Арон оставил на её лбу.

Гаст решил подглядеть и подслушать, что творится в кабинете. Речь шла о заказе Орека – посетительница зачем-то подробно о нём выспрашивала. Поняв это, парень отлип от замочной скважины (совесть проснулась) и удалился в мастерские. А вскоре мастер поручил одному из своих старых ассистентов сделать кубок из рога единорога, но, поскольку это был подарок самому королю, резьбу по кубку Герман-энтаро решил в кои-то веки исполнить сам.

Другой странный посетитель наведлся в мастерскую, когда работу уже закончили, накануне дня, когда кубок должны были забрать. Гаст даже не мог сказать, мужчина то был или женщина – незнакомец кутался в плащ, укрывавший его с ног до головы. Загадочный гость провёл в кабинете у мастера всего несколько моментов, однако от Гаста не укрылись отсветы зелёного колдовского сияния, пробивавшиеся из-под двери. Кто бы ни наведлся к мастеру Герману, он пришёл, чтобы сотворить заклинание – и, скорее всего, над кубком.

На другой день приключилось сразу несколько событий. Чашу выдали заглянувшему за ней Ореку; приёмщик заказов не вышел на работу (как выяснилось позднее, по причине смерти от ножа бандита в тёмном переулке); мастер и ассистент, делавший чашу, слегли с неизвестной болезнью...

– Значит, у Кэйрмилль есть сообщники, – произнесла Таша тихо.

– Арон летом упоминал, что за ней стоит целое тайное общество, – напомнил Алексас. – В числе которого несколько древних эйрдалей.

– Эйрдали умеют колдовать, но они – не колдуны. Им не сотворить подобное проклятие.

– Думаю, в то общество затесались не только эйрдали.

...с другой стороны, кто сказал, что это – не часть *игры*, а кукловод – не в рядах таинственных заговорщиков?..

– Но почему они так хотят известить Норманов?

– Видимо, ты забыла и это, но Арон летом также упоминал, что эйрдалям нужен Клаусхебер.

– А имущество государственных изменников сперва отходит государству, а через год – ближайшим родственникам, оставшимся в живых... – Таша тряхнула головой, отгоняя воспоминания об уроках отца Дармиори, неизбежно влекшие за собой другие воспоминания. – Но власти не передадут имущество Норманов эйрдалю и убийце в бегах! Зачем этим эйрдалям вообще понадобился какой-то старый замок?

– Этот *старый замок* воздвиг один из Мастеров Адамантской Школы, между прочим. Летом ты могла убедиться, что он таит немало секретов... Но, полагаю, эти вопросы лучше задавать не мне.

Таша уставилась себе под ноги, глядя, как мысы её сапожек меряют скрипучий утоптаный снег.

– Счастье, что Гаст до сих пор жив.

Она не питала иллюзий по поводу странной неудачливости всех, кто был причастен к работе над кубком – или мог увидеть и услышать то, чего ему видеть и слышать не полагалось.

– Не всё сразу, – откликнулся Алексас иронично. – Думаю, он следующий на очереди и его ждёт тихая быстрая гибель, не вызывающая подозрений. Несчастный случай, самоубийство... Я бы выбрал что-то из этого.

– Не говори так! Мы его спасём!

– Каким образом?

– Не знаю! Будем за ним следить, не позволим эйрдалям к нему подобраться! Ты можешь наложить на него и его комнату какое-нибудь защитное заклятие? Раз ты владеешь магией?

– Я подумаю, – сдержанно пообещал Алексас, выводя Ташу за светлую крепостную стену. – Но сперва...

Таша запоздало сфокусировала внимание на картинке перед глазами: за размышлениями она не заметила, как Алексас привёл её к одним из городских ворот.

Миновав будку со стражниками, они направились туда, где рядом с дорогой ждала стена деревьев; выбеленные верхушки сверкали в последних лучах заходящего солнца. В чашу убежала тропа, ниточкой намеченная на снежном ковре, в сумерках отливавшем синевой.

– И всё-таки, – сказала Таша, следуя за своим рыцарем под сень деревьев, – ты уверен, что нам так нужна эта фейская вода?

– Уверен. Помимо уже упомянутых причин эйрдали – не самые дурные чтецы сознаний, и нам явно предстоит вскоре иметь с ними дело. Если они захотят тебя очаровать, ты должна быть от них защищена. – Алексас непреклонно шагал между тонкоствольными рябинами и белыми в крапинку берёзами. Каждая хрупкая веточка была облита льдом, и деревья казались выточенными из хрусталя. – Главное, не соглашайся на иные дары. Проси лишь глоток воды. Феи будут искушать тебя, однако дары их обманчивы, недолговечны и таят в себе опасность.

– С чего эта идея вообще тебе в голову взбрела? И откуда ты столько об этом знаешь?

– Знакомые рассказывали.

– Ты же потерял память обо всём, что было до нашей встречи, разве нет?

Алексас промолчал; это молчание вплелось в неестественную тишину, нарушаемую только звуками их шагов. Что в Криволесье, что на Равнине, что здесь не было слышно жизни – не пели птицы, не стучали дятлы, не хрустели снегом под копытами пугливые олени или голодные кабаны.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Ташу пугала тишина.

– И что, любой может прийти к феям и попросить у них, что хочет? – саркастично уточнила она, истолковав молчание как знак того, что Алексас сам не знает ответа на её вопрос. В конце концов, потеря памяти – странная штука.

– Не любой. Вскоре мы придём к границе, за которую может безнаказанно пройти лишь тот, кто чист помыслами и телом. А ещё феи умеют видеть правду в чужих душах, – буднично откликнулся тот. – Они не дадут ничего тому, кто алчет могущества. Но подарить глоток воды девочке, которая жаждет спасти друзей, – другое дело.

– Они что, так любят людей?

– Скорее любят удивляться тому, что среди людей ещё остались бескорыстные.

...в Зачарованный лес, одно из немногих известных убежищ фей, ходили многие. Маги, воины, простой люд. Только вот обратно возвращались не все, а из вернувшихся не все оставались в своём уме. Те же, кто встречал фей и возвращался, не особо охотно об этом рассказывали. Некоторых из них неизбежно тянуло обратно в Лес: они тосковали, не находили себе места, погружались в молчание, а в конце концов просто исчезали. Уходили в волшебное место, которое однажды покинули и куда безумно желали вернуться – навсегда.

– Пришли. – Алексас остановился у непримечательной берёзы, росшей по соседству с очередной рябиной. – Это вход.

Таша пригляделась: лес впереди ничем не отличался от остававшегося за спиной, разве что тропа куда-то исчезла. Подняла взгляд – и поняла, что ветви двух деревьев срослись в арку.

– Если ты достойна, – сказал Алексас, – то, пройдя через арку, окажешься в Зачарованном лесу.

– А вокруг нас тогда что такое?

– Прихожая. Ложная земля начинается *за* аркой.

– Хорошо, а если я недостойна?..

– Выйдешь с той стороны арки – в этом же лесу. Обычном лесу. Если же твоя душа темна, ты окажешься в чаще, очень похожей на эту, но не сможешь вернуться. Тропа, что мы оставили позади, исчезнет, а без тропы выбраться из Леса невозможно. Он не выпустит тебя. – Алексас обернулся; глаза его были темны и серьёзны. – Слушай внимательно. Лес заглянет в твою душу и вытащит оттуда твои желания и страхи. Не оглядывайся, как бы страшно тебе ни было, что бы ты ни услышала, – а услышишь ты многое. Тебя выбросит на тропу – не сходи с неё, что бы ни произошло. Иди только вперёд и не пытайся повернуть назад: в Лесу невозможно вернуться туда, откуда ты пришла. Ничего не ешь, не пробуй сорвать что-то и унести с собой. Ничему не верь, а прежде всего своим глазам и ушам. Помни: Лес – живой. В нём не действуют привычные законы. Он не прощает ошибок. И феи – его дети.

Таша смотрела в лес по ту сторону арки.

Идея навестить фей нравилась ей всё меньше и меньше.

– Если я и пойду туда, то только после вас, мой рыцарь.

Прислонившись спиной к берёзе, Алексас невесело улыбнулся:

– Жаль огорчать вас, моя королева, но вы идёте туда одна.

Немой вопрос Таша задала ему одними округлившимися глазами.

– Не всем быть девами непорочными, – сказал Алексас, нисколько не смутившись.

– Хочешь сказать, юношам туда ходу нет?

– Есть, только не всем. Как и девушкам, впрочем.

– Но почему тогда ты...

Таша осеклась – и, сообразив, что он имеет в виду, разомкнула губы, как выброшенная из воды рыба.

– Я себя осквернил. Не только тело, но и душу, в первую очередь убийством. Ты – нет. – Улыбка Алексаса стала кривой. – Твои грехи тебе простят... тем более в таком состоянии.

– Может, всё-таки не...

...в следующий миг её бесцеремонно толкнули вперёд.

Пролетев сквозь арку, Таша рухнула лицом в траву. Секунду спустя сообразив, что она упала в *траву*, резко вскинула голову.

Лес вокруг был зелёным. И тёмным. Зима обернулась летом, сумерки – ночью. Впереди тянулась тропа – ниточкой в высокой траве. За спиной осталась тьма; Таша не видела её, но чувствовала, и чувство это было не из приятных.

Откровенно говоря, приятности в нём было так мало, что Таше стало ясно, откуда взялось правило первое: *не оглядывайся*.

Возмущения в адрес Алексаса, которые так и рвались наружу разъярённым воплем «*я тебя убью!*», она задавила в горле. Нарушать лесную тишину не хотелось. Мало ли кто услышит её крик – или *что*. Да и, в конце концов, со своей точки зрения, Алексас поступил абсолютно верно.

Теперь пути назад у неё не было.

Встав, Таша сдвинула шарф с лица, втянула ноздрями не по-летнему ледяной воздух и, преодолевая желание оглянуться, пошла вперёд.

Она не могла видеть, как юноша, оставшийся по ту сторону арки, опускается на снег – следя за девичьей фигуркой, что пробиралась меж закованных в лёд берёз, по щиколотку уто-

пая в снежном покрове. А даже если б могла, это ничего бы не изменило. Как и многое из того, что она делала.

Ложные Земли хранят свои тайны получше многих людей и нелюдей. А лгут – тем более.

Глава четвёртая. Что скрывает лес

– Ты сегодня пораньше, – сказала госпожа Лиден, ставя тарелку с супом на стол.
– Половина жителей уже здоровы. – Арон взял в руки ложку, но есть не торопился: просто вертел в пальцах деревянный черенок. – Через пару дней я смогу уехать.

Старушка села напротив. Взяла ларчик с вязанием, вглядываясь в лицо амадэя.

– Как там Таша?

– Полагаю, в Арпагене. Ждёт меня, как мы и договаривались.

– Мне казалось, ты всегда можешь узнать, где она и что с ней.

– Обычно. – Сухие пальцы сжимали ложку, точно рукоять меча. – Но не теперь.

Вытаскивая из ларчика недовязанные варежки, госпожа Лиден выжидающе сощурилась.

– Помнишь, я рассказывал про зеркало Лиара? Та же история. Я не чувствую её. Не слышу. Не могу найти. – Отложенная ложка тихо стукнула о столешницу. – Прости, аппетита нет.

– Таше опять дали предмет, куда заключена частица *его* сущности?

– Угадай какой.

Госпожа Лиден взглянула на новостной листок, который с сегодняшнего утра поселился посреди их обеденного стола.

– Амулет...

– Всё просчитано до мелочей. Он слишком хорошо знает её. Знает, что она не бросит друзей в беде. И что ей известно про Суд-Поиск, наверняка знал. А если б не было известно, он нашёл бы способ подкинуть нужную информацию. – Амадэй невидяще смотрел вперёд. – Зачем ему всё это? Что он будет делать, когда наконец удовлетворится местью и убьёт меня?

– Игры часто бывают бесцельными, – отстранённо заметила старушка, вывязывая большой палец на варежке. – Главное – удовольствие в процессе.

– Нет. Лиар не будет играть, если впереди не ждёт ценный приз. Ставить целью лишь мою смерть... Глупо. Особенно для такого умного не-человека, как он.

– Приз? Таша?..

– Слишком сентиментальный и *человечный* приз для кого-то вроде него. А даже если и так, то *не только*. Лиар ведёт куда более крупную игру... Жаль, я не могу её понять.

– Не так уж и плохо, что ты не можешь понять такого, как он. Иначе я бы забеспокоилась, знаешь ли.

Слабо улыбнувшись, амадэй откинулся на спинку стула.

– Где Лив?

– В Ташиной комнате. Как прочла новости, так и убежала сразу.

– Есть её не звала?

– Звала, но она не откликается. И дверь заперла. Пусть посидит... В себя придёт, сама выйдет.

– Может, мне с ней поговорить?

– Знаю я, как ты можешь *поговорить*, – твёрдо сказала старушка. – Иди лучше корм Принцу задай, раз уж не ешь.

Усмехнувшись, Арон поднялся на ноги, чтобы покинуть кухню.

Какое-то время слышалось лишь потрескивание углей, поскрипывание кресла-качалки да едва слышный шорох клубков пряжи: они медленно разматывались, высвобождая нити, которые сплетались вязальным крючком и ловкими морщинистыми пальцами в нечто большее.

Потом входная дверь скрипнула вновь – куда быстрее, чем ожидала госпожа Лиден.

Она подняла глаза, когда дэй задвигал засов, и юркий крючок застыл, как только старушка увидела его лицо.

– Принца нет в стойле, – произнёс Арон.

– *Как* нет?..

– А из окна Ташиной комнаты сброшена верёвка, – закончил амадэй, – и под ней на снегу – полужанесённые детские следы.

* * *

Таша бывала во всяких лесах. Лиственных. Хвойных. Смешанных. На её счету была даже ночёвка в Криволесье, чем мог похвастаться далеко не каждый.

Однако *такого* леса она не видела никогда.

Деревья были узкими, невысокими, с извилистыми стволами, шёлковыми на вид. Кроны с широкими, с ладонь, листьями срослись сплошным куполом, не позволяя разглядеть и крохотный кусочек неба. Темноту рассеивали лишь прозрачные, словно стеклянные цветы, похожие на миниатюрные лилии с шестью лепестками в изящных венчиках. Их белоснежные стебли и листья призрачно светились во мраке; соцветия, казавшиеся выточенными из хрусталя, наполняли воздух пряным ароматом, от которого слегка кружилась голова.

Цветы аллиграны, вспомнила Таша. «Звёздные дары», раньше виденные ею только на картинках. Цветы, которыми так восхищались Перворождённые альвы, что в конце концов нарекли свои земли в их честь – ещё во времена, когда долина принадлежала им одним.

Другие цветы нечасто показывались среди высокой травы. Их можно было понять: Таше тоже не слишком нравилось пробираться сквозь мягкие стебли с острыми режущими кромками, достающие до пояса, при каждом шаге обхватывающие тело зелёными путами.

Таша чувствовала, как за ней смыкается тьма. Она слышала за своей спиной шорохи, неясные отзвуки, эхо несуществующих шагов.

– Таша...

Она повернула голову на голос почти машинально. Нет, не может быть...

– Таша, где ты?

– Ты мертва, – произнесла девушка побелевшими губами. – Ты мертва. Тебя нет.

– Малыш, иди сюда! Я так долго тебя искала...

В призрачном свете цветов аллиграна Таша увидела, как лесная тьма сбоку от тропы обретает очертания.

– Ну же, малыш...

Глядя на тонкие, бесконечно родные, протянутые к ней руки, Таша зажмурилась.

– Тебя нет, мама.

Слова кое-как протолкнулись сквозь горло, сжатое предчувствием слёз.

Таша шагнула вперёд – и, когда она открыла глаза, в чаще никого не было.

Путь она продолжала, судорожно пытаясь сглотнуть ком, заколовший гортань. Таша шла вперёд, только вперёд по тропе, едва угадываемой среди лесной зелени; шла, зная, что любая ошибка может стать последней в её жизни.

– Таша!..

Она не хотела останавливаться. Но не остановиться не могла.

– Таша, я так по тебе соскучилась!

Сестра бежала к ней, продираясь сквозь траву. А ещё тащила за собой долговязого кудрявого мальчишку – взъерошенного так нелепо, что его было никак не спутать с Алексасом.

За Джеми с Лив шёл Арон: глаза дэя в свете аллигранов сияли чистым голубым светом.

– Заставила ты нас понервничать, – голос Арона был сама любовь и нежность, и иногда он действительно говорил так – только с ней. – Знаешь, как долго мы тебя искали? – Он придержал Лив за плечо, застыв в шаге от тропы. – Иди сюда.

– Джеми слился с Алексасом. А вы сейчас далеко отсюда, – вымолвила Таша хрипло. – Вы ждёте меня дома. И здесь вы бы меня не нашли.

– Это ты думаешь, что не нашли бы! – возмущённо воскликнула Лив. – Я лучше тебя в прятки играю, ты сама говорила!

– Ты надеялась, что я верну Джеми, разве нет? – мягко произнёс дэй. – Так и произошло.

– Они наткнулись на меня у входа в Лес! Шли за нами, оказывается! Мы совсем чуть-чуть разминулись, – радостно подтвердил мальчишка. – Разделить нас с Алексасом и пары моментов не заняло. А мне можно в Лес, святой отец сказал! Вот и пустились все втроём за тобой вдогонку.

– Я найду тебя на другом конце света. Даже на другом свете. Ты же знаешь. – Арон протянул ей руку: – Идём, прошу. Я больше не позволю тебе встречать в неприятности без меня.

Этот голос, взгляд, улыбка сжимали грудь холодной лапой тоски. Всё было слишком, до боли похоже; всё рождало отчаянное, невыносимое желание протянуть ему руку в ответ – как всегда; идти куда угодно, главное – с ним...

– Ты ненастоящий, – выплюнула Таша, чувствуя свинцовый вкус этих слов на своих губах. Сомкнуть веки было чудовищно трудно. Сделать шаг – ещё труднее.

И всё это было ерундой в сравнении с тем, как заledenела её кровь, когда она открыла глаза и увидела, что его нет рядом.

Прежде чем продолжить путь, Таша с силой закусил губу: боль немного отрезвила, развеивая в голове дурман колдовских мороков и запаха аллигранов.

Шаг. Шаг. Шаг. Оставшееся за спиной тут же переставало быть тем, чем казалось. Таша откуда-то знала это, знала так же твёрдо, как своё имя.

Главное – не задумываться, сколько ещё шагов осталось.

– Та-аша...

Голос, полный жутких чарующих гармоник, едва не заставил её запнуться.

– Стоять спиной к собеседнику не очень-то вежливо, девочка моя. Ты ведь не забыла правила хорошего тона?

...это опять Лес. Просто Лес.

Отяжелевшие ноги, лучше своей хозяйки понимавшие, что останавливаться не стоит, шагнули вперёд.

– Похоже, забыла. – Лиар позади неё – или то, что притворялось им, – укоризненно цокнул языком. – Куда же ты? А твой рыцарь так ждал твоего возвращения...

– Таша, беги!

Новый голос вынудил её вздрогнуть – и снова замереть.

– С твоей стороны неосмотрительно было оставлять мальчишку одного, девочка моя. Очень неосмотрительно. Что бы там он про себя ни думал. Ох уж эти молодые люди с их самомнением... Небольшой урок пойдёт на пользу его гордыне, как считаешь?

Судорожный выдох. Приглушённый мальчишеский стон сквозь закусенные губы.

Слышать это было больнее, чем душераздирающие вопли.

– Кричи, мальчик. Лучше сразу. Всё равно ведь заставлю.

– Таша, беги, прошу!..

...и как же Лес мог безнаказанно пропустить столь тёмную душу, как его?

Таша замерла на полуобороте.

– Это неправда, – вымолвила она, заклиная не то Лес, не то призраков за своей спиной, не то саму себя. – Вы мерещитесь мне.

– Мерещимся? И это тоже *мерещится*?

Сдавленный крик Алексаса заставил её зажмуриться.

Таша стояла, из последних сил удерживая тело на месте, сопротивляясь всему своему существу, больше всего на свете желавшему обернуться.

...если это и вправду они...

...если враг сейчас за её спиной, мучает её друга...

...если...

Таша зажала уши ладонями – и помчалась вперёд, вперёд, вперёд по прямой, как стрела, тропе.

Это неправда, неправда, непра...

...под ногу что-то подвернулось, на миг подарив пьянящую невесомость полёта. Чудом успев подставить руки, Таша рухнула на россыпь кроваво-алых маков. Вдохнув пыльцу, ударившую в нос сладким до приторности запахом, закашлялась и вскинула голову.

Поляна, на которой она лежала, от края до края заросла цветами: ландышами и фиалками, незабудками и вереском, васильками и сонмом других. Цветочный круг стеной обступали раскидистые голубые ели. Сверху искрилось звёздами ночное небо.

Пока Таша моргала, пытаясь найти взглядом тропу и понять, не очередная ли это ловушка Леса, посреди поляны вихрем взвились в воздух цветочные лепестки. Пёстрое облако закружилось миниатюрным ураганом и сложилось в очертания нагой человеческой фигуры: высокая грудь, тонкая шея, длинные волосы, женское лицо, сотканное из белых, красных и голубых соцветий, дрожащих в воздухе.

Фея...

Таша поднялась на ноги.

– Приветствую, – сказала она, на всякий случай склонив голову.

За её спиной послышались смешки – на грани слуха, будто призрачные отзвуки женских голосов. Что-то невесомо коснулось её волос – точно проказливый ветер погладил её затылок. Таша вздрогнула, но не обернулась: едва ли правила Леса не действовали здесь, в самом его сердце.

Другие феи не спешили показываться пришельце, предпочитая забавляться и наблюдать.

– Я прошла через Лес, чтобы просить глоток воды из вашего источника, – произнесла Таша.

Страшно не было. Что-то подсказывало ей: раз она дошла сюда, раз прошла через арку и выдержала испытание всеми страхами и искушениями, она имела право просить об этом. Не требовать, конечно, но просить – точно.

– Зачем тебе это?

Цветочные губы не разомкнулись для вопроса: тот прошелестел прямо возле Ташиных ушей, словно то был голос воздуха, продолжавшего жечь щёки морозом.

Последнее испытание.

Хорошо, что у Таши был готов правдивый – и очень уместный в данной ситуации – ответ.

– Чтобы спасти друзей от смерти.

– Мы можем дать тебе могущество. Золото. Власть. Оружие. Это лучше простой воды.

Цветочное лицо не шевелилось, только лепестки слегка колебались от неощутимого ветра, придававшего им форму. В цветочных глазах не было ни зрачков, ни белков, но Таша всё равно чувствовала взгляд создания Леса на своём лице: взгляд, успешнее мороза пробиравший мурашками до костей.

– У меня могла бы быть власть. И золото. И могущество. И я бегу от них.

– Потому что боишься?

За спиной Таши снова зазвучали смешки.

Навряд ли феи любили трусов. Но, к счастью, на этот вопрос у Таши был готов ещё один уместный правдивый ответ.

– Потому что я не готова к ним. И едва ли однажды буду готова.

Цветочная фигура склонила голову набок.

Ландыши и фиалки у её ног покачнулись, прежде чем растаять в воздухе, – позволяя проявиться там же роднику, обложенному мшистыми тёмными камнями.

– Однажды – будешь. Однажды – была, – шепнула фея. Изогнула ладонь в приглашающем жесте. – Держи, человечье дитя. Ты заслужила наш дар.

Таша не стала задавать вопросов. В конце концов, едва ли она получила бы ответы, которые смогла бы понять. Поэтому просто склонила голову ещё ниже – и, приблизившись, не глядя фее в лицо, опустила на колени перед источником и его хозяйкой.

Сдёрнув варезки, сложенными ковшиком ладонями она зачерпнула пригоршню воды: студёнее льда, прозрачнее стекла.

Первый же глоток прокатил от горла к животу волну холода, словно она выпила жидкий лёд. Голова взорвалась изнутри болью, заставившей закричать, и видениями, что замельтешили перед глазами яркими вспышками.

...умирающая волчица на залитом кровью ковре...

...мёртвый Арон на красной глине...

...альв, величающий Ташу «её высочеством»; воины среди вспышек заклятий; она сама, ловящая ветер невесть откуда взявшимися крыльями...

Это не видения, вдруг поняла Таша.

А затем – вспомнила.

...боль достигла высшей точки, выжигая что-то в голове безжалостным огнём, и исчезла.

Спустя некоторое время Таша сумела понять, что лежит на снегу, скрючившись, дыша часто и отрывисто. Ещё спустя какое-то время – приподняться и оглядеть ночной лес. Лёд, обливший берёзы и рябины, слабо серебрился в лунном свете; феи исчезли вместе с обманчивой зеленью Зачарованного леса.

Вместе с ментальными барьерами, наложенными Ароном на её сознание.

Тариша Тариш Бьорк, она же Тариша Арондель Морли и Тариша Альмон Фаргори, законная наследница престола Срединного королевства и особа, приближённая к заговорщикам, подняла варезки со снега. Натянув их на озябшие ладони, кое-как встала – и, пошатнувшись, ухватила за ствол ближайшей берёзы. Постояла, собираясь с мыслями, глядя на тропку, начинавшуюся прямо под её ногами и убегавшую вдаль.

Найдя в себе силы оторвать руки от ледяной опоры, сделала первый неуверенный шаг.

Всматриваясь в темноту, в которой она видела так остро, как видят только оборотни, Таша зашагала по тропе: отчего-то не сомневаясь, что та, снова убегая вперёд, на самом деле ведёт её назад. И, слушая снежный скрип под ногами, пытаясь разобраться в чехарде, воцарившейся в её бедной голове, ясно понимала только одно.

Убийство Алексаса за эту прогулку временно отменялось.

* * *

В обсерватории царил бардак. На столе соседствовали пыльные свитки, кучи очиненных перьев, скомканные бумаги, звёздные карты и древние чашки из-под чая с заплесневелыми лимонами внутри. Комнату оккупировали стопки книг, изогнутые под столь угрожающим углом, что обрушению их мешало разве что чудо. Напротив большого круглого окна, приткнувшегося под самым куполом крыши, сиял медным блеском телескоп внушительных размеров – единственная вещь, за которой хозяин обсерватории действительно следил.

Когда на лестнице послышался неясный шорох, хозяин как раз сидел в кресле перед телескопом: старик, кутавшийся в плед, кусавший мундштук трубки, табака в которой не бывало уже лет десять. Морщинистое лицо облаком окружали седые, по-мальчишески густые и ершистые кудри.

Светлые – до того светлые, что могли показаться слепыми, – глаза обратили свой взор на дверь.

– Мхм... входи, Арон, – хриловатым голосом молвил звездочёт ещё прежде, чем раздался стук.

Амадэй, пригнувшись, прошёл в низкую дверку:

– Добрый вечер, Гирен.

– Не столь добрый, видать, раз ты удостоил меня посещением. Мхм, – казалось, хмыканьем старик скрывает рвущийся кашель. – Учитывая, что ты-то прекрасно знаешь: когда мне хочется кого-то повидать, я выхожу сам.

– Проницателен, как всегда. – Арон оперся ладонями на пыльный стол. – Гирен, мне нужна твоя помощь.

Взгляд зелёных глаз скрестился со взглядом бесцветных.

– Мхм. – Оттаяв от изучающей неподвижности, старик погрыз трубку. – Знаешь, Арон, а я догадываюсь, что тебе нужно. И, мхм, удивлён, что ты второй раз за полгода просишь меня об этом, помня о моей клятве.

– Если ты снова не воспользуешься Даром, могут погибнуть двое детей.

– Считаешь, что это оправдывает, мхм, клятвопреступление? *Снова?*

– Считаю, что это оправдывает гибель твоей дочери. Оправдывает то, что ты, ни в чём не виновный, проклял свою силу и бежал в глушь, – сказал Арон. – Похоронив Дар в себе, дав зарок никогда не использовать то, что дала тебе Богиня в помощь другим.

Когда после долгой паузы старик заговорил вновь, голос его звучал глуше прежнего:

– По тебе, может, и оправдает. У вас вообще странные принципы, мхм. По братцу твоему особенно заметно.

– Ты велел дочери не выходить из комнаты. Она не послушалась. Лиден никогда тебя не винила, ибо ты защищал их. Свою семью. Кто мог знать, что единственной жертвой твоего защитного круга в ту ночь окажется Лира? Что она единственная сгорит в огне, который должен был сразить твоих врагов?

Молчание, разлившееся по обсерватории, было тяжелее свинца.

– Я понимаю, почему ты возненавидел и степень магистра, и пост в Гильдии, который привёл в ваш дом того мага крови, и волшебство, погубившее твоего ребёнка, – продолжил Арон. – Но сейчас волшебство может спасти несколько жизней. Детских жизней. Для нас с тобой, по крайней мере, они дети.

– Ну загляну я в телескоп, положим, – сказал господин Гирен, досадливо поведя крючковатым носом. – Ну увижу я, что наши девочки на волосок от смерти. Ну скажу тебе, кто из них где... И что дальше, мхм? Что тебе дороже, Арон: две жизни или пятьдесят? – Жёлтые зубы ожесточённо клацнули о дерево трубки. – Фар-Лойл не справится без тебя. Половина ещё больна. И Лид рассказала, что у излеченных наблюдаются странные признаки... Необычная эта болезнь, Арон. И, мхм, не только сама болезнь. Что-то странное есть во всём этом. Я много на своём веку повидал... магистр бывший, в конце концов. Это не простой тиф, и пришёл он к нам, мхм, не просто так. Его кто-то насрал. Мнится мне, ты отлично знаешь, кто это мог быть.

– Тогда ты понимаешь, почему мне невыносима даже мысль о том, что наши девочки могут быть в руках этого не-человека.

Господин Гирен хмуро качнул кресло на ножках.

– Разве ты сам не можешь их найти? – спросил он спустя пару секунд молчания.

– Я пытался. Что-то закрыло от меня их обеих. Алексаса с Джеми – тоже.

– А-а, – протянул звездочёт. – Эффект зеркала Лиара?..

– Либо они уже у него, либо рядом с ними находится что-то, куда мой брат заключил частицу своей сущности, – подтвердил Арон тихо. – Я тут бессилен. А стоило мне прочитать ту заметку в листке...

– Да, тут и трёх догадок не нужно, чтобы понять, что у Таши это амулет. – Старик снова пожевал трубку. – А твой братец умеет строить планы. Начинаю им, мхм, восхищаться. В каком-то плане. Во всяком случае, сыграть с ним в аустэйн было бы интересно... мхм. И что будешь делать, если окажется, что девочки у него? Бросишь нас? Обречёшь жителей своего пастырства на гибель ради двух... мхм, да нет, что там душой кривить, *одной* девчонки? Я ведь прекрасно вижу, что до Лив тебе особого дела нет. Любишь её постольку-поскольку. Профессия у тебя такая, мхм, амадэйская: обязывает всех любить. Да и Таша расстроится, если поймёт, что на её обожаемую сестрёнку тебе...

– Я не знаю, что буду делать. Наверное, молиться, – голос дэя был негромким – и вместе с тем звучнее любого крика. – Но жить в незнании... – Арон шагнул к старику. – Гирен, предупреждаю: если ты откажешься мне помочь, я тебя заставлю.

Спокойно выдержав взгляд того, от кого бежали страшнейшие чудовища, хозяин дома стукнул по столу трубкой, отложенной в сторону.

– Кто она для тебя, Арон? – без обиняков спросил старик.

– Ты знаешь.

– Нет, не знаю. Дочь, которой у тебя никогда не было... – Звездочёт презрительно скрипил губы. – Ты – воплощённый свет, добро и справедливость. Ты обязан всех людей любить, как детей своих, мхм. Тепло и ровно, никого не выделяя, не делая различий между дурными и праведными. Богиня тебе пример. Но эта девчонка...

– Гирен, – сказал Арон, – просто загляни в телескоп, пожалуйста.

– Просто, мхм, непорядочно как-то по отношению к ней, если на самом деле...

– Гирен, прошу тебя в последний раз. По-хорошему прошу.

Старик фыркнул; даже фыркание его подозрительно напоминало «мхм».

– Как скажете, Ваше Зрящество. Будем считать, что просьба Возлюбленного Богиней снова снимает с меня грех клятвопреступления. – Подвинув кресло к телескопу, он нехотя припикнул глазом к окуляру. – С кого начинать?

– Таша.

– Как я и думал.

Господин Гирен крутанул рычажки прибора; морщинистые пальцы подсветило потустороннее золото, перекинувшееся на телескоп, забегавшее по нему колдовскими искрами.

– Мхм, – вынес вердикт старик, когда искры добрались до стекла на другом конце. – А красавица наша в Броселиане. Рядом с Зачарованным лесом. Бредёт с Алексасом под ручку... или с Джеми, кто их знает. Выглядит сносно. Счастья немеряного на лице не видно, но и следов пыток – тоже.

Арон смотрел на телескоп так, словно впервые в жизни видел подобный предмет.

– Она не в Арпагене, – произнёс амадэй.

– Мхм, – подтвердил господин Гирен.

– Она не дождалась меня.

– Женщины, – философски заметил звездочёт. Сочувственно похлопал собеседника по руке. – Дети растут быстро. Привыкай.

Взгляд амадэя многих напугал бы своей непроницаемостью, но бывшего магистра этим было не пронять.

– Хорошо. Я понял, – откликнулся Арон невыразительно. – Теперь Лив.

Господин Гирен вернулся к окуляру, благоразумно воздержавшись от дальнейших комментариев.

– Вторая наша красавица выезжает из Келтона и сворачивает на дорогу к Фар-Лойлу, – констатировал он. – Должно быть, ездил к кому из тамошних магов, чтобы тот ей сестрёнку помог найти... Думаю, ночью уже будет тут.

– Отлично. – Арон удовлетворённо качнулся на месте, переступив с мысков на пятки. – Утром сможешь заглянуть в телескоп ещё раз?

– Приятно, мхм, что хоть из вежливости спрашиваешь, а не даёшь сразу *чтением* по мозгам...

– Ты же мой друг, в конце концов.

Старик, откликнувшийся на эти слова исполненным сомнения «мхм», откинулся на спинку кресла.

– Мне одно интересно, – произнёс он задумчиво, будто решая любопытную магическую задачу. – Ладно Таша, но Лив-то где «зеркальце Лиара» взяла?

– Не знаю. Но надеюсь скоро узнать, – ответил Арон просто. – Спасибо, Гирен. Ты мне очень помог.

Старик тяжёлым взглядом следил, как амадэй идёт к выходу.

– Мхм. Ещё бы, – буркнул он в закрывающуюся дверь. – Вряд ли Ташу бы обрадовало, что ты не уберёг её дурочку-сестру.

* * *

– Так ты мне солгал, – сказала Таша, пытаясь разобраться в свежевозвращённой памяти, пока они с Алексасом шагали по тропе из Леса.

– Тебе я не лгу и не буду лгать никогда. Могу лишь утаить часть истины. Кажется, Арону ты это прощаешь, – заметил Алексас колко.

– К слову, об Ароне. – Она решила не реагировать на шпильку: сейчас у них было что обсудить помимо этого. – Блок на вашем сознании что, слетел вместе с концом Двоедушия? Арон же стирал вам память о Венце.

– Видимо.

– И зачем было возвращать мне память сейчас? Так рискуя? Могли бы просто вернуться в Арпаген и дожидаться...

– По многим причинам. – Под руку выведя её из обледенелой чащи, юноша отсалютовал стражникам, готовящимся запирать ворота на ночь. – Во-первых, если ты заинтересована в сохранности своего деревенщины, в ближайшее время нам стоит держаться к нему поближе. Во-вторых, Арон может прийти не так скоро, как ты думаешь.

– В смысле?

– Он говорит тебе далеко не всё из того, что знает... как обычно, впрочем. А Джеми, ещё находясь в Фар-Лойле, смог сделать кое-какие выводы. Это не обычный тиф. Это хворь, насланная на деревню специально.

Свет уличных фонарей играл на лице Алексаса матовыми бликами.

– Хочешь сказать, это Лиар? – От имени врага, произнесённого вслух, Ташину кожу стянули мурашки. – Часть *игры*?

– Именно.

Могла и сама догадаться, подумала Таша досадливо. А затем – с ещё большей досадой – подумала, что Арон мог и упомянуть о такой важной мелочи, прежде чем отпускать её из Фар-Лойла.

Они же договаривались: больше никакой лжи...

Это и не ложь, Таша, шепнул тоненький голосок внутри неё. Как справедливо заметил Алексас, это лишь утаивание части истины. Меньший грех. Навык, которым Арон овладел в совершенстве.

Только вот легче от этого не становилось.

– Не говорю уже о том, что трудно защищать человека, не знающего, от чего его приходится защищать, – продолжил Алексас. – Когда ты помнишь, что ты оборотень, ты хотя бы

сама себя способна защитить... от некоторых вещей, по крайней мере. Да и связываться с Герландом, когда ты не помнишь, кто он такой, было бы проблематично.

– А зачем нам Герланд? – тряхнув головой, спросила Таша, старательно загоняя злость на Арона поглубже на задворки сознания.

...сейчас им не до того. Злость лучше приберечь до встречи с амадэем.

– Осведомители Венца тщательно отслеживают все слухи о тайных обществах, существующих в Долине. – На ходу вскинув свободную руку, Алексас повёл пальцами в чёрной кожаной перчатке. Не замедляя шага, всмотрелся вдаль и свернул в переулок справа. – Борясь с узурпатором, разумнее объединять усилия. Если кто-то и знает о сообществе заговорщиков-эйр-далей, то это Герланд.

– Что ты делаешь?..

– Ты же просила защитить твоего деревенщину. Магией найти дорогу до его дома проще, чем спрашивать, как к нему пройти.

– Не называй его деревенщиной, пожалуйста, – сказала Таша тихо. – Он мой друг.

– Что не отменяет того, что вырос он в деревне. И в сравнении с тобой его манеры, а также уровень образованности и интеллекта оставляют желать лучшего.

– Он. Мой. Друг. Не смей его оскорблять.

– Хорошо, хорошо. Извини. – Алексас удержал её руку, когда Таша попыталась отпрянуть. – Не буду.

Девушка промолчала, но позволила и дальше вести себя улицами, двориками и переулочками. Смеющиеся, оживлённые люди спешили мимо них по своим делам. Ночной город сиял разноцветьем окон, искрился золотом снега, залитого светом фонарей; мрак скрывал то, что видеть не стоило, оставляя на свету то, что действительно заслуживало внимания. Откуда-то доносился музыкальный шум, и только тут Таша вспомнила, что сегодня Ночь Середины Зимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.